РОН ДЕЙКАР

ДОБРОТА ТОЖЕ ПОРТИТСЯ

Роман о человеке, которого мир не научился беречь

Рон Дейкар

Доброта тоже портится. Роман о человеке, которого мир не научился беречь

«Автор»
2026

Дейкар Р.

Доброта тоже портится. Роман о человеке, которого мир не научился беречь / Р. Дейкар — «Автор», 2026

Вы будете злиться. На тех, кто его ломает. И на него самого, когда он снова верит людям.Чу Шаоин растёт в бедности, цепляется за учёбу, дружбу и любовь. Казалось бы, у такого человека должно получиться. Но чужая жестокость не делает скидок на хорошие намерения, а за желание остаться добрым приходится платить всё дороже.Откройте этот роман, если вам мало историй, в которых хорошим людям просто выдают счастливый финал. Здесь захочется вмешаться, остановить, защитить. И всё труднее будет ответить себе: сколько бы выдержали вы?

© Дейкар Р., 2026
© Автор, 2026

Рон Дейкар
Доброта тоже портится. Роман о человеке, которого мир не научился беречь

Глава 1

По небу скользили лучи заходящего солнца. На мосту из металла и дерева стояли два подростка, глядя на мутную воду реки внизу. Иногда из воды выныривала рыбка, оставляя за собой круги на воде, а затем снова наступала тяжелая тишина.

Внезапно один из подростков сплюнул под мост, вздохнул и сказал: «Цзюньвэнь, что же нам делать? На этот раз мы наделали большую беду. Позор, просто стыдно показаться на люди. Если родители узнают, они наверняка жестоко отругают меня».

Парень по имени Лян Цзюньвэнь тоже нахмурился и сказал: «Вообще-то мы не специально это сделали. Кто же она такая, чтобы нас дразнить? В крайнем случае… В крайнем случае просто извинимся перед ней, хм. Разве мы должны за это умереть? Шаоин, чего ты её боишься?»

А этот мальчик по имени Чу Шаоин, напротив, все время нервничал. Он протянул руку, оторвал стебель тростника у моста и бросил его в реку. Наблюдая, как тростник уплывает по течению, он сказал: «Цзюньвэнь, давай вернёмся в школу, признаемся учителю в своей ошибке и извинимся перед её родителями. Лучше, чтобы родители об этом не узнали, хорошо?»

Лян Цзюньвэнь ответил: «Конечно, так было бы лучше, но сейчас в школе уже закончились занятия, да и мы не знаем, где находится её дом. Давай подождём до завтра».

Чу Шаоин вздохнул, покачал головой и сказал: «Ладно».

«Эй, Шаоин, смотри, вон там летит огромная птица, белая, такая красивая!» — Лян Цзюньвэнь указал на белую цаплю, одиноко парящую в ясном небе на фоне заходящего солнца.

«Вау, действительно красивая, такая большая! Если бы у меня была простая фотокамера, я бы её сфотографировала», — воскликнула Чу Шаоин, хлопая в ладоши и искренне восхищаясь.

Лица обоих подростков покраснели в лучах заходящего солнца, и их детская улыбка органично слилась с этим чудесным пейзажем, словно прежние опасения и не существовали.

«Я немного проголодался, Шаоин, а ты?» — спросил Лян Цзюньвэнь.

«Немножко».

«Тогда пойдём домой».

«М-м».

Оба молча пошли обратно, стуча по доскам под мостом. Перейдя деревянный мост и поднявшись по земляному склону, их силуэты окончательно очертились в лучах заката — два миниатюрных, полных энергии тела с пустыми рюкзаками за спиной. Обычно, проходя по этой дороге, они, наверное, прыгали бы и резвились, гоняясь друг за другом, или складывали бы из камыша лодочку и пускали её по речке, а то складывали бы из старой бумаги самолётик и, пуская его в полёт, мчались бы домой. Но сегодня они действительно проголодались, устали и лишились сил. Они шли бок о бок лёгкой походкой, и, идя, разговаривали.

Лян Цзюньвэнь сказал: «Шаоин, не бойся больше этого Лю Юнган. Если он осмелится тебя обидеть, давай ему отпор. Если не справишься, брось в него камнем — напугай этого сукиного сына до смерти».

Чу Шаоин кивнул и ответил: «Правильно. Если он ещё раз осмелится меня ударить, я его, блядь, закидаю камнями до смерти».

Так разговаривая, они дошли до небольшой деревни. По обе стороны дороги раскинулись огороды фермеров; некоторые хозяева, готовящие ужин, собирали овощи на грядках. Одна

тетя, увидев двоих ребят, сказала: «Цзюньвэнь, ты только что из школы? Почему так поздно вернулся? Дорога ведь такая длинная. В будущем будь осторожнее».

Лян Цзюньвэнь ответил: «Спасибо, тетя, но что тут такого в этой дороге? Я уже привык ходить, да и Шяоин со мной».

Тетя ответила: «Цзиньвэнь становится всё более рассудительным. Поспеши домой…»

Лян Цзюньвэнь кивнул и вместе с Чу Шаоин направился домой. В деревне повсюду росли фруктовые деревья; как раз наступил сезон их цветения, и повсюду витал аромат цветов, а некоторые рано отцветшие цветы уже уронили свои поникшие лепестки, которые пятнами и точечками рассыпались по земле.

У семьи Лян Цзюньвэня дела шли чуть лучше, их дом был просторнее, а перед входом росли несколько больших абрикосовых и грушевых деревьев. А вот семья Чу Шаоин была совершенно бедна, и крыша их дома часто протекала. Ребята не стали долго прощаться и просто разошлись по домам. Как только Чу Шаоин вернулся домой, он достал тетрадь и приступил к выполнению заданий по математике, а затем исправил тест. На этот раз он набрал 97 баллов: ошибся только в одном вычитании сотенных чисел, одном умножении двузначных чисел и одном делении, заняв третье место в классе. Чу Шаоин считал себя просто великолепным: он тщательно исправил каждую из этих трёх ошибок по три раза, а только потом приступил к выполнению заданий по китайскому языку, которые у него совсем не получались.

Сумерки постепенно закрыли глаза, и ночь за пределами желтоватого света свечи постепенно погрузилась в сон.

Мать была неграмотной крестьянкой. Приготовив ужин, она начала есть в одиночестве. Хотя приготовленная ею еда не отличалась особым вкусом, она ела её так, словно это было деликатес, и даже слово «заглатывать» не могло в полной мере описать её состояние. Чуть позже вернулся отец, сжимая в руке трубку для курения. Он сделал несколько затяжек сухого табака, и мать сказала: «Ужин готов, накладывай себе сам».

Отец спросил: «Шаоин уже поела?»

Мама небрежно бросила: «Откуда мне знать, ела она или нет?»

«Шаоин, ты уже поел?» — спросил отец, подойдя к двери комнаты Чу Шаоина.

«Ещё нет», — ответил Чу Шаоин, уже выпрямившись, и вышел вместе с отцом. Отец и сын вошли в тесную кухню: один взял миску, а другой — палочки и тарелку. Чу Шаоин разложил рис по двум мискам, отец — тарелку картофельной стружки, затем они прошли в гостиную, поставили еду на стол, принесли баночку острого соуса с красным тофу, и отец с сыном приступили к этому скромному ужину.

Чу Шаоин съел пару ложек риса и, вспомнив о своей высокой оценке по математике, не удержался и стал хвастаться перед отцом: «Папа, у меня на этот раз неплохо получилась оценка по математике».

«Сколько баллов?» — отец перестал жевать и с улыбкой спросил.

Чу Шаоин, видимо, знал, что отец спросит об этом, и ответил: «97 баллов. Учитель сказал, что если бы я был чуть-чуть более внимательным, то вполне мог бы набрать сто».

Отец улыбнулся, положил палочками немного картофельной стружки в миску Чу Шаоин и сказал: «Хорошо, учись хорошо, папа тебя поддерживает».

Чу Шаоин вспомнил, что в прошлый раз по китайскому языку он набрал всего 80 баллов и занял 15-е место в классе, и, желая ещё больше порадовать отца, сказал: «Папа, мне кажется, в последнее время я стал лучше справляться с китайским, и в следующий раз я тоже буду в числе лучших».

Отец слегка приоткрыл губы и сказал: «Молодец, но для папы самое главное — это то, как растет наш Шаоин, а вот оценки — это уже второстепенно».

Чу Шаоин не понял слов отца. Он был очень амбициозен и считал, что оценки — это самое главное; он считал себя очень умным и уверен был, что сможет набрать больше баллов,

чем все остальные. Как раз об этом он и думал, когда с улицы донесся шум, и он смутно услышал, как кто-то кричал: «Пожар, пожар!» Отец, не говоря ни слова, выбежал на улицу, а Чу Шаоин тоже отложил миску и быстрыми шагами выбежал за ним. Выйдя на улицу, он увидел огромные языки пламени, взмывающие высоко в небо и окрашивающие ночное небо в красный цвет. Взрослые несли ведра с водой, пытаясь потушить огонь. Вскоре подъехала деревенская пожарная машина, и из её струйных пистолетов непрерывно брызгала вода на очаг пожара, но пламя лишь слегка ослабевало; судя по всему, на тушение уйдёт ещё много времени.

Чу Шаоин понимал, что он ещё маленький и слабый; хотя у него и было желание помочь, сил на это не хватало, и ему оставалось только смотреть, как бушует пожар. Чу Шаоин оглядеался по сторонам и вдруг заметил нескольких друзей из деревни, которые, казалось, что-то обсуждали. Чу Шаоин сразу же подбежал к ним, и как только они его увидели, сказали: «Шаоин, мы откроем тебе секрет: этот пожар устроили мы».

«Что?» — Чу Шаоин был в полном шоке, не мог понять, в чем дело, и спросил: «Зачем вы это сделали? Мой папа говорил, что дядя Ван Эр — очень хороший человек».

Мальчик по имени Лю Сянь ответил: «Ван Юйвэнь — настоящий суетливый человек. Обычно, если мы совершаем хоть малейшую ошибку, он либо ругает нас, либо жалуется нашим родителям. По-моему, у него просто нет своих детей, и он завидует нам. Мои родители говорят, что он им больше всего не нравится — бездельничает и лезет не в своё дело».

Чу Шаоин скривил губы и вздохнул: «Ну, вы же переборщили».

Другой, по имени Дэн Шэн, ответил: «То, что мы не сожгли его дотла, — это уже большая любезность. Мой папа говорит, что дядя Ван всегда считает себя великим человеком. Если ему не показать его место, он так и не поймет, кто он на самом деле».

Чу Шаоин криво улыбнулся, глубоко вздохнул и сказал: «Вы… э-э… в будущем лучше не делайте таких вещей».

Ещё один, по имени Ю Цай, сказал: «Эй, Чу Шаоин, не думай, что раз у тебя неплохие оценки, ты можешь притворяться каким-то великим добродетелем. Предупреждаю тебя: если осмелишься рассказать кому-нибудь о том, что произошло сегодня вечером, мы тебе как следует надираем задницу».

Услышав такие слова, Чу Шаоин почувствовал сильное недовольство и ответил: «Мне плевать на ваши дела, я пойду делать домашнюю работу». С этими словами он отвернулся и ушел, а несколько человек за его спиной бросили на него косой взгляд и плюнули на землю.

К этому моменту огонь уже значительно поубавился, и вокруг вдруг стало гораздо темнее. Чу Шаоин всё ещё думал о домашней работе — не закончив её, она не сможет лечь спать. Вернувшись в свою маленькую спальню, она включила свет и как можно быстрее закончила домашнюю работу. Папа превратился в мокрого петуха, с него капала вода. Мама протянула ему полотенце, папа зашёл в спальню, снял одежду, вытерся и переоделся в чистую одежду, прежде чем выйти. В маленьком сердце Чу Шаоин папа был настоящим героем, словно он мог справиться со всем на свете, а она никогда не сможет до него дорасти.

Чу Шаоин вдруг захотелось в туалет, но он был трусливым: по ночам при виде туалета он сразу вспоминал о привидениях и монстрах, и еще не успев войти, уже испугался. Поэтому он сказал папе: «Папа, пойдем со мной в туалет, я боюсь один».

Папа улыбнулся, пошёл в соседнюю комнату за фонариком, взял Чу Шаоин за плечи и пошёл с ним в туалет. Войдя в туалет, Чу Шаоин выбрал вторую кабинку и присел на корточки, а папа стоял рядом и светил ему фонариком. Чу Шаоин считал папу своим лучшим другом, с которым можно было говорить обо всём, и спросил: «Папа, а ты знаешь, почему я присел на корточки во второй кабинке?»

Папа заинтересовался, улыбнулся и спросил: «Почему?»

Чу Шаоин ответил: «Я хочу стать очень успешным человеком. Во всём, что я делаю, я должен быть в тройке лидеров, и при сидении на унитазе — не исключение».

На этот раз папа громко рассмеялся и на мгновение замолчал, словно обдумывая что-то. Чу Шаоин не удержался и спросил: «Папа, о чём ты думаешь?»

Папа ответил: «На самом деле твой выбор очень правильный. Если бы ты занял первое место, это было бы слишком броско, и многие бы тебе завидовали; третье место не показало бы твоих способностей, а только второе позволяет смотреть на всех свысока, не привлекая при этом чрезмерного внимания».

Чу Шаоин посчитал эти слова слишком глубокими и не смог их понять, но ему было важно только то, что папа похвалил его, сказав: «На самом деле твой выбор очень правильный», — и он действительно поверил, что он очень умный. Закончив свои дела, Чу Шаоин обнаружил, что не взял с собой бумаги. К счастью, рядом был папа, и он спросил: «Папа, у тебя есть туалетная бумага?»

Папа пошарил в кармане, достал листок бумаги и протянул его сыну. Вскоре Чу Шаоин подтянул штаны и вместе с отцом вышел на улицу. Вся деревня казалась очень тихой, только чья-то собака в каком-то неизвестном уголке яростно лаяла. Луч фонарика освещал колышущиеся на ветру ветви ивы, которые напоминали грациозную красавицу. А за их спинами простиралось безбрежное небо, на котором звезды ярко мигали, очень ярко, очень ярко.

Это ночное звездное небо запечатлелось в жизни Чу Шаоин как невосстановимая вечность — оно было действительно ярким, очень ярким, его невозможно описать словами, и оно никогда больше не повторится.

Чу Шаоин и его отец вернулись домой — было всего десять часов, но уже чувствовалась сильная сонливость. Чу Шаоин принёс таз, вымыл ноги, а затем с большим трудом вынёс таз наружу, после чего вернулся в свою спальню, попросил отца выключить свет и заснул.

В ту ночь Чу Шаоин видел сон: ему приснилось, что он и Лян Цзюньвэнь лежат на бескрайней степи, а над их головами пролетают рои стрекоз, выстроенные в аккуратные ряды, а вокруг них разлетаются бесчисленные бабочки. Рядом с ними стояло вишневое дерево, и как только они открывали рот, в него попадала вишня; наевшись вишен, они помахали белым облакам, и те, взвалив их на себя, унесли их в путешествие по миру…

Чу Шаоин проснулся, радуясь своему сну. Открыв глаза, он увидел, что на небе уже начинало светать. Чу Шаоин всё время думал о школе — он ни в коем случае не мог опоздать, ни на минуту, — поэтому он поспешно встал с постели и собрал рюкзак. В кухне он на скорую руку подогрел еду, наспех съел несколько кусочков и, возвращаясь в спальню, громко хлопнул дверью. Папа проснулся и, поняв, что Чу Шаоин собирается в школу, сонно пробормотал: «Будь осторожен в школе».

Чу Шаоин ответил «м-м» и, взвалив рюкзак на плечи, отправился к Лян Цзюньвэню. Выйдя на улицу, он почувствовал, как его обволакивает аромат цветов и свежий утренний ветерок, от которых становилось так хорошо. Чу Шаоин глубоко вдохнул, поднял голову и посмотрел на небо: там едва различились несколько звёзд, которые, словно не желая покидать этот мир, всё ещё мерцали своим светом.

Чу Шаоин направилась к дому Лян Цзюньвэня и, подойдя к его дверям, едва не столкнулась с птичкой, случайно взлетевшей в испуге. Сквозь щель в двери слабо пробивался мягкий и тёплый свет, от которого у Чу Шаоин на душе стало уютно. Она постучала в дверь, и изнутри раздался женский голос: «Кто там?»

«Тетя, это я», — ответил Чу Шаоин, зная, что, услышав его голос, тетя сразу поймёт, зачем он пришёл.

«Заходи, — ответила тетя, — Цзяньвэнь ещё обедает?»

Чу Шаоин последовал за тетей в гостиную. Лян Цзюньвэнь, увидев Чу Шаоина, сразу спросил, пообедал ли тот. Чу Шаоин ответил, что уже пообедал, на что Лян Цзюньвэнь бросил ему пакет только что подогретого молока. Чу Шаоин отказался пить, но Лян Цзюньвэнь наста-

ивал, чтобы он выпил. Чу Шаоин по-прежнему отказывался, и тогда тетя сказала: «Выпей же, вы же обычно как братья, зачем тут церемониться?»

Чу Шаоин выпил молоко. Он пил очень медленно, потому что редко пил молоко — обычно ему давали пакетик только на Новый год. Он боялся, что, допив его, потеряет этот вкус и потом пожалеет. К тому времени, как он допил пакетик молока, Лян Цзюньвэнь уже закончил обед. Тётя принесла Лян Цзюньвэню рюкзак и сунула в него ещё один пакет молока. Лян Цзюньвэнь сказал: «Мама, я не буду пить, я уже надоел пить молоко каждый день».

Тётя строго отчитала его: «Как же так, не пить? Разве без молока можно расти?»

Лян Цзюньвэнь был вынужден согласиться и вместе с Чу Шаоин вышел на улицу. Едва они вышли за дверь, тетя напутствовала их: «Шаоин, Цзюньвэнь, будьте осторожны по дороге и в школе слушайтесь учителей».

Чу Шаоин ответил парой «мм-мм», и в блеске утренней зари два маленьких мальчика, как и всегда, неторопливо и беззаботно шли по тропинке. Утреннее солнце освещало их детские лица — такую картину невозможно описать даже самыми прекрасными словами на свете.

«Цзюньвэнь, как думаешь, сегодня в школе кто-нибудь будет над нами смеяться?» — Чу Шаоин всё ещё переживал из-за вчерашнего инцидента.

Лян Цзюньвэнь ответил: «Кто осмелится посмеяться надо мной, того я, черт возьми, побью. Хватит об этом думать, ведь в этом не только мы виноваты».

— Вау, Цзюньвэнь, смотри, сколько белых птиц! Они похожи на парящие облака, так красиво. Это перелётные птицы, да? Учитель говорил, что осенью они улетают на юг, а весной возвращаются. Они как ангелы сезонов, да ещё и очень верные.» Раскрытые глаза Чу Шаоин сияли ярким блеском в лучах восходящего солнца; хотя такой пейзаж можно было видеть каждую весну, каждый раз он вызывал у него неистовое восторг.

Лян Цзюньвэнь же заметил: «Хорошо бы иметь большую сеть, поймать двух-трёх птиц и завести их дома — тогда можно было бы видеть их каждый день».

Чу Шаоин изо всех сил пытался представить, как бы выглядела ситуация, если бы он поймал этих птиц и завел их дома, но ему казалось, что такая картина не сулит ничего хорошего, поэтому он покачал головой и сказал: «Если бы их держали дома, такого красивого зрелища не было бы. Мне гораздо больше хотелось бы оседлать их, чтобы они отвозили меня в школу и домой, и куда бы я ни захотел, они бы меня туда доставили».

«Эй, вы двое, как же вы так ушли? В школу и не позвали нас?» Сзади к ним подбежали мальчик и девочка — они были близнецами: мальчика звали Ван И, а девочку — Ван Хун.

«Мы как раз…» — Чу Шаоин только начал говорить: «…хотели вас найти», — но Лян Цзюньвэнь перебил её: «Ха! А кто вы такие? Почему мы должны вас звать? Вы что, такие важные? Пошли, Шаоин, посмотрим на большую белую птицу».

«Психи! Что там интересного в большой птице?» — Ван Хун косо бросила взгляд на двоих.

Лян Цзюньвэнь развернулся, указал на девочку и рявкнул: «Кого ты назвала психом? Осмелишься, блядь, повторить это ещё раз?»

Ван Хун замолчала, но Ван И, высоко подняв голову и надув губы, сказал: «Ну и что, если я тебя так назвал?»

Лян Цзюньвэнь бросил рюкзак на землю, бросился вперед и вступил в схватку с Ван И. На самом деле Ван И был крепче Лян Цзюньвэня, но Лян Цзюньвэнь был смелым парнем и дрался, не щадя себя, так что его боялись все. За три-пять ударов Ван И оказался на земле, а Лян Цзюньвэнь сел на него сверху. Увидев, как избивают брата, Ван Хун, не задумываясь, бросилась к Лян Цзюньвэню и стала толкать его. Лян Цзюньвэню пришлось одновременно справляться и с Ван И под собой, и с Ван Хун сверху, и было видно, что он вот-вот окажется в проигрыше. Но неожиданно в этот момент Чу Шаоин схватила Ван Хун за волосы и прижала её к земле. Ван Хун только плакала и кричала, что Чу Шаоин издевается над девочкой и не

является настоящим мужчиной. Эти слова попали Чу Шаоин в самую душу, и она слегка ослабила хватку.

Лян Цзюньвэнь сказал: «Мы с братом и так не герои, так что с того, что мы тебя обижаем? Не думай, что, раз у тебя дома есть куча грязных денег, ты такая уж великая, и все должны кланяться перед твоей семьёй?» Услышав это, Чу Шаоин сразу же почувствовал себя правым и решил, что избиение Ван Хун вполне оправдано, поэтому он крепко прижал её к земле, не давая ей пошевелиться.

Спустя некоторое время Лян Цзюньвэнь устал держать её и хлопнул ладонью по левой щеке Ван И, сказав: «Молодой господин сегодня действительно обидел тебя. Если у тебя хватит смелости, приходи к мне и отомсти». Сказав это, он отпустил Ван И, встал, отряхнул с себя грязь и сказал: «Шаоин, пойдём в школу».

Чу Шаоин тоже отпустила ту девочку, встала и, обнявшись с Лян Цзюньвэнем за плечи, пошла с ним; а брат и сестра из семьи Ван, оставшиеся позади, изо всех сил стряхивали с себя грязь и косо поглядывали на них.

Дойдя до моста, Лян Цзюньвэнь сказал: «Посмотрим, кто из нас первым перебежит этот мост». Чу Шаоин ответил: «Раз, два, три, бежим!» Оба разбежались, наклонившись вбок, и помчались к мосту внизу, перебежали его на полной скорости, а затем побежали вверх и перевалили через небольшой холмик. Оставшийся участок дороги был весь покрыт размокшей землёй: при каждом шаге поднималась туча пыли, и только середина дороги, уплотнённая многолетним хождением, оставалась твёрдой и чистой, подходящей для ходьбы. С одной стороны дороги протекала небольшая речка, с другой — простирались сельскохозяйственные поля. У обочины среди уже увядших зарослей камыша буйно росла новая камышовая поросль; изредка попадались одно-два дерева песчаной зызи, на извилистых ветвях которых сидели многочисленные воробьи, которые, как только появлялся человек, взлетали стаями.

Утренний свежий ветерок дул в лицо, и камыши зашумели, склонившись целыми зарослями. Вскоре вдали показалась школа; из трубы большой котельной за школой валил густой чёрный дым, который, под дуновением ветра, рассеивался во все стороны. Издалека доносились звуки чтения, ускользающие из окон классных комнат. Оба, казалось, боялись опоздать, и, быстро, сказали: «Беги».

Они бежали, а рюкзаки на спинах подпрыгивали в такт. Пробежав мимо небольшого канала, рядов кирпичных домов, окрашенных в красно-серые тона, и густых зарослей сочных зеленых ив, они оказались на заднем дворе школы. Задыхаясь, они увидели, что к школе едут ещё многие ученики на велосипедах, и только тогда поняли, что зря испугались. Они вытерли пот и медленно направились в класс. Лян Цзюньвэнь громко ругался: «Чёрт возьми, это наверняка учитель китайского — приходит и сразу заставляет всех сидеть в классе и читать, как будто без чтения все умрут».

В этой школе было всего три классные комнаты, все с кирпичными стенами и цементными потолками; в каждую из них помещалось примерно двадцать-тридцать парт. Перед классами простиралась большая ровная площадка, усыпанная мелкой галькой. Оба шли по галечной дорожке, с тревогой подошли к дверям класса, попросили разрешения войти, и учительница китайского языка с прекрасной фигурой кивнула. Тогда они подошли к своим местам, сели, достали учебники, а в это время все одноклассники громко читали: «Весенний рассвет: весенний сон не дает проснуться, повсюду слышно пение птиц, ночью раздавались звуки ветра и дождя, сколько же цветов опало?» Чу Шаоин знал, где находится это стихотворение, перелистнул на нужную страницу и начал читать вместе со всеми. Место Чу Шаоина находилось у окна; мягкие утренние лучи солнца падали на страницы книги, создавая ослепительный блеск. Чу Шаоину это показалось слишком ярким, и он невольно сдвинулся, локтем задев соседа по парте Ли Сяомо. Ли Сяомо резко вздрогнул и оттолкнул его руку. Чу Шаоин ничего не мог поделать и был вынужден остаться под палящим солнцем.

Вскоре утренняя чтение закончилось, и начались уроки. Первым был урок математики. Учительница математики выглядела ещё совсем молодой девушкой; на ней было платье с множеством цветочков. Она была очень приветливой и доброжелательной, и в её тоне при разговоре с учениками никогда не проскальзывало ни капли превосходства, которое могло бы быть связано с её возрастом. Сегодня она преподавала деление двузначных чисел. После того как она объясняла ученикам метод, она писала на доске множество примеров, а затем вызывала кого-нибудь к доске, чтобы тот их решил. Тому, кто решал правильно, она в качестве поощрения доставала из сумочки конфетку.

Каждый раз в такие моменты лучший ученик класса Чжэн Сюй и второй по успеваемости Вэнь Тао заранее высоко поднимали руки, чтобы учительница специально вызвала именно их. Учительница больше всего любила таких активных и готовых к сотрудничеству мальчиков. Каждый раз, когда Чжэн Сюй и Вэнь Тао выходили к доске решать задачи, они всегда соревновались в скорости, и всегда справлялись быстрее всех остальных, при этом их результаты были более точными. Учительница всегда первыми дарила конфеты именно им двоим; они с улыбками спускались с доски и показывали свои конфеты всем остальным. Едва они успевали сесть на свои места, как Чжэн Сюй снова поднимал руку, а Вэнь Тао, увидев это, тут же поднимал свою.

Учительница посмотрела на них, улыбнулась и снова назвала их имена. Оба снова быстро подбежали к доске, в мгновение ока решили задачу — и снова правильно. Учительница дала каждому по конфете, и они, радостно размахивая своими конфетами, спустились вниз; едва их задницы коснулись стульев, как они снова высоко подняли руки. Учительница, хотя и была рада, не осмелилась вызывать их снова, поэтому обратилась ко всему классу: «Кто-нибудь знает? Кто-нибудь знает? Кто знает, поднимите руку». Но, посмотрев довольно долго, она не увидела ни одного поднятого пальца, и тогда выбрала наугад двоих, указав на них пальцем: «Ты, ты, поднимитесь к доске и решите задачу».

Один мальчик широкими шагами подошёл к доске, а девочка осталась сидеть на месте. Учительница указала на неё и сказала: «Иди к доске и реши задачу». Девочка опустила голову и тихо прошептала: «Учитель, я не умею». Учительница подбодрила её: «Ничего страшного, просто подойди к доске, и я дам тебе конфетку». Девочка подошла к доске, но, судя по всему, действительно не знала, как решать, и, стоя перед доской с мелом в руке, не решалась начать. А тот мальчик тоже не знал. Сначала он некоторое время тупо смотрел на доску, затем, глядя на решение, написанное другим, начал беспорядочно что-то начертать, как кошка кота копирует. Закончив, у него даже руки задрожали, и он застыл перед доской, ожидая, что скажет учитель. Девочка несколько раз пыталась взять мелок, но, написав всего одну-две цифры, каждый раз стирала их самой рукой. В конце концов ей пришлось сказать учителю: «Учитель, я действительно не знаю».

Учительница улыбнулась, дала ей конфетку, заодно дала и мальчику, и сказала: «Вы двое можете садиться». Затем она снова обратилась к классу: «Кто умеет? Кто умеет?»

«Я!» «Я!» Чжэн Сюй и Вэнь Тао, не выдержав, уже выкрикнули. Учительница улыбнулась и с бессильной улыбкой сказала: «Вы двое, поднимайтесь сюда». Взгляд учительницы был устремлён на их места; ей достаточно было лишь слегка косо взглянуть, чтобы заметить слегка поднятую правую руку Чу Шаоин. Чу Шаоин смотрел на их двух, с воодушевлением поднимающихся на доску, чтобы решать задачу, и в душе без всякой причины почувствовала приступ тоски.

Чу Шаоин изо всех сил пыталась вспомнить, как они раньше вели себя, когда ошибались в решении задач: раскрывали рот, чесали волосы и с некоторым смущением говорили: «Ой, невнимательность, 56 же равно 30, — невнимательно написал 0 вместо 6». Но результат разочаровал Чу Шаоин: они оба справились отлично, каждый взял по конфете и с улыбкой вернулся на своё место.

Каждую задачу с доски Чу Шаоин прорабатывал на своей тетради, и в каждой из них он получал тот же правильный ответ, что и в решении. В некоторых случаях он даже использовал два разных метода. Иногда он решал задачи даже быстрее, чем Чжэн Сюй и Вэнь Тао, но у него не было такой смелости, как у них: он не осмеливался говорить перед всей классом, и даже когда выходил к доске, ему казалось, что на него устремлены бесчисленные взгляды, и ноги у него непроизвольно дрожали. Закончив задачу, он всегда тщательно её проверял, боясь, что где-то из-за невнимательности могла проскользнуть ошибка, и только убедившись в отсутствии ошибок, он, сжав губы, медленно спускался с доски. Если он решал правильно, и учитель его хвалил, его лицо становилось горячим, а сердце начинало биться как сумасшедшее; если же он ошибался, ему казалось, что мышцы лица перестали его слушаться: он пытался натянуть на лицо улыбку, чтобы показать, будто ему всё равно, но мышцы не подчинялись, и на лице не оставалось никакого выражения, а он молча плакал про себя; иногда в глазах наворачивались одна-две слезинки, но он сдерживал их, не давая им скатиться.

Однако в большинстве случаев учитель его не вызывал, потому что в классе он был никому не известной фигурой, несмотря на то, что у него были отличные оценки по математике.

Всякий раз, когда Чу Шаоин чувствовал себя не в своей тарелке, он невольно бросал несколько взглядов на Лян Цзюньвэня, но замечал, что тот спит, склонившись над партой; казалось, он совершенно не интересовался учебой и не боялся учителя, смея открыто спать на уроке. На самом деле он не спал по-настоящему, просто ему становилось неприятно, когда учитель приглашал кого-то к доске решать задачи, особенно когда он видел выражения лиц Чжэн Сю и Вэнь Тао — от них ему становилось просто тошно. Однако когда учитель объявлял, что они ответили правильно, и просил всех поаплодировать, он приподнимался, чтобы не выглядеть невовлечённым, и хлопал в такт.

Лян Цзюньвэнь сидел в последнем ряду класса; вместе со всеми мальчиками из ряда перед ним учитель обобщённо называл их «неучениками». Обычно учитель не удосуживался обращать на них внимание, оставляя их на произвол судьбы. Но и они, со своей стороны, не обращали на учителя никакого внимания. Лян Цзюньвэнь отлично вписывался в эту компанию. Обычно они за спиной учителя обсуждали, как тот пристрастен, как несправедлив и как обращается с учениками, как с обезьянами, а в такие моменты кто-то из них говорил: «Фу, я его вообще за свинью держу, отброс общества!»

Учитель всё ещё излагал основные моменты урока, когда Чу Шаоин вдруг услышал шум снаружи. Он повернул голову и увидел, что в соседнем классе уже закончился урок, и группа учеников гонялась и резвилась на спортивной площадке у входа в класс. Учитель проговорил ещё примерно полминуты, после чего «неученики» с задних рядов тихонько зашептали: «Урок закончился, урок закончился!» Учитель улыбнулся, сказал пару шуточных фраз и, взяв план урока, вышел из класса.

«Эх, наконец-то урок закончился», — покачал головой Чжэн Сюй. В этот момент Вэнь Тао с улыбкой подбежал к нему и сказал: «Брат Чжэн, пошли, выпьем шампанского». Чжэн Сюй развел руками и ответил: «Брат Вэнь, я сегодня денег с собой не взял». Вэнь Тао раскрыл рот, хлопнул себя по груди и хохотнул: «Мы же друзья, разве я заставлю тебя тратиться, если приглашаю на шампанское?» Чжэн Сюй громко рассмеялся и сказал: «Ну и ну, брат Вэнь, ты действительно щедрый». С этими словами они обнялись за плечи и беззаботно ушли.

Лян Цзюньвэнь бросил на них взгляд, швырнул учебник по математике на стол, встал со своего места, подошёл к Чу Шаоин и сказал: «Шаоин, пойдём выпьем газировки». Чу Шаоин на мгновение остолбенел, а затем тихо и быстро ответил: «У меня нет денег». Лян Цзюньвэнь фыркнул и сказал: «Когда я в последний раз приглашал тебя покушать, ты платил? Разве мы с тобой будем считаться?» Чу Шаоин обратился к Ли Сяомо: «Пожалуйста, отойди немного». Ли

Сяомо сдвинулся вперед, и Чу Шаоин прошел мимо него и вместе с Лян Цзюньвэнем вышел из класса. Они направились к маленькому магазинчику напротив учебного корпуса.

Это был совсем маленький магазинчик, но для детей его вполне хватало. Весь магазин представлял собой закрытое помещение с одним окошком, похожим на решетку: чтобы купить что-нибудь, ученикам достаточно было просунуть деньги в окошко, и хозяин протягивал им через него небольшие лакомства. В этот момент у окошка толпилось немало людей: одни хотели что-то купить, а другие — что особенно раздражало — купив, оставались на месте, чтобы съесть покупку. Чу Шаоин и Лян Цзюньвэнь, подойдя к окошку, пробились внутрь, сунули туда две юани и взяли две бутылки газировки. Лян Цзюньвэнь отдал одну бутылку Чу Шаоину, и оба, стоя под электростолбом в тени, начали пить газировку. Лян Цзюньвэнь за несколько глотков опустошил бутылку, а Чу Шаоин всё ещё неспешно наслаждался напитком. Лян Цзюньвэнь посмотрел на голубое небо, на котором не было ни облачка, и, как обычно, вздохнул, сказав: «Шаоин, тебе не кажется, что сегодня что-то не так?»

Чу Шаоин посмотрел на него и сказал: «Нет, всё спокойно».

Лян Цзюньвэнь погладил подбородок, нахмурился и задумался: «Именно потому, что всё слишком спокойно, и что-то не так».

Чу Шаоин спросил: «О чём ты говоришь? Можешь привести пример?»

Лян Цзюньвэнь ответил: «Ну, например, моя компания бездельников. Обычно, как только заканчиваются уроки, они все толпами окружают меня и тащат гулять, а сегодня они даже не обращают на меня внимания. Еще, когда я сплю на уроках, тот учитель всегда смотрит на меня с гневом, а сегодня его взгляд изменился — он смотрит на меня как-то странно, будто с презрением. В общем, мне кажется, что что-то не так, наверняка что-то происходит».

Чу Шаоин сказал: «Ничего страшного, не задумывайся так много. Чёрт возьми, чего нам с тобой его бояться…»

Лян Цзюньвэнь, всегда смелый и дерзкий, начал испытывать сомнения; его лицо покрылось мрачным выражением, на нем промелькнула легкая тревога. Вдруг прозвенел звонок на урок, а Чу Шаоин ещё не допил газировку. Он решил, что лучше зайти в класс, поставить бутылку на подоконник и допить её после урока. Оба большими шагами помчались к классу, но, поскольку не успели подготовиться заранее, оказались последними, кто вошёл в класс. Когда они остановились у двери, та соблазнительная учительница китайского языка уже стояла у кафедры. Чу Шаоин крикнул: «Доклад!»,учительница, увидев бутылку газировки в его руке, гневно прорычала: «Выбрось это!» Чу Шаоин, глядя на учительницу, готовую съесть его заживо, испугался и был вынужден выбросить бутылку. Но как только он собрался это сделать, Лян Цзюньвэнь схватил бутылку и сказал: «Учительница, это моя». Учительница ответила: «Твою тоже нужно выбросить». Лян Цзюньвэнь надул губы и сказал: «Мама сказала, что в эти дни жарко, и если не пить газировку, можно получить тепловой удар. А если я получу тепловой удар, кто будет оплачивать лечение?»

Учительница китайского языка разразилась гневной тирадой: «Кем ты себя возомнил? Разве в этом классе можно вести себя так, как тебе вздумается?»

Лян Цзюньвэнь, видимо, тоже испугался такого гнева, замолчал, но бутылку с газировкой продолжал сжимать в руке, нахмурился и больше не произносил ни слова. Учитель китайского языка, видя, что такая патовая ситуация только зря тратит время всех присутствующих, сказал: «Залезайте внутрь». Оба вошли в класс, сели на свои места. Лян Цзюньвэнь достал учебник по китайскому языку и сделал вид, что пристально смотрит в книгу, но про себя гадал, что же, в конце концов, произошло. Учитель по-прежнему объяснял разницу между передними и задними носовыми гласными, а он прочитал вслух то, что написал пиньинь, и ученики повторяли за ним.в классе раздался гул, наполненный тяжёлыми носовыми звуками.

Когда учитель сказал: «Повторите это несколько раз сами, чтобы различить разницу между передними и задними носовыми гласными», ученики, следуя указаниям учителя,

громко зачитали текст. На мгновение класс наполнился носовыми звуками, что выглядело довольно забавно, и даже учитель на кафедре не смог сдержать смеха. Прочитав некоторое время, все почти освоили материал, и только когда учительница сказала «стоп», чтение постепенно стихло. Она указала палочкой на пиньинь на доске и попросила всех прочитать его вслух. В классе раздавались громкие голоса, и все произносили точно так же, как она учила.

Затем она написала на доске ещё много прочитанных ранее пиньинь и стала вызывать учеников, чтобы те прочитали их вслух. К этому моменту уже никто не поднимал руку. Если вызванный ученик отвечал правильно, она позволяла ему сесть; если же отвечал неправильно, она хмурилась и либо обзывала его «дураком», либо «тупицей». Учительница наугад выбрала одну девочку и указала палочкой на «an» на доске. Девочка смотрела на эту гласную на доске, но никак не могла вспомнить. Увидев пристальный взгляд учительницы и взоры многих учеников, устремлённые на неё, она вдруг растерялась, зарыдала и тихо прошептала: «Я не знаю».» Учительница тихонько хмыкнула, не проявляя особых эмоций, и велела ей сесть. Если бы это был урок математики, над этой девочкой обязательно бы посмеялись, но на уроке китайского языка никто над ней не смеялся — эти уроки и так были довольно гнетущими, а учительница — настоящая тигрица; некоторые ученики втайне говорили, что каждый урок китайского языка укорачивает жизнь на десять лет.

Но у учительницы литературы были свои методы: ей не нужно было, чтобы ученики инициировали взаимодействие с ней — кто бы ни получил от неё указание, тот должен был его выполнить. Она с удовольствием вела монолог, а ученики воспринимали передаваемые ею знания как истину в последней инстанции, хотя на тот момент их запас знаний был равен нулю, и им было трудно отличить правду от вымысла в её словах.

Внезапно в класс влетела птичка, и ученики больше не смогли сдерживать себя — все подняли головы и устремили взгляд вверх. Птичка беспорядочно летала по классу, а ученики беззвучно хихикали. Учительнице это не понравилось — это нарушало дисциплину на уроке, и она приказала мальчикам прогнать птицу. В этот момент Чжэн Сюй и Вэнь Тао первыми бросились вперед, размахивая учебниками и швыряя их по классу, а остальные мальчики тоже стали гонять птицу книгами. Одна девочка, боясь, что птица может погибнуть, не отрывая глаз следила за ней; каждый раз, когда книги мальчиков почти достигали птицы, её сердце сжималось от страха, что с ней может случиться что-то плохое. Только когда птица, беспорядочно метаясь, вылетела в окно, девочка расправила брови и слегка улыбнулась.

Птица улетела, и мальчики стали искать свои книги. Учительница, видя, что в классе царит полный беспорядок, была в ужасном настроении, но не имела повода выместить злость, поэтому вызвала ответить на вопрос одного из мальчиков, который говорил тихо и сдавленно. Тот не мог сообразить, как прочитать написанное на доске, и учительница громко выругалась: «Ты просто проклятая курица!» Мальчик, получивший нагоняй, почувствовал себя очень обиженным, лицо у него запылало, он хотел ответить учительнице тем же — «больной цыпленок», — но не осмелился. Учительница велела ему сесть, и, сев, мальчик продолжал с негодованием уставиться на парту, чувствуя, что не может сдержать обиду. «Если бы я был чуть старше, — думал он, — тогда я бы не боялся её. Она ругает меня — я ругаю её». Так, в ярости и оцепенении, мальчик просидел до конца урока.

Они учились всего лишь во втором классе и лишь смутно слышали от старших братьев и сестёр, что в третьем классе у них появится новый предмет под названием «английский язык». До этого они в основном изучали китайский язык и математику, но большинству детей эти скучные предметы не нравились. Им больше по душе были такие предметы, как музыка, рисование или природоведение. Если бы у каждого ребёнка на этапе раннего образования был хороший учитель по одному из этих предметов, то, наверное, многие из них стали бы гениями. Последним уроком утром был урок природоведения. Во втором классе было всего два учителя, и урок природоведения вел учитель китайского языка.

На этом уроке учитель учил всех делать поделки. Он попросил всех сдать свои пакеты с материалами для поделок, чтобы они не потерялись, а затем все ученики собрались вместе, чтобы помочь учителю рассортировать разные материалы. Дети проявили большой энтузиазм, сразу же окружили учителя, быстро разделили все материалы по видам, а затем сложили одинаковые материалы в один пакет. Вскоре все были готовы. В пачке материалов, которую раздала Чу Шаоин, лежала маленькая бумажка с буквами, обозначающими модель. Чу Шаоин не знал, пригодится ли эта бумажка, и положил её вместе с материалами, но неожиданно учительница ударила его по руке и сказала: «Дурачок». Чу Шаоин тут же отдёрнул руку, почувствовал неприятное чувство и почувствовала, как лицо стало горячим.

После того как материалы были рассортированы, учитель раздал каждому по комплекту материалов, которые понадобятся сегодня, а затем попросил всех собрать модель по инструкции. Каждый занял небольшой участок и начал вырезать «бумажные детали» ножницами, затем собирать детали по инструкции и, наконец, склеивать их клеем. Чу Шаоин очень быстро закончил работу. Он хотел поднять руку, чтобы сказать учителю, что уже готов, но, увидев, что одноклассники всё ещё что-то собирают, его сердце забилось: стоит ли говорить учителю, что он уже закончил? Он колебался.

«Учитель, я закончил!» — громко воскликнул Чжэн Сюй, высоко подняв свою модель, и обратился к учителю.

«Подай сюда!» — с улыбкой сказала учительница, взяла модель Чжэн Сю и дважды подряд повторила: «Отлично».

«Учитель, я тоже закончила», — с облегчением вздохнула Чу Шаоин и только тогда протянула свою модель. Учитель тоже дважды сказал: «Неплохо», а затем спросил: «Кто ещё закончил?»

«Я!»

«Я!»

«И я!»

«Моя тоже скоро будет готова». Как ни странно, на этом уроке ученики были особенно смелыми, ничуть не боялись, а учитель позволял им вести себя так, как им заблагорассудится — словно они хорошо знали его характер. Учитель смотрел на стол, заваленный макетами, и слегка улыбался. Те, кто ещё не собрал свои макеты, ускорили работу, но в суете начали путаться и в итоге собрали их ещё хуже. Вскоре снова прозвенел звонок на перемену. Учитель встал, сложил готовые модели в большой пластиковый пакет, а тем, кто не успел, сказал: «Доделывайте дома. Когда закончите, подпишите и сдайте мне. Урок окончен, будьте осторожны по дороге домой». Учитель вышел из класса, а Чжэн Сюй, высоко подняв руку, воскликнул: «Пора домой!» Кто-то сказал: «Чжэн, подожди меня». Чжэн Сюй оглянулся — это был Вэнь Тао. Он широко улыбнулся, обнял его за плечи и сказал: «Вэнь, пошли, мы вдвоём, домой». Оба радостно ушли.

Лян Цзюньвэнь, держа в руках свою модель, окликнул: «Шаоин, пошли домой». Чу Шаоин подошёл, и они вдвоём направились домой. Дойдя до ивового перелеска за классом, Лян Цзюньвэнь разорвал модель на мелкие клочки и бросил её в небольшой ручей. Чу Шаоин спросил: «А учитель ведь велел сделать её и сдать?» Лян Цзюньвэнь сердито ответил: «К чёрту сдачу! Как только дело касается выгоды, он ведёт себя как император — деспотично. Кто вообще станет делать эту бессмысленную гадость?» Чу Шаоин, видя, что модель уже разорвана, понял, что спорить бесполезно, и сказал: «Пойдём».

Полуденное солнце пекло так, что пот сразу же выступил на коже. Но они оба были полны энтузиазма, и эти лучи солнца только усиливали их внутренний пыл и воодушевление, особенно у Чу Шаоин: в его ярких, живых глазах отражался прозрачный, светлый мир, лишенный всякой грязи; даже «Чистая земля», о которой говорят буддисты, не смогла бы описать и одной десятитысячной доли красоты этого состояния. Оба быстро вернулись в деревню. На

огородных грядках за пределами деревни крестьяне, занятые посадкой овощей, были поглощены своей работой, и никто их не заметил. Они вернулись домой, как обычно. Дверь дома Чу Шаоин был широко распахнута.

Войдя в дом, он позвал: «Папа». Никто не ответил. Подумав, что отец не услышал, он повысил голос и трижды позвал «Папа», но ответа по-прежнему не последовало. Затем он тихо позвал: «Мама», но ответа не последовало. Он невольно немного рассердился: почему они оставили дверь открытой, если их нет дома? Но потом подумал, что, наверное, у них возникли какие-то дела, и они боялись, что он, вернувшись, не сможет войти в дом, поэтому и оставили дверь открытой. Тогда он зашёл в маленькую кухню, подогрел остатки еды и с аппетитом приступил к трапезе. Пообедав, он пошёл в туалет. Днём он не боялся ходить в туалет, поэтому пошёл один. По дороге он встретил Лян Цзюньвэня, который как раз тоже направлялся туда. Лян Цзюньвэнь спросил: «Шаоин, скажи, твои родители дома?» «Э-э?» — Чу Шаоин был очень удивлён и спросил: «Что ты имеешь в виду?» Лян Цзюньвэнь ответил: «Я только что вернулся домой, а родителей нет, но все двери в доме широко распахнуты. Я подумал, что вор проник внутрь, но, посмотрев на вещи, обнаружил, что ничего не пропало». Чу Шаоин ещё больше заинтересовался и сказал: «У меня то же самое».

Лян Цзюньвэнь поднял с земли камень и изо всех сил швырнул его в глиняную стену соседнего дома, оставив в ней небольшую вмятину. Он громко воскликнул: «Чёрт возьми, тут, блядь, точно что-то не так. Если я узнаю, кто тут вытворяет, я на глазах у всех спущу ему штаны». Он чувствовал себя очень некомфортно, но не мог понять, в чём дело. Ему хотелось хорошенько отлупить виновника, но он не знал, кто это сделал. Ему ничего не оставалось, как послушно пойти с Чу Шаоин в туалет, пописать, а потом, не желая больше сидеть дома, он взял Чу Шаоин за руку и потянул в сторону школы.

В школе было несколько учеников, которые не уходили домой на обед; они играли перед зданием, гонялись и шумели. Чу Шаоин и Лян Цзюньвэнь прошли мимо них, но те даже не взглянули на них, намеренно избегая их. Лян Цзюньвэнь не обратил на это внимания, вернулся в класс, улегся лицом на парту и попытался заснуть. Однако, пролежав пять минут, он так и не смог уснуть, поэтому встал, позвал Чу Шаоина и сказал: «Давай выйдем и поболтаем». Оба направились к стогу соломы за школьным туалетом. Лян Цзюньвэнь несколько раз с размахом сделал сальто назад на стоге, но, почувствовав, что это не помогает избавиться от груза на душе, прокатился по нему еще раз двадцать раз. В конце концов, когда у него совсем не осталось сил, он положил ноги на стог, а голову уложил на солому. Чу Шаоин тоже долго стоял на руках на стоге соломы, так что у него вспотел лоб, а руки затекли от усталости. Он перекатился со стога на кучу соломы, посмотрел на голубое безоблачное небо над головой и сказал: «Мне действительно кажется, что что-то не так».

Лян Цзюньвэнь вытер пот с уголка глаза и спросил: «Мы что, наделали беду?»

«Я тоже так думаю», — ответил Чу Шаоин, жевая сухую и хрустящую соломинку.

Постепенно стали слышны голоса людей; они знали, что в школу наверняка пришло немало новых учеников, но не хотели так скоро возвращаться. Они задумчиво смотрели в небо, не произнося ни слова. Легкий ветерок, несущий слабый аромат, медленно дул, лаская своим теплом всё на свете и приятно обдувая лица. Лян Цзюньвэнь стряхнул со своих рукавов прилипшую солому, взглянул на часы и сказал: «Пошли, пора на урок, осталось пять минут».

Чу Шаоин, опираясь на руки, встала, отряхнула с себя пыль и последовала за ним. Как только они вошли в класс, Лян Цзюньвэнь молча вернулся на своё место, а Чу Шаоин огляделся по классу: все одноклассники сидели, опустив головы, и были подавлены. Чу Шаоин сжал губы, вернулся на своё место, сел, достал учебник по математике и стал ждать начала урока. Звонок на урок так и не прозвучал, и Чу Шаоин посмотрел в окно, но на спортивной площадке не было ни души, на улице было тихо, только голубь из соседнего дома, сидя на проводе, оглядывался по сторонам, словно маленькая нота на нотном стане. Как же ей хотелось, чтобы он сыграл

какую-нибудь мелодию, пусть даже самый тихий звук. Пока она так размышляла, в класс вошла учительница. Её лотосово-розовый кошелек был пухлым — очевидно, сегодня она принесла больше конфет, чем обычно. Чу Шаоин подумал, что там наверняка много конфет, и стал гадать, получит ли он одну из них.

Как только прозвенел звонок на урок, Чжэн Сюй и Вэнь Тао сразу оживились: учительница едва успевала задать вопрос, как они уже додумывали вторую половину и высказывали ответ. Учительница была так рада, что не могла закрыть рот от улыбки, но при этом сказала: «Не перебивайте учительницу, дайте ответить другим ученикам». Они, конечно же, перестали перебивать учительницу, и как только она закончила задавать вопрос, первыми подняли руки, ожидая, что она вызовет их ответить. Но учительница обратилась к классу: «Кто знает? Кто знает?» Спросив долго, но так и не увидев ни одной поднятой руки, она выбрала одного мальчика и задала ему самый простой вопрос.

Мальчик быстро ответил, и учительница похвалила его за ум и предложила подойти к доске, чтобы получить приз — конфетку. Затем учитель снова обратился к классу: «Еще кто-нибудь знает? Еще кто-нибудь?» На этот раз несколько новых ручек дрожащими движениями поднялись в воздух; некоторые даже поднялись, а потом опустились. Учитель снова сказал: «Кто знает? Не страшно, если ошибетесь», — и тогда эти ручки снова попытались подняться. Учительница заметила ту дрожащую ручку и, указав на её владельца, сказала: «Ты, да, именно ты. Я знаю, что ты обязательно ответишь правильно. Встань, будь смелее, маленький мужчина».

Мальчик, съежившись, встал, застенчиво оглянулся на одноклассников, его личико слегка покраснело, и даже на лбу выступили несколько капель пота. Учительница задала ему ещё более простой вопрос. Мальчик прикусил губу и тихо прошептал ответ, но учительница услышала его, причём очень чётко. Однако она всё же сказала: «Громче, я не расслышала». Мальчик сглотнул слюну, набрался смелости и громко ответил. Учительница тут же зааплодировала, и весь класс последовал её примеру. Мальчик мгновенно покраснел, как яблоко сорта «Красный Фудзи». Учительница сказала: «Он очень смелый и ответил правильно, поэтому я награжу его ещё одной конфетой».

Учительница лично положила две конфеты на его парту и сказала: «В будущем отвечай на вопросы чаще». Мальчик застенчиво кивнул. Затем учительница спросила: «Кто ещё знает? Кто ещё знает?» На этот раз две трети всего класса подняли руки, а руки Чжэн Сю и Вэнь Тао были лишь двумя из этих двух третей, и они были недовольны, сердито глядя на всех одноклассников. Учительница рассмеялась ещё громче, окинула взглядом весь класс и, указав на одного мальчика в заднем ряду, сказала: «Ты, ответь». Мальчик быстро встал, выглядя уверенным в себе и полным решимости. На этот раз учительница задала вопрос посложнее. Едва она закончила, мальчик занервничал — он не мог ответить. Ему казалось несправедливым, что остальным задавали такие простые вопросы, а ему — такой сложный. Он почесал затылок, несколько раз произнес «э-э», но ничего не пришло в голову, и в конце концов ему пришлось честно признаться: «Учительница, я не знаю».»

Все ученики, глядя на его вид и слушая его тон, не смогли сдержать смеха, и учитель тоже рассмеялся. У того мальчика тут же померло лицо, и он с негодованием уставился на парту. Но в этот момент учительница сказала: «Хм, он очень честен, и ему тоже полагается конфетка». Цель ответа на вопрос заключалась не только в том, чтобы получить конфетку, но одна все же лучше, чем ничего, и он, нахмурившись, подошёл к кафедре, взял конфетку у учительницы и почтительно сказал: «Спасибо».

Лян Цзюньвэнь всё ещё мучительно размышлял над сегодняшней странностью, не мог сосредоточиться на уроке, его взгляд постоянно блуждал: то он смотрел в окно, то опускал глаза на пол, то снова поглядывал на одноклассников; в общем, он сидел неспокойно, и пол под ним был весь испачкан его слюной, а его лицо напоминало пасмурное небо перед дождём,

затянутое густыми тучами. Учитель бросил взгляд на его место, но тут же отвернулся и попросил его соседа по парте ответить на вопрос. Лян Цзюньвэнь давно раскусил уловку учителя, не удержался и снова сплюнул, а потом просто крепко уснул.

Весь этот день Лян Цзюньвэнь провёл в таком беспокойном сне, а после уроков он снова пошёл с Чу Шаоин на мост Тэму. Ленное солнце лениво освещало их лица, а вдали, на песчаном островке, высокие камыши колыхались на ветру, словно тонкие талии танцовщиц. Они вдвоём так и простояли на мосту в тишине некоторое время; поскольку у обоих на душе были одни и те же коварные мысли, разговора не завязалось, и только когда закат постепенно опустился за горизонт, они повернули назад. Они быстро вернулись и увидели, что на окраине деревни собралась группа стариков, беседующих между собой, но никто из них не обратил на них внимания.

Уже смеркалось, и они поспешили разойтись по домам. Как только Чу Шаоин вернулся домой, мать, отступив от своей привычной политики невмешательства в жизнь дочери, тут же набросилась на неё с упреками: «Где ты была? Почему так поздно вернулась? С первого взгляда видно, что ты — ни на что не годна».» Чу Шаоин почувствовал неприятное чувство в душе, но теперь, когда он ходил в школу, он уже не был таким, как раньше, и не стал драться с матерью. Учитель научил его слову «сыновняя почтительность» и объяснил его значение. Чу Шаоин поверил в это и мог только стоять в стороне, молча терпя эту горечь. Вскоре вернулся и отец. Он спросил мать: «Ты видела Шаоина?» Мама ответила, что он только что вернулся, и отец тоже разразился гневной тирадой, ругая его: «У тебя что, еда в голову ударила? Почему так поздно вернулся? Не боишься, что тебя дикий волк утащит?»

Насколько он помнил, это был первый раз, когда отец так сильно на него накричал; раньше, даже когда он совершал серьёзные ошибки, отец никогда не говорил с ним так жестоко, и Чу Шаоин не смог сдержать слёз. Папа продолжил ругать его: «Какая от тебя польза? Все время ходишь с мокрыми штанами…» Чу Шаоин больше не смог сдерживаться, но в душе он чувствовал, что папа просто воспитывает его и делает это ради его же блага, поэтому он терпел и не давал волю эмоциям. Однако он просто не выдержал этого резкого контраста и, плача, выбежал на улицу, бегая без цели. Выбежав на улицу, он вдруг услышал, что кто-то ещё плачет. Чу Шаоин прислушался и обнаружил, что это Лян Цзюньвэнь.

Он тоже плачет? Лян Цзюньвэнь тоже заметил его и побежал к нему, крича на бегу: «Шаоин, они хотят…» Но не успел он договорить, как заметил, что Лян Цзюньвэню зажали рот. Чу Шаоин присмотрелся и понял, что это отец Лян Цзюньвэня. Тот, зажав ему рот, тащил его домой. Он хромал, словно только что поранил ногу, но, не обращая внимания на боль, упорно тянул Лян Цзюньвэня обратно. Лян Цзюньвэнь же изо всех сил пытался вырваться из объятий отца и подойти к Чу Шаоину, но ему это не удалось. Чу Шаоин был очень озадачен. Он сделал несколько шагов в сторону Лян Цзюньвэня, но, увидев его отца, остановился.

Ему смутно донеслось, как отец Лян Цзюньвэня сказал: «Другие даже о своих близких не заботятся, а ты зачем лезешь в чужие дела?». Чу Шаоин ничуть не понял смысла этих слов; он всё ещё пребывал в шоке от резкого контраста в поведении отца. Застыв на месте, он присел на корточки, поднял с земли камешек и бросил его в сторону. Такие глупые движения он повторял не менее ста раз, пока отец не крикнул с порога: «Пора ужинать». Только тогда он, с недовольным видом, вернулся за стол. Сегодня на обед была тыква-горлянка. Родители уже пообедали. Чу Шаоин взял миску, набрал палочками остатки блюда, попробовал — оно было чертовски соленое.

У него даже возникло желание рвать. Если бы он не считал себя виновным, он, наверное, выбросил бы блюдо и приготовил бы новое. Он сказал маме: «Мама, почему ты приготовила блюдо таким соленым? Я даже не понимаю, как вы это едите?» Мама ответила: «Ты целый день ничем не занимаешься, а когда тебе дают поесть, ты ещё и придираешься, нравится тебе или нет — не ешь, не ешь и всё». Чу Шаоин почувствовал себя очень некомфортно, но пришлось

смириться с несчастьем: он налил себе большую миску кипятка, ополоснул в нём блюдо и с трудом доел. Покончив с ужином, он убрал миски и тарелки, вошёл в свою спальню, включил свет, достал домашнее задание и приступил к его выполнению. Сегодня он опоздал с домашней работой, а заданий было довольно много, и это его очень раздражало, поэтому он стал писать побыстрее. Но когда он ускорил темп, почерк стал неаккуратным. Однако, видя, как ночь становится всё глубже, а сонливость всё сильнее, он всё же предпочёл, пусть почерк будет неаккуратным. «Не знаю, какой это вонючий учитель, почему сегодня задал столько заданий? Я же — цветок Родины, разве я выдержу такое истязание?» — так он в душе роптал на учителя. Ему было действительно очень сонно, и, не обратив внимания, он случайно уперся лбом в стол. Лоб слегка заныл, но он тут же собрался с силами, выпрямился и продолжил делать домашнее задание.

«Эй, иди спать, уже поздно, зачем тебе делать домашнюю работу?» Незаметно для него папа, одетый в тонкие штаны, подошёл к столу, взял его под руку и велел ложиться спать. «Не могу, я ещё не закончил, сначала допишу, потом пойду спать», — Чу Шаоин попытался вырвать руку. Но отец держал его слишком крепко; он схватил рюкзак Чу Шаоина и все книги и с силой швырнул их к потолку, сказав: «Если ты сейчас не пойдёшь спать, я выгоню тебя на улицу, пусть тебя комары кусают».» Чу Шаоин чувствовал себя несправедливо обиженным: он просто хотел быть хорошим ребенком и, следуя указаниям учителя, закончить все домашние задания. Разве быть хорошим ребенком — это плохо? Он просто не смог вынести такого удара и не сдержался — громко зарыдал, плача очень, очень горько, слезы размыли его чёткие черты маленького личика. Он вытер слёзы рукавом, но остальные слёзы снова невольно потекли. Плача, он подбирал разбросанные книги, складывал их в рюкзак, а затем с большой неохотой снял туфли, лёг на кровать, спрятался под одеялом и тихо рыдал. Отец выключил свет, закрыл дверь и ушёл спать.

Чу Шаоин, оставаясь один под одеялом, горько плакал. Он не понимал, почему отец так сильно изменился, но твердо верил в одно: отец делает это для его же блага, он просто воспитывает его способом, который ему пока непонятен. Поэтому, какую бы большую обиду он ни испытывал, он принимал её с готовностью и решил, что, когда вырастет, станет таким же, как отец. Его очень беспокоили те незавершённые домашние задания; он боялся, что завтра учитель его отругает. В душе у него всё переворачивалось, и он не мог уснуть. Он вытер слёзы углом одеяла и убедил себя поскорее заснуть, чтобы завтра встать пораньше и доделать те задания, которые не успел.

Он закрыл глаза, но всё равно не мог уснуть, тогда он применил «метод счета перед сном», которому научил его учитель: сосчитал до ста, а потом, с некоторым затруднением, снова от ста до одного, но всё равно не мог уснуть. Он высунул голову из-под одеяла и посмотрел в окно. Он заметил, что несколько звёзд подмигивают ему. В детстве дедушка рассказывал, что все звёзды на небе — это древние истории, и чем ярче звезда, тем интереснее история, которую она олицетворяет. Он разглядел самую яркую звезду и ему показалось, что она ему улыбается. Ему захотелось узнать историю этой звезды, и он начал представлять, как взлетает в воздух, подлетает к ней и слушает её рассказ. Погрузившись в эти мысли, он почувствовал, что ему стало немного легче, и, погрузившись в полусонное состояние, заснул.

На следующий день он встал очень рано, на небе ещё не забрезжило. Он не осмелился делать домашнюю работу дома с самого утра и решил сначала легко позавтракать, а потом пойти в школу. В кастрюле на кухне не осталось остатков еды, а готовить он не умел, поэтому заварил немного риса кипятком, добавил немного острого соуса с красным тофу и с трудом съел миску. Затем он взвалил рюкзак на плечи и отправился к Лян Цзюньвэню. Возможно, было ещё слишком рано, Цзюньвэнь, возможно, ещё лежал в постели или только что проснулся. Чу Шаоин считал, что мешать кому-то спать — это плохо, но всё же подошёл к двери дома

Цзюньвэня. Увидев, что внутри горит свет, он набрался смелости, постучал в дверь и окликнул: «Цзюньвэнь!»

Мама Лян Цзюньвэня открыла дверь, и, не дожидаясь, пока Чу Шаоин успеет спросить: «Лян Цзюньвэнь дома?», она выпалила: «Цзюньвэнь больше не будет ходить в школу, так что не ищи его больше». Не договорив, она захлопнула дверь. Чу Шаоин почувствовал сильную грусть — такого с ним ещё никогда не бывало. Отношения с Лян Цзюньвенем были для него ближе, чем с родным братом, и эта печаль превосходила даже ту, которую вызвала перемена в поведении отца. Но он всё же беспокоился о своих домашних заданиях: нужно поскорее пойти в школу и закончить их. Может быть, к вечеру Лян Цзюньвен снова помирится с ним, как в детстве, когда они ссорились из-за игрушки и не разговаривали друг с другом, но через некоторое время снова становились лучшими друзьями.

Он с тревогой отправился в путь, бежал трусцой, и, добежав до окраины деревни, по неосторожности упал в небольшую лужу, промокнув до нитки. Ему было очень неудобно, но, к счастью, рюкзак не намок. Он украдкой побежал домой, боясь, что родители заметят, что его одежда промокла. Переодевшись в чистую одежду и спрятав грязную, он снова направился в школу. На этот раз он ясно видел дорогу и осторожно ставил ноги. Он бежал трусцой и с трудом добрался до школы. К тому времени, когда он пришёл, уже стало светло, и он только тогда заметил, что бежал слишком быстро: ноги и брюки были в пыли. Он отряхнул их рукой, прислонился к подоконнику и принялся за домашнее задание.

В этот момент к нему подошли несколько одноклассников, которые, доставая тетради, тоже начали писать. Некоторые из них, столкнувшись с трудными задачами, обращались за помощью к Чу Шаоин, Чу Шаоин внимательно отвечал на их вопросы, а только потом приступал к выполнению собственной работы. Вскоре подошли ещё несколько одноклассников с вопросами, и Чу Шаоин ответил на них один за другим. Однако он успел сделать лишь небольшую часть своей работы, а одноклассники время от времени продолжали обращаться к нему. Он оказался в затруднительном положении: не отвечать на вопросы одноклассников было бы недружелюбно, а отвечая на них, он не успевал закончить свою работу.

Поэтому он старался отвечать как можно быстрее, а затем спешно приступал к выполнению заданий. Через некоторое время одноклассник с ключом открыл дверь, и Чу Шаоин, обхватив рюкзак и тетради, занес их внутрь и, сев на место, отчаянно пытался доделать задание. Но когда прозвенел звонок на урок, у него оставалась целая страница математического задания. Поэтому, повторяя таблицу умножения, он быстро набросал ответы на эти вопросы. Он предпочел, чтобы о нём говорили, что он не умный, чем чтобы называли его ленивым. Только закончив домашнее задание, он с чистой совестью присоединился к остальным и начал повторять таблицу умножения. Сначала он не решался говорить громко, боясь, что его услышат, но голоса одноклассников уже заглушили его, и тогда он начал повторять вслух. По окончании утреннего чтения он подошёл к старосте группы, чтобы сдать домашнее задание. Он чувствовал себя полным уверенности, но в то же время испытывал лёгкое чувство вины; тем не менее он смело передал задание старосте. Он подумал, что когда учитель поставит крестики на его наспех написанные ответы, он исправит каждую ошибку по три раза, и тогда сможет успокоиться.

Он внимательно прослушал первый урок, а на втором, прошедшем всего несколько минут, к школе подъехали несколько машин, после чего учитель китайского языка пришёл и сообщил всем, что сегодня будет медицинский осмотр. Все ученики класса были вне себя от радости и поспешили выйти из класса. Чу Шаоин пошёл позвать Лян Цзюньвэня, но, взглянув на его парту, понял, что тот сегодня не пришёл. Он очень расстроился: он привык во всём действовать вместе с Лян Цзюньвэнем, и рядом с ним он чувствовал себя смелее и спокойнее. Выйдя на улицу, он почувствовал, что половина его смелости куда-то испарилась. Он напра-

вился к месту проведения медосмотра, где его одноклассники торопились пройти обследование.

У учителя он взял бланк и бегло окинул взглядом количество учеников, стоящих в очередях у различных пунктов: больше всего было у весов, довольно много — у аппарата для измерения жизненной ёмкости лёгких, а у пункта определения группы крови — меньше всего. Однако Чу Шаоин увидел, что для определения группы крови нужно проколоть палец, и ему стало очень страшно, он боялся боли, поэтому пошёл на измерение жизненной ёмкости лёгких. Скоро настала его очередь. Врач бросил на него взгляд и сказал: «Сдайте свою карточку». Чу Шаоин передал карточку медицинского осмотра и, подражая одноклассникам, взял трубочку и с силой подул в неё три раза.

Врач посмотрел на показания и записал их. Затем Чу Шаоин прошел к столу для проверки зрения. Врач попросил его сначала закрыть левый глаз левой рукой, а затем сразу же указал своей палочкой на одну из букв «Е» в самом нижнем ряду. Чу Шаоин без труда назвал правильный вариант. Затем врач попросил его закрыть правый глаз правой рукой и снова указал тонкой палочкой на букву «Е» в самом нижнем ряду; Чу Шаоин снова без труда назвал правильный ответ, и врач, не выдав своих эмоций, записал две цифры «5,2». После этого Чу Шаоин подошёл к весам; когда настала его очередь, врач, увидев, что на его тканевых туфлях много грязи, сказал: «Сними обувь».

Чу Шаоин снял туфли и, только сняв их, почувствовал запах своих ног, к тому же они были очень черными. Ему стало немного неловко, и он, прижав обе ножки друг к другу, съежившись, поднялся на весы. Врач-женщина, прикусив ручку, косо взглянула на показания весов, в графе «вес» написала цифру 35 (предположим, что нормальный вес для ребенка его возраста составлял 40) и бросила ему бланк. Затем Чао Ин подошёл к месту измерения обхвата талии. Он подошёл к врачу-мужчине, тот схватил его за одежду, притянул поближе, обвёл талию мерной лентой, записал показатель и отпустил его. Последним пунктом было определение группы крови.

Чу Шаоин очень испугался и оглянулся на одноклассников. Он заметил, что большинство из них уже прошли обследование и покинули комнату, и только несколько девочек все еще ждали своей очереди. Чу Шаоин сжал кулаки, набрался мужества и встал в очередь. Он стоял последним в очереди, перед ним были три девушки. Как же ему хотелось, чтобы время в этот момент застыло, чтобы им не делали анализ, но в то же время он хотел, чтобы всё поскорее закончилось: ведь стоит лишь один раз испытать боль от укола, и больше она не повторится. Ему также хотелось, чтобы произошло что-нибудь неожиданное, например, чтобы учитель внезапно объявил, что анализ не будет проводиться.

Он смотрел, как девушки перед ним одна за другой уходили, выпятил подбородок, глубоко вздохнул: «Ну и ладно, если надо, так и будет», — и невольно сглотнул. Наконец он увидел, что девушка, стоящая перед ним, ушла. Он знал, что сейчас ему предстоит испытать боль, сердце у него колотилось, как сумасшедшее. Он протянул дрожащую руку, и врач-женщина взяла его маленькую ручку и нежно спросила: «Боишься боли?» Чу Шаоин приподнял брови и четко ответил: «Нет, не боюсь». Но его рука сильно дрожала. Врач взяла острую иглу и уколола ему средний палец правой руки; только когда из ранки вытекла большая капля крови, она убрала иглу, взяла образец крови у Чу Шаоин, а затем с улыбкой подала ему пинцетом комочек ваты. Чу Шаоин прижал его к ране и вышел в тень. Подул ветер, по спине пробежал холодок, и Чу Шаоин только тогда понял, что сильно вспотел. Глядя на яркий и милый солнечный свет за окном, он почувствовал прилив легкости и подумал, что он — смелый человек. Он вошёл в класс один. Одноклассники с воодушевлением читали, и среди громких голосов Чжэн Сюй смело сказал Вэнь Тао: «У меня самый большой объём лёгких во всём классе». Вэнь Тао тихо ответил: «Чушь».

Чу Шаоин сел на свое место и стал ждать, когда начнётся урок. Учительница математики, нарядно одетая, вошла, обнимая толстую стопку тетрадей, перелистывала их одну за другой, указывая на ошибки и вызывая учеников по очереди. Когда она дошла до тетради Чу Шаоина, она позвала: «Чу Шаоин»,Чу Шаоин поспешно подошёл к ней. Учительница открыла его тетрадь на той странице, где он нацарапал что-то наугад, и, указывая на неё, спросила: «Как ты это сделал? Почему всё неправильно? По-моему, ты просто обманываешь учителя». Сказав это, она швырнула тетрадь Чу Шаоина на пол и перешла к следующему ученику. Чу Шаоин был очень огорчён: он с таким трудом доделывал задание, что даже не выспался, а в ответ услышал: «По-моему, ты просто обманываешь учителя». Ему было так грустно, слезы посыпались ручьем, но он не смел плакать вслух. Держа тетрадь в руках, он молча пошёл к своему месту, опустил голову и тихо плакал. Отражение от стекла где-то в классе отразило пару лучиков света, которые как раз упали на его лицо, даря лёгкое тепло, и ему стало уютно. Он вытер слёзы, открыл тетрадь, пересчитал ошибочные места заново, а затем три раза переписал задачи вместе с ответами. Только закончив, его сердце постепенно успокоилось. Он повернулся и несколько раз взглянул в окно: солнечный свет был ярким, а ветер развевал один-два пластиковых пакета.

Снова весело прозвенел звонок на перемену. Он в одиночестве и с тяжелым сердцем вышел на улицу, нашел тенистое место и присел на корточки. Рядом с ним время от времени проходили группы людей по три-пять человек. Он начал думать о том, почему Лян Цзюньвэнь перестал ходить в школу, без него ему было очень не привычно. Он поднял с земли камешек и стал вертеть его в руке. Камешек, не нагретый солнцем, был холодным, но как только он прижал к нему свою ладошку, камешек стал теплым. Однако снова прозвенел звонок на урок, и он поспешно смешался с беспорядочной толпой, вошел в класс и аккуратно сел на свое место.

Учитель китайского языка энергичным шагом и с гордо поднятой головой вошёл в класс, быстро положил план урока по центру кафедры и громким, сильным голосом провозгласил: «Урок начинается!». Староста класса громко крикнул: «Встать!», и все ученики быстро встали, наклонились и хором сказали: «Здравствуйте, учитель!» Учитель тоже наклонился и ответил: «Здравствуйте, ребята». Сев на место, Чу Шаоин стал рыться в рюкзаке в поисках учебника по китайскому языку, но, перерыв его вдоль и поперек, так и не нашёл его.

Он забеспокоился — наверняка забыл взять с собой — и обратился к соседу по парте: «Покажи мне учебник».» Сосед по парте подтолкнул ему книгу, и они стали смотреть её вместе. Когда учитель закончил урок и предложил всем выполнить упражнения из учебника, сосед по парте, не имея выбора, взял книгу к себе, достал карандаш и приступил к решению заданий. Чу Шаоин бездумно сидел на своём месте, застыв в оцепенении; карандаш в его руке дрожал, он опустил голову и украдкой поглядывал на учителя. Учительница спустилась с кафедры; у него затрепетало сердце, он ещё ниже опустил голову, глубоко нахмурился и, закатив глаза, косо посмотрел на учительницу. Учительница прошла мимо и оказалась за его спиной; он её больше не видел и был вынужден навострить уши, прислушиваясь к её шагам. Шаги учительницы напоминали звук трения наждачной бумаги, они были очень ритмичными, но, не зная почему, она внезапно остановилась, шаги стихли, но тут же резко раздались снова, совсем рядом с ним. От страха у Чу Шаоин на лбу выступил пот; он прищурился, но учительница долго не приближалась. Тогда он начал потихоньку поворачивать голову, чтобы постепенно сместить взгляд назад. Прошло немало времени, прежде чем он заметил, что учительница отвечает на вопросы учеников в задних рядах, и только тогда он успокоился. Тогда он резко выпрямил голову, опустил взгляд и с тревогой сел на свое место. Больше всего он надеялся, что учительница не посмотрит в его сторону или просто пройдет мимо. Но постепенно шаги снова раздались и с невероятной скоростью приближались к нему. Нервы Чу Шаоин снова напряглись: он высоко поднял левое плечо, делая вид, что учебник по китайскому языку лежит у него на груди. Сосед по парте закончил выполнять упражнения и вернул книгу; они стали смотреть

в неё вместе, и только тогда Чу Шаоин немного расслабился, с некоторым смущением глядя в чужую книгу.

«Кто из вас двоих не взял с собой учебник?» — внезапно подошла учительница и спросила.

Чу Шаоин от страха задрожал губами, так и не осмелившись произнести слова «Я не взял», а его сосед по парте оставался совершенно невозмутимым. Учитель спросил: «Чу Шаоин, это ты не взял?» Чу Шаоин кивнул, опустив голову, прикусив губу, а в глазах навернулись слёзы.

«Убирайся отсюда!» — резко прокричала учительница.

Чу Шаоин моргнул, опустил голову и тяжелыми шагами молча вышел из класса. Он не осмелился уйти далеко и послушно стоял у входа в класс, глядя на ясное небо и землю, а потом в одиночестве сдерживал слёзы. Он взглянул на далекое небо: несколько серых больших птиц кружили у горизонта. Как же он хотел иметь пару крыльев, чтобы летать вместе с ними! Но пока он смотрел, птицы исчезли, и он снова перевёл взгляд, глядя на яркий солнечный свет. Его глаза были чистыми и ясными, и ему казалось, что он может разделить солнечный свет на тонкие нити; там, где лучи касались ресниц, образовывались разноцветные линии, похожие на зубцы расчёски, — это было очень красиво.

Солнечный свет, падая на лицо, словно озорной жучок, ласково гладил его кожу, доставляя приятное ощущение. Вдруг из кабинета вышел учитель и бросил на него презрительный взгляд. Чу Шаоин сразу же занервничал: он знал, что стоять наказанием на улице — это очень постыдно. Он начал напрягать расслабленное тело и стал стоять торжественно, выпрямившись как струна; ему даже казалось, что две кости в коленях соприкасаются. Он продержался так довольно долго, и у него выступил холодный пот на лбу. Не знаю, как это случилось, перед глазами внезапно всё затуманилось, ноги перестали его слушаться, и он свалился на землю; голова опустела, он потерял чувство равновесия, словно парил в воздухе. Пробыв в таком положении минуту, золотистые звездочки в глазах постепенно стали исчезать, и восприятие окружающего мира постепенно восстановилось. Он снова встал на ноги, но в душе чувствовал себя ошеломлённым, словно внутри него блуждали огромные влажные облака, но настолько лёгкие, что казались невесомыми. Он не осмелился снова напрягать тело и стоял, покачиваясь из стороны в сторону. У него больше не было никаких других мыслей, он только надеялся, что такая ситуация больше не повторится — ему было очень страшно.

Как только прозвенел звонок на перемену, учитель, взяв с собой план урока, вышел из класса. Чу Шаоин был вынужден снова выпрямиться и стоять, не отводя взгляда, в надежде, что учитель посчитает его послушным и не накажет. Но учитель, свернув за угол, направился прямо в кабинет, даже не взглянув в его сторону. Одноклассники тоже один за другим вышли из класса, но Чу Шаоин по-прежнему не смел расслабиться и уйти — ему казалось, что учитель подойдет и жестоко отругает его, а если он уйдет, то учитель, возможно, его побьет. Так он и стоял, как ошеломленный, до самого начала урока, но учитель так и не появился. Тогда он вздохнул с облегчением, решив, что наказания не будет, после чего с чистой совестью вошел в класс, сел ровно и начал внимательно слушать урок.

Последним уроком в этот день была самоподготовка. Учитель не пришёл, Чжэн Сюй вместе с несколькими мальчиками сбежал с урока, и вслед за ним с урока сбежала большая часть мальчиков из класса; остались всего два-три мальчика, а остальные — все девочки. Чу Шаоин считал, что эти мальчики совсем не послушные, что они все плохие дети, и что он ни в коем случае не должен быть таким, как они. Поэтому он достал учебники и усердно повторял материал; он читал очень долго, вплоть до конца урока. Он осторожно сложил книги в рюкзак и пошёл позвать Лян Цзюньвэня, чтобы вместе пойти домой, но, взглянув в его сторону, вдруг осознал, что того нет, и ему пришлось возвращаться домой одному.

Выйдя из класса, он увидел, как из трубы котельной поднимается едва заметный белый дымок, и ему показалось, что его шаги стали такими же лёгкими, как этот струящийся дымок. Он пошёл обратно, но, идя, почувствовал боль в животе. Сначала она была едва ощутимой, и он, терпя боль, продолжал идти, но потом она постепенно усилилась и распространилась по всему телу. Ему казалось, будто что-то внутри него кусает его, и от боли сердце почти выскакивало из груди, эта боль отличалась от того, как будто ножом разрезают кожу; она была похожа на веревку в перетягивании каната, когда с обоих концов с бесконечной силой дергают за мышцы, но силы с обеих сторон не хотят сдаваться, то ты тянешь в одну сторону, то я — в другую; в этой перетяжке никто не проигрывает и никто не выигрывает, а его мышцы бесконечно страдают от этого растяжения. Чу Шаоин стиснул зубы — он должен был преодолеть эту боль, он верил, что сможет это сделать. Мышцы его лица претерпевали резкие изменения: сначала искажались, потом возвращались в нормальное состояние, затем снова искажались и снова возвращались. В конце концов он сжал зубы, но не скрежетал ими, а язык вытянул вперед и поднял в воздух. От таких мучений его лоб весь покрылся потом, волосы прилипли к нему, что доставляло сильный дискомфорт.

«Эй, пацан, почему ты не идешь вместе со своим Лян Цзюньвэнем? По-моему, ты у него просто женишка», — насмехался над ним Ван И, ведя за собой свою сестру Ван Хун.

У Чу Шаоин и без того в голове царил полный хаос, и, услышав такие слова, он действительно пришёл в ярость, стиснув зубы, и выругался: «Иди на хрен».

Ван И спросил: «Что ты сказал?» «Иди на хрен со всей своей семьёй», — в ярости прорычал Чу Шаоин. Ван И бросился к нему и с силой пнул Чу Шаоина в живот; тот отлетел на два-три шага, схватил горсть пепла и бросил её в Ван И, беспорядочно нанося ему удары кулаками. Ван И был гораздо сильнее его: он схватил его за шею и прижал к земле. Чу Шаоин попытался укусить его, но тот зажал ему рот. Чу Шаоин изо всех сил барахтался на земле, но это не приносило никакого результата, Он широко раскрыл глаза и злобно уставился на противника; на его лице отразилась невыразимая стойкость, на шее вздулись синие жилы, а спина была выпрямлена как струна, но все это было бесполезно.

В конце концов Ван И не знал, что делать, и был вынужден отпустить его. Как только Чу Шаоин поднялся, он нанес два удара ногой по заднице Ван И, от чего тот, взбесившись, развернулся и жестоко пнул его еще два раза. Чу Шаоин снова оказался на земле, ползая на четвереньках, он стиснул зубы: если он встанет, Чу Шаоин снова начнёт бить его, даже если придётся укусить до смерти, но, подняв глаза, он увидел, что Ван И уже убежал вместе с сестрой. Чу Шаоин смирился со своей неудачей, сплюнул, отряхнул пыль с одежды, выжал две слезины, снял рюкзак, отряхнул пыль с него, расстегнул молнию, проверил книги внутри и обнаружил, что одна страница помялась.

Он разгладил её, закрыл книгу и положил обратно в рюкзак, посмотрел на заходящее солнце на горизонте и не спеша направился домой. Пройдя довольно долго, он наконец заметил, что живот уже не болит, но то мучительное ощущение он помнил очень хорошо — словно боль до сих пор оставалась в его теле, просто спрятавшись в каком-то укромном уголке и пока не давая о себе знать. Он перешёл через тот маленький мостик, посмотрел на облака на горизонте и неспешно направился домой. Дойдя до окраины деревни, он увидел, что незнакомцы по-прежнему занимались своими делами. Чу Шаоин взглянул на них и молча пошёл домой.

Вернувшись домой, он увидел, что отец разговаривает с каким-то незнакомцем и не обращает на него внимания, а мамы нигде не было. Чу Шаоин бросил рюкзак и быстро выбежал на улицу — он собирался найти Лян Цзюньвэня. Он быстро добежал до двери его дома; дверь была широко распахнута. Он крикнул: «Цзюньвэнь, Цзюньвэнь, Цзюньвэнь!» Никто не ответил, и он, набравшись смелости, вошёл внутрь, открыл внутреннюю дверь и, заглянув в комнату, увидел, что она пуста — там ничего не было. Он был очень удивлён, но не смог найти Лян Цзюньвэня, и это вызвало у него такое чувство утраты, какого он ещё никогда не испы-

тывал. Он сразу же с понурой головой вышел на улицу и, как раз выйдя из дома, случайно встретил Лю Сяня, и не удержался от вопроса: «Лю Сянь, ты не видел Лян Цзюньвэня?» «Его? Не знаю, почему, но его семья сегодня внезапно переехала, никому ничего не сказав».» — ответил Лю Сянь. Чу Шаоин кивнул, ему вдруг захотелось плакать, но слёзы не шли. Он молча ушёл, дошёл до каменного мостика на окраине деревни, присел на опору и в одиночестве безмолвно смотрел на заходящее солнце, уже наполовину опустившееся за западным горизонтом. Зелёные деревья на холмах в лучах заката были окутаны лёгким сиянием, словно то лёгкое уныние, что лежало на его сердце. Под облаками, уже окрасившимися в ярко-красный цвет, неспешно пролетела маленькая белая птичка — без товарищей, но совершенно беззаботная. Внезапно прилетел орел, схватил её лапой и унёс прочь, оставив лишь несколько белых перьев, промелькнувших по небосводу. Через мгновение орел тоже исчез, и небо стало совершенно пустым, чистым на тысячи миль.

Чу Шаоин моргнул, в душе у него было пусто. Ему казалось, что это бескрайнее небо находится прямо в его маленькой груди, что окружающие поля тоже находятся в его голове, что насекомые разговаривают с ним, облака пожимают ему руку, а ветер обнимает его. Ему было уютно, и единственное, что его огорчало, — это то, что он не знал, увидит ли он ещё когда-нибудь Лян Цзюньвэня.

Подумав об этом, он вздохнул с облегчением и посмотрел на чистую воду реки под мостом, где из воды выпрыгнула рыбка.

Глава 2

С наступлением темноты ему пришлось вернуться домой. Папа всё ещё беседовал с тем человеком, а мама в комнате чем-то была занята. Чу Шаоин спросил отца: «Папа, ты уже поужинал?» Папа ответил: «Еда на кухне, подогрей себе сам и поешь». После чего он продолжил разговор с тем человеком; судя по всему, они хорошо ладили друг с другом, обмениваясь репликами в очень спокойном тоне. Чу Шаоин пошёл на кухню, подогрел немного сушеной капусты, а затем съел её с жидким рисом. Сушеная капуста была невкусной — наверное, из-за того, что её высушили на солнце, и, возможно, в ней не осталось почти никаких питательных веществ.

Чу Шаоин предпочитал есть рис посуше, но он был голоден, поэтому проглотил всё без разбора. Пообедав, он прошел мимо отца и вошел в комнату. Мама напевала какую-то мелодию, время от времени бормоча что-то себе под нос. Чу Шаоин показалось, что мама напевает довольно приятную мелодию, и, когда она закончила, он сам невольно пробормотал что-то вслух. Он бросил взгляд на диван и пол: вчера здесь было чисто и аккуратно, а сегодня — полный беспорядок и вонь. Ему хотелось сказать маме: «Давай приберемся в комнате», но он знал, что раньше она часто ругала его, и он очень злился на неё, поэтому решил просто не обращать на это внимания.

Он пошёл в свою спальню и начал усердно решать задачи. Больше всего он любил математику, поэтому всегда начинал с неё. Ему уже не нужно было считать на пальцах — его умение считать в уме значительно улучшилось. Сложение и вычитание он мог выполнять без черновика, но для умножения и деления ему всё ещё требовалась бумага. Каждый правильно решённый математический пример приносил ему чувство удовлетворения, поэтому он всегда очень быстро заканчивал домашнее задание по математике. Учитель китайского языка задал множество слов и предложений для переписывания.

Чу Шаоин не любил это делать, но боялся, что учитель отругает его, обвинит в лени и сообщит об этом родителям, поэтому он, стиснув зубы, приступил к работе, Он писал и писал, пока у него не затекли руки, не затек шея и не застыло тело — а сделал он всего лишь чуть больше половины. Он отложил ручку, размял запястья, с усилием покрутил головой, а когда чувство онемения и ломоты немного ослабло, снова взялся за работу. Через некоторое время вошёл папа.

Увидев кривые буквы Чу Шаоин, он сказал: «Держи ручку крепче, пиши аккуратнее».» Чу Шаоин, спеша закончить домашнюю работу, не стал обращать особого внимания на отца, лишь ответил «м-м», крепко сжал ручку и стал писать аккуратно; действительно, почерк стал выглядеть лучше, он почувствовал, что у папы большой опыт и он знает гораздо больше, чем он сам, но Чу Шаоин чувствовал, как сильно затекла рука, особенно первый сустав среднего пальца, на который давила ручка, слегка болел, но, послушавшись папу, он всё же продолжал крепко держать ручку и старался писать аккуратно. Он писал очень долго, так долго, что кожа на первом суставе среднего пальца правой руки даже натерлась до крови, и ему было немного больно, но он всё же продолжал крепко держать ручку и дописал домашнее задание до конца. Когда он, приложив огромные усилия, наконец закончил домашнее задание, ему показалось, что его руки уже почти не принадлежат ему. Он сильно встряхнул их, а затем размял, но всё равно чувствовал, что правая рука и левая рука уже не такие, как раньше. Только встав, он почувствовал, что у него ужасно болит задница. Он помассировал её рукой, и только когда боль утихла, он, делая скованные шаги, вышел из комнаты. Вдруг ему захотелось в туалет, и он сказал отцу: «Папа, проводи меня в туалет».» Папа резко ответил: «Иди сам!» У отца было мрачное выражение лица, и Чу Шаоин не смог этого понять. Ему стало очень страшно, и ему пришлось выйти одному. На улице было темно; где-то лаяли собаки, стрекотали насекомые, и ему казалось, что в темноте скрываются злобные чудовища, готовые схватить его при малейшей неосторожности, а затем съесть, применив всевозможные причудливые способы, о которых он даже не мог себе представить. Вдруг из окна за их домом пробился слабый свет; он разглядел небольшой участок с неровной поверхностью, и, подойдя туда, присел на корточки, спустил штаны и сделал свои дела. Время от времени он поглядывал за пределы этого света, ему казалось, что за ним скрываются бесчисленные демоны и чудовища, жаждущие полакомиться его плотью, и этот маленький лучик света был его единственным убежищем. Он очень боялся, что дома вдруг выключат свет, и тогда этот луч исчезнет, а демоны и чудовища съедят его, поэтому он поспешно закончил свое дело. Но, засунув руку в карман, он обнаружил, что забыл взять бумагу. Он сразу же запаниковал и подобрал несколько гладких камешков, чтобы вытереться. Вытеревшись, он поспешно подтянул штаны, завязал пояс и, съежившись от страха, в панике побежал домой. Прибежав домой, он нашёл свою большую и громоздкую таз для ног, налил в него немного холодной воды, а затем, раскинув руки, с огромным усилием занёс таз в дом. Затем он взял старый термос, налил в него немного кипятка, поставил табуретку, снял обувь и опустил ноги в воду, но почувствовал, что она слишком холодная, поэтому одной рукой он с огромным усилием поднял термос и налил ещё немного кипятка, но руки не выдержали, и он вылил слишком много — вода стала очень горячей. Он тут же вытащил ноги, а термос чуть не упал на пол. Поставив термос, он положил ноги на край таза. Холодной воды достать было не откуда, и ему пришлось проверить температуру воды рукой. Почувствовав, что температура вполне приемлема, он опустил ноги в воду, но почувствовал сильный жар и вынужден был снова вытащить их. Через некоторое время он снова опустил ноги в воду. Так он повторял несколько раз: хотя вода по-прежнему казалась очень горячей,, потерпев, терпеть стало возможно. Помочив ноги некоторое время, он полностью привык и почувствовал себя очень комфортно, он заметил, что на его ногах было много грязи, особенно на лодыжках и пятках, и начал потирать их большим пальцем, чтобы оттереть грязь. Но грязь на пятках оказалась очень стойкой и оттиралась с трудом, поэтому он стал сильно и энергично тереть их большим пальцем, пока не стало больно и в пальце, и в пятке. Вымыв ноги, он всунул их в только что снятые туфли; на ногах ещё оставались капли воды, и в туфлях было влажно. Он встал, протянул руку, чтобы поднять таз, сделал несколько шагов и чуть не сбросил туфли, поэтому он крепко ухватился за них пальцами ног и вышел вылить воду. У него затекли руки, и только после того, как он поставил таз и встряхнул руками, тело наконец расслабилось. Он почувствовал, что немного устал, лег на кровать и быстро заснул.

На следующий день Чу Шаоин естественным образом проснулся под крик петуха, доносившийся издалека. Он приподнялся и почувствовал, что подошвы ног под одеялом стали жирными.ведь вчера вечером он явно мыл ноги, как же так могло случиться? Это было очень неприятно. Он засунул руку под одеяло и потрогал их — масло перешло и на руку. Он вытащил руку и поднес к носу, чтобы понюхать: оттуда доносился жирный, неприятный запах, но он не вызывал рвотных позывов, и Чу Шаоин не стал обращать на это внимания. Ему показалось, что он спал очень бодрствуя — настолько, что на плечах чувствовался холодок. Вдруг один из носовых волосков зачесал нос.

Чу Шаоин поднял голову, прищурился и широко раскрыл рот, пытаясь чихнуть, но губы лишь слегка дрогнули, и чихание так и не вышло. Закрыв рот, он снова почувствовал, как этот волосок дразнит нос, и Чу Шаоин снова невольно прищурился и широко раскрыл рот, но чих так и не вышел, заставив его зря глотнуть воздух. Но этот проклятый волосок снова начал дразнить его нос, и он был вынужден снова прищурить глаза и широко раскрыть рот; на этот раз, после нескольких дрожаний губ, чих наконец вырвался наружу. Чу Шаоин почувствовал, будто из живота наконец вырвался затянувшийся пердеж — это было так приятно, что из уголков его глаз скатились несколько капель слез.

Он быстро натянул на себя рубашку; она дарила ему легкое ощущение тепла, которое, смешавшись с прежним холодком, вызывало у него чувство дискомфорта и странности. Застегивая пуговицы, он случайно оторвал одну из них и неожиданно обнаружил на рубашке немалую дырку, но, не желая рассказывать об этом маме, просто надел её. Затем он бросил взгляд на свою обнажённую нижнюю часть тела и быстро натянул брюки. Когда он встал, чтобы завязать ремень, раздвинув ноги, раздался чёткий звук рвущейся ткани. Он взглянул на промежность и обнаружил там небольшую дырку. Он тоже не хотел говорить об этом маме — он собирался сам зашить её.

Он вышел с обнажённой нижней частью тела на поиски иглы и нитки, а найдя их, вывернул брюки наизнанку. Ему без труда удалось продеть нитку в ушко иглы, затем он сложил нитку пополам, завязал узелок и вставил иглу в то место, где начиналась дырка. Он никогда раньше не зашивал одежду, поэтому второй стежок получился слишком широким, поэтому он сделал ещё один стежок между первым и вторым, чтобы исправить эту ошибку. Учитывая этот предыдущий опыт, он не осмелился делать стежки слишком редкими и зашивал плотно, но случайно уколол палец. Острая и внезапная боль пронзила его тело, блуждая между костями и шерстью, длительная и острая.

Но эта небольшая боль его не беспокоила; он вытер каплю крови о брюки и продолжил зашивать дырку. Он шил очень плотно, и нить быстро заканчивалась; в конце концов, увидев, что нити почти не осталось, он очень забеспокоился и стал делать стежки чуть реже, но не осмеливался делать их слишком редкими, иначе дырка легко могла бы снова разорваться, пока зашивал, он прикидывал, как именно закрепить нить, чтобы она как раз закончилась. Так он и зашил эту дырку, но оставшейся нити не хватило, чтобы завязать узел иголкой. Он очень расстроился и был вынужден откусить нить зубами у основания иглы.

Он попытался завязать узел руками, но этот отрезок нити был слишком коротким; он пробовал три-пять раз, но так и не смог, и запаниковал, мысли запутались, и ему показалось, будто внутри него горит душный огонь. Он даже немного разозлился — от злости живот у него как будто раздулся, но он не сдался. Он пробовал снова и снова, и наконец с трудом завязал узел. Он почувствовал огромное чувство удовлетворения, поняв, что если не сдаваться, то обязательно добьёшься успеха. Камень, висевший у него на душе, наконец опустился, и он почувствовал, будто снова стоит на твёрдой земле — безопасно и спокойно. Тогда он вывернул брюки наизнанку и надел их.

Он не осмеливался слишком широко раздвигать ноги, поэтому спускался с кровати обеими ногами одновременно, а не так, чтобы одна нога была выше, а другая ниже. Надев обувь,

он вышел во двор и почувствовал, как затуманенный ум вдруг прояснился. Он пошёл на кухню и подогрел еду. Кислой капусты было совсем немного, и она была настолько кислой, что от неё задрожали зубы. Он наложил себе большую миску риса и равномерно распределил эту крошечную порцию кислой капусты, от которой так нехорошо, по всему рису. Он ел с большим аппетитом, и когда закончил, почувствовал, как живот наполнился, и у него появилось ощущение сытости.

После этого он собрал рюкзак и молча отправился в школу. Он пошёл искать Лян Цзюньвэня, но только на полпути вспомнил, что тот уже переехал. Ему стало очень грустно, но плакать он не хотел, поэтому он сжал губы, глубоко вдохнул холодный воздух и запер его в глубине души, сгладив до состояния пустого, ровного, твёрдого слоя, укладывающегося на сердце. Он вышел из деревушки. Небо окрасилось целыми полосами голубого цвета, одна-две звезды ещё висели на небе и мерцали, а верхушки прямых и высоких берёз колыхались под порывами ветра. Чу Шаоин одиноко шёл по дороге, вдыхая свежий утренний воздух, и чувствовал себя необыкновенно комфортно. По пути он оглядывался по сторонам: ему казалось, что травинки как будто приветствуют его, а земля разговаривает с ним; он чувствовал, что он и всё окружающее слились воедино в идеальном гармоничном единстве. Он без особого внимания перешёл через тот маленький мостик и направился в школу.

На территории кампуса толпами бродили однокурсники, болтая и развлекаясь. Он нашел место у стены и остановился там. Вдруг к нему подошел парень с смуглым лицом — он видел его раньше, но не был с ним знаком. Парень наклонился к его уху и тихо прошептал: «Лю Яньжань сказала, что когда вырастет, выйдет за тебя замуж!» Услышав эти слова, он вдруг запаниковал, почувствовал слабость в душе. От страха у него сердце замерло, лицо покраснело до синевы, по спине побежал холодный пот, а ноги перестали его слушаться — ему показалось, будто он парит в воздухе.

Он украдкой взглянул на того парня и заметил, что тот всё ещё стоит рядом с ним и не собирается уходить, но при этом не смотрит на него, что вызвало у него сильное беспокойство — ему показалось, что у этого человека какие-то коварные намерения. Он молча ушёл, но те слова крепко сжали его сердце; ему казалось, что он совершил тяжкий грех, и совесть не давала ему покоя; он не смел смотреть людям в глаза, ему казалось, будто в его сердце бесчисленные маленькие червячки медленно его грызут, то один, то другой, создавая густую мозаику неровной боли. Он шел крайне осторожно, и звук трения его ног о пол эхом отзывался в его ушах.

Вскоре он увидел, что дверь класса открылась, и одноклассники потянулись внутрь. Ему показалось, что он нашел убежище, и в душе зародилась надежда. Он быстро вошел в класс, сел на свое место и почувствовал облегчение. Через некоторое время почти все ученики собрались в классе. Дежурный по литературе попросил всех достать учебники для утреннего чтения, и только тогда Чу Шаоин вдруг осознал, что вчера, возвращаясь домой, забыл взять учебник по литературе. Он сразу же запаниковал, почувствовал, будто упал в пропасть; в душе царило пустое разочарование, которое, в свою очередь, вновь пробудило прежний страх.

Он положил свои одинокие ручки на парту, но не знал, как их расположить; он был в растерянности. Он думал, не стоит ли ему сейчас же бежать обратно и принести учебник по китайскому, но понял, что уже наверняка не успеет, он бросил взгляд на соседа по парте, хотелось попросить посмотреть в его тетрадь, но, когда слова уже были на языке, он сдержался, выдохнул задержанный воздух и отбросил эту мысль. Поразмыслив, он решил достать тетрадь по математике и заниматься самостоятельно, но все одноклассники читали по литературе, и ему было не по себе, поэтому он так и не смог сосредоточиться на уроке. Наконец-то он дождался начала урока, но в класс вошли не учитель, а двое мужчин — руководство школы.

Они хотели отобрать двух учеников, чтобы расспросить их о некоторых обстоятельствах. Все ученики класса опустили головы, а Чу Шаоин, проникнутый любопытством, посмотрел на них. Один из мужчин помахал ему рукой и сказал: «Подходи сюда».» Чу Шаоин, не заду-

мываясь, подошел, а за ним последовала одна девочка; их обоих вызвали в кабинет. Войдя в кабинет, те двое мужчин предложили им сесть; Чу Шаоин, не задумываясь, сел, а девочка медленно опустилась на стул рядом с ним. Один из мужчин достал домашнее задание, выполненное позавчера, и спросил: «Слышал, что у вас в последнее время заданий немного много, это так?» Девочка надула губки и промолчала. Чу Шаоин считал, что задания, которые задает учитель, всегда полезны и идут на пользу ученикам, поэтому ответил: «Не много, не много».» Девушка тоже подхватила: «Не много». Затем другой мужчина раскрыл тетрадь и перелистнул на две разные страницы: дата проверки на второй странице оказалась более ранней, чем на первой. Мужчина спросил, в чём дело. Девушка слегка улыбнулась, а Чу Шаоин, немного подумав, ответил: «Эта страница была задана позже». Оба мужчины молча закрыли тетрадь и сказали: «Хорошо, возвращайтесь на урок». Чу Шаоин тут же направился к выходу, а та девушка последовала за ним. Вернувшись в класс, он обнаружил, что на него смотрят множество пар глаз: в некоторых он видел непонятные ему улыбки, в других — бесстрастное равнодушие, а в большинстве — лишь беглые взгляды. Ему было очень неприятно, когда на него смотрели; эти взгляды казались ему каплями клея, от которых он чувствовал себя неловко. Он быстро вернулся на своё место. Когда он повернул голову, чтобы посмотреть в окно, то увидел, как та девушка медленно садится на своё место, а её соседка по парте быстро наклонилась к ней и что-то спросила. Чу Шаоин почувствовал, что соседка наверняка спрашивает о нём, и не удержался — повернул голову, чтобы взглянуть на девушку, но его взгляд встретился с взглядом её соседки, и это убедило Чу Шаоина в том, что они обсуждают именно его. Он растерялся, почувствовав, будто в его сердце было озеро, вода в котором, раскаленная солнцем, постепенно испарялась, заполняя его грудь до краев и вызывая тяжесть в животе. Чу Шаоин был бессилен: у других свой рот, и что бы они ни говорили — это их дело, он не имел права вмешиваться. Но Чу Шаоин не мог не думать об этом, и ему было невыносимо тяжело. Как раз когда он не знал, куда девать свои чувства, в класс вошла учительница китайского, и Чу Шаоин только тогда вспомнил, что снова забыл взять с собой учебник. Страх и тревога, затаившиеся в его душе, словно острый шип вонзились в его худую грудь, и это заставило пар, наполнивший его тело, вырваться наружу; тело мгновенно сдулось, и он снова оказался в другом, невыносимом состоянии. На лбу Чу Шаоин невольно выступили мелкие капельки пота, которые блестели в лучах солнца. Он взглянул на суровое лицо учителя китайского языка и понял, что если его снова поймают, то наказание будет гораздо серьезнее, чем просто стояние у доски. Страх, словно сумерки, дюйм за дюймом пожирал его душу. Он сглотнул слюну, стиснул зубы и решил пойти ва-банк: достал учебник по математике, взглянул на страницу, которую перелистнул его сосед по парте Ли Сяомо, а затем нашел страницу, цвет которой был похож на цвет страницы соседа, и разложил её на парте. Обхватив учебник обеими руками и низко опустив голову, он выглядел как упрямый и крепкий маленький замок.

Учитель китайского языка взглянул на часы, взял план урока с кафедры, зажал его под мышкой и быстрыми шагами вышел из класса. Как только Чжэн Сюй увидел, что нога учителя переступила порог, он бросил учебник, оторвал лист бумаги, скомкал его в комок и швырнул в мальчика, сидящего в первом ряду. Тот, только что почувствовавший себя живой мишенью, с досадой обернулся, но, увидев Чжэн Сюя, сразу же успокоился, даже улыбнулся ему, а затем, бросив учебник, размахивая руками, воскликнул:«Пошли…» Несколько мальчиков зашевелились, и, как и следовало ожидать, прозвенел звонок на перемену; они, толкаясь и пихаясь, выбежали из класса, не зная, чем заняться.

Услышав звонок на перемену, Чу Шаоин почувствовал, как напряжение в голове наконец ослабло. Это был ложный тревожный сигнал. Он несколько раз глубоко выдохнул, оторвал маленький листок бумаги, начертал на нём карандашом несколько неуклюжих иероглифов «Взять учебник по китайскому», сложил листок и сунул его в карман брюк. Ему показалось, что наконец-то закончилась какая-то серьезная беда, и, чувствуя себя вполне уверенно, он

положил учебник по математике в правый верхний угол парты и с спокойным настроением приготовился к уроку математики.

«Чу Шаоин, Лю Яньжань тебя ищет, быстро выходи», — крикнула одна из одноклассниц.

Чу Шаоин чувствовал, что камень на душе ещё не до конца опустился, а три слова «Лю Яньжань» словно суперторнадо взбудоражили его сердце. Воздух в лёгких, капли пота на лбу, дрожь в ногах и страх в глазах — всё это смешалось воедино, вызывая у него смешанные чувства. Он не хотел выходить, тем более не хотел видеться с Лю Яньжань, но какая-то некая нежная и могущественная сила таинственно тянула его туда. Он слегка хлопнул Ли Сяомо по спине и неспешно вышел. Ему казалось, будто он — марионетка, и он не знал, кто дергает за ниточки, заставляя его делать шаг за шагом, каждый из которых казался тяжелее предыдущего.

Когда солнечный свет снаружи окутал его, он мельком увидел Лю Яньжань. Худощавая фигура, белое чистое лицо, правильные черты лица — всё это свидетельствовало о том, что Лю Яньжань была красивой девушкой, только в её улыбке была какая-то странная натянутость, а в глазах — твёрдая решимость, но её красота для Чу Шао Ин была живой иронией. Чу Шаоин, естественно, не замечал этих деталей: как только он увидел Лю Яньжань, он словно превратился в бездушную куклу. Хотя его глаза были устремлены на неё, взгляд его был пустым и блуждал в сторону, и он даже не обращал внимания на то, что она говорила. Оказывается, люди могут быть так близко, а сердца — так далеко.

Чу Шаоин хотел сбежать от этого неловкого положения, но в глубине души его удерживало глубокое чувство вины, убеждавшее его остаться. Он знал, что совершил ошибку и должен за неё ответить; если бы он ушёл, то не смог бы смотреть в глаза своей совести. Но ему было так неловко, словно он был надуваемым водородным шариком: по мере подъёма его душа бесконечно раздувалась, пока, наконец, не взорвалась. Никто из окружающих одноклассников не обращал на них внимания, и учитель тоже не замечал их, что значительно успокоило Чу Шаоин.

Если бы кто-то обратил на них внимание, это, несомненно, заставило бы Чу Шаоина почувствовать себя ещё более неловко, ведь он боялся, что о нём скажут, будто он влюбился; в таком случае взрослые будут смеяться над ним, а одноклассники — издеваться, и куда бы он ни пошёл, все будут говорить, что он слишком рано влюбился. Это, без сомнения, разбило бы его юное сердце, ведь слово «любовь» в душе Чу Шаоин оставалось неприкосновенным, таинственным и возвышенным. Чу Шаоин стоял как вкопанный, ни слова не вслушиваясь в то, что говорила Лю Яньжань, и в душе с нетерпением ждал начала урока. Потерпев некоторое время, он, как и ожидалось, услышал звонок на урок.

Лю Яньжань сказала «До свидания», Чу Шаоин символически ответил «До свидания», а затем, не оглядываясь, вошёл в класс, ровно сел на место, его взгляд был ошеломлённым, и он совершенно не вслушивался в то, что говорил учитель. Вдруг он вспомнил слова, которые два дня назад сказал Лян Цзюньвэнь, и ему тоже показалось, что что-то не так: он чувствовал, что в взгляде учителя на него было что-то большее, чем обычно, одноклассники относились к нему иначе, чем раньше, да и отношение отца к нему резко изменилось. Но, сталкиваясь со всем этим, он не мог понять, в чём дело. Он изо всех сил пытался вспомнить, что же такого плохого он натворил за последние дни, но, как ни думал, в голове крутились только мысли о Лю Яньжань.

Поэтому он решил, что все эти странности связаны именно с этим. Вдруг ему показалось, что за ним наблюдают неизвестные глаза, что каждое его движение и каждое слово находятся под чьим-то контролем. Значит, о деле с Лю Яньжань тоже наверняка стало известно кому-то, и теперь они ищут способ наказать его. «Что мне делать?» — пробормотал он тихо, чувствуя тревогу в душе. Ему вспомнилась одна история, которую рассказывал учитель; эта история призывала людей быть честными и смело признавать свои ошибки. Ему показалось, что глав-

ный герой той истории — это он сам, и он верил, что, как и тот герой, он сможет признать свою ошибку, и тогда всё будет в порядке.

Он вытер нос и выпрямился, и его грудь, которая до этого казалась пустой, вновь обрела ощущение реальности. Учитель математики, видимо, тоже заметил, что он отвлекся, и, указав на него, сказал: «Этот ученик, повтори, пожалуйста, то, что я только что сказал». Но на эти слова учителя не последовало ответа, и в классе на четыре-пять секунд воцарилась тишина. Ли Сяомо слегка толкнул Чу Шаоин локтем и тихо сказал: «Чу Шаоин, учитель тебя спрашивает!» Только тогда Чу Шаоин вышел из своего мира, и его глаза, чистые как вода, резко устремились на учителя, отражая безграничное замешательство и беспомощность. Учитель математики снова написал на доске задачу, которую только что объяснял, и попросил Чу Шаоин её решить. Задача была не то чтобы сложной, но и не простой. Чу Шаоин она показалась знакомой, но способ решения он забыл дочиста, и ему оставалось только блуждать взглядом, стараясь не встречаться с укорительным взглядом учителя.

— Тогда стой, — сказал учитель математики. Чу Шаоин встал на парту, не отрывая глаз от доски, и прислушался ко всему, что говорил учитель. Пережив этот небольшой инцидент, Чу Шаоин, можно сказать, временно выбрался из моря душевных страданий, и его настроение стало неописуемо легким.

Но когда урок закончился и он увидел, как учитель вышел из класса, Чу Шаоин снова почувствовал беспокойство. Как же он боялся, что Лю Яньжань снова придет к нему! Он достал учебник и заставил себя читать, но никак не мог сосредоточиться. Он прикусил пересохшие губы, на которых образовались корочки, и краем глаза время от времени поглядывал в окно. На шумной спортивной площадке разбрелись группы людей; он пробегал взглядом по всей площадке в поисках Лю Яньрань, но её не было видно, что значительно успокоило Чу Шаоин: по крайней мере, в ближайшее время он был в безопасности. Но он также понимал: если не признает свою ошибку, то навсегда останется с клеймом «бесстыдника».

Чу Шаоин встал, посмотрел в окно, глубоко вдохнул, а затем медленно выдохнул. Он сжал кулак, и на его маленьком лице с чёткими чертами мелькнула решимость, а взгляд стал острым, как у орла. Он уже принял решение: после четвёртого урока, то есть после обеденного перерыва, он сам пойдёт к классному руководителю, чтобы признать свою ошибку, чтобы в будущем смочь ходить с высоко поднятой головой. При этой мысли в его голове словно возникли образы его разговора с учителем. Его лицо оживилось, взгляд смягчился и наполнился уверенностью, а тело, которое раньше было скованным, стало двигаться гораздо естественнее. Следующие два урока Чу Шаоин провёл, погружённый в эти мысли. После уроков он взглянул на место Лян Цзюньвэня и, глядя на пустое кресло, почувствовал необъяснимую тоску. Чу Шаоин застыл на своём месте, делая вид, что читает книгу, но на самом деле его мысли уже были где-то далеко, а уши прислушивались к шагам одноклассников. Сначала шаги были беспорядочными и торопливыми, и сердце Чу Шаоин тоже сжималось от беспокойства, но постепенно шаги стихли, и в конце концов остались лишь единичные звуки, а в конце концов в классе воцарилась такая тишина, что слышалось только щебетание воробьев, доносившееся из окна.

Чу Шаоин сидел на своем месте, испытывая сильнейшие внутренние противоречия: признавать ли ему свою ошибку? Ему казалось, будто в его голове громко спорят два человека. Один говорил: «Как ты можешь пойти и рассказать об этом учителю? Тебе не стыдно?» А другой отвечал: «Иди же, иди и признай свою ошибку, иначе где же тебе будет место для совести?» Эти два голоса тянули его в разные стороны, то один брал верх, то другой, и эти две мысли крутились в его голове, мучая его снова и снова, так что он почувствовал сильную опустошённость, и всё его тело невольно задрожало. Он глубоко вздохнул, пытаясь подавить это чувство пустоты.

Внутренняя, возвышенная и невыразимая сила справедливости одержала победу. Чу Шаоин ударил кулаком по столу, поднялся на ноги, стиснул губы и, делая неуверенные шаги, но постепенно обретая уверенность, вышел из класса. Между классом и кабинетом учителя была всего одна классная комната, но Чу Шаоин казалось, что путь тянется бесконечно. Чем ближе он подходил к кабинету, тем сильнее сжималось его сердце; Чу Шаоин даже чувствовал, что ещё чуть-чуть давления — и он сломается. Вскоре он подошёл к кабинету учителя, но, заглянув в окно, увидел, что там кто-то из одноклассников разговаривает с учителем, и тут же спрятался, боясь, что о его тайной связи станет известно.

Прошло много времени, а тот одноклассник так и не вышел. Чу Шаоин уже начал терять терпение; он раздумывал, не уйти ли ему, и в голове снова закрутились мучительные сомнения — словно резинка сжимала его сердце, и чем сильнее он напрягался, тем сильнее она натягивалась. Когда беспокойство стало невыносимым, Чу Шаоин высунул голову, чтобы заглянуть в окно: тот одноклассник всё ещё не ушёл. Непонятно, почему он оказался таким болтливым, заставляя Чу Шаоина терпеть такое наказание. Когда он уже начал терять надежду, его уши уловили тихие шаги. Сердце его забилось от радости, и он быстро высунул голову — и действительно увидел, как тот одноклассник вышел, делая неровные шаги.

Он снова отвёл голову и выпрямился. Тот одноклассник вышел из кабинета и мельком взглянул на Чу Шаоин. На его лице играла улыбка, очень лучезарная. Его взгляд задержался на Чу Шаоине на несколько секунд, а затем он радостно пошёл домой. Это заставило Чу Шаоина по непонятной причине почувствовать, что у того был какой-то умысел. Он что, смеялся надо мной? Однако он не стал задумываться над этим: ему нужно было смело признать свою ошибку перед учителем, он не мог тащить на себе этот груз «плохого подростка». Собравшись с духом, он вошел в кабинет. Учительница китайского языка, увидев, что он вошёл, отложила кожаную сумку, которую сжимала в руке, и с лёгкой улыбкой спросила: «В чём дело?»

Чу Шаоин крепко сжал губы, опустил голову, несколько раз сглотнул, но слова застряли у него в горле. Учительница, глядя на его вид, смягчила тон и сказала: «Давай скорее расскажи, в чём дело, мне ещё нужно возвращаться на обед!» Чу Шаоин был в полном замешательстве, покрутил пальцы, и в суставах раздалось несколько чётких щелчков; его глаза наполнились слёзами, и он, заикаясь, пробормотал: «Я заманил Лю Яньжань… на… стог сена за школой, и… и поцеловал её…» Дойдя до этого места, голос Чу Шаоин стал настолько тихим, что его едва можно было разглядеть; обе уши у него горели, как от огня, а в глазах навернулись слезы, готовые хлынуть, но он всё же несколько раз сильно моргнул, сдерживая их. «Еще кто-нибудь знает об этом?» — спросила учительница китайского. Чу Шаоин крепко сжал губы и ответил: «Лю Юнган тоже знает, он… следил за мной». Говоря эту фразу, Чу Шаоин немного повысил голос, намереваясь снять с себя часть ответственности, но, только что закончив, понял, что это не только не сняло вину, но и сделало его самочувствие еще хуже. «Убирайся отсюда, в таком юном возрасте не учишься хорошему!» — строго сказала учительница китайского, поднимая сумку и доставая ключи. Чу Шаоин, испугавшись, тут же выбежал из кабинета и большими шагами поспешил домой. Проходя мимо котельной, его остановили двое ребят. Чу Шаоин посмотрел на них: один из них был Лю Юнган, а другой — тоже ученик их школы; он видел его раньше, но не знал имени. Чу Шаоин не испытывал симпатии к этим двум парням с дурной славой; он невольно схватил горсть камешков — если они набросятся на него, он бросит их в обоих. Увидев, как Чу Шаоин готовится к самообороне, тот мальчик, которого он не знал, сказал: «Чу Шаоин, мы пришли не драться с тобой, мы просто хотим заключить с тобой сделку». «Сделку?» — самоиронично спросил Чу Шаоин. «Я же не преступник, зачем мне с вами заключать какую-то сделку?» Лю Юнган ответил: «Именно потому, что ты не преступник, мы и хотим заключить с тобой сделку». Незнакомый парень подхватил тему: «Мы знаем, что ты высокомерный, чистый и хороший парень. Но у нас есть на тебя компромат, связанный с одним позорным делом». Чу Шаоин нахмурился, стиснул зубы и сказал: «Я… я… у меня

чистая совесть, чего вы со мной сделаете?» Лю Юнган ответил: «Не выкручивайся. Я же знаю о твоей связи с Лю Яньжань». Чу Шаоин спросил: «Чего ты хочешь?» Лю Юнган покрутил пальцы, сделав жест, как будто просит денег, и сказал: «Не много — 50 юаней!» «Что?» — Чу Шаоин побледнел от ужаса. Хотя он и догадывался, что тот будет шантажировать его этим делом, но не ожидал, что цена будет такой высокой. Его карманные деньги в месяц составляли максимум две-три юани, самые дорогие туфли стоили около десяти юаней, а одежда получше — не более двадцати-тридцати юаней, причём всё это выбирали для него родители, а сам он никогда не покупал ничего за свои деньги.50 юаней для него были почти астрономической суммой — даже если бы он продал всё, что имел, ему бы не хватило столько денег. С тревогой в душе он побежал к деревне Голинь; по дороге его брюки покрылись пылью, а сзади Лю Юнган громко крикнул: «Если не наберёшь достаточно денег, готовься к позору».

Вернувшись в деревню, он прошел мимо дома Лян Цзюньвэня и увидел там огромную кучу мусора, вокруг которой роились комары и мухи; Чу Шаоин без всякой причины почувствовал приступ тоски. Вернувшись домой, он обнаружил, что дверь по-прежнему была приоткрыта, но в доме никого не было. Чу Шаоин ломал голову над тем, как раздобыть пятьдесят юаней. Он думал и думал: самым вероятным местом, где в доме могли лежать деньги, была спальня родителей. Ему вспомнилась сцена из детства, когда мама доставала деньги из кармана пальто. Он долго колебался, то глотал слюну, то она снова набегала, и так снова и снова, беспокойно бродя по комнате, из уголка глаза то и дело поглядывая на дверь спальни родителей.

Несколько раз он уже почти подошёл к двери, и в душе у него возникало сильное желание ворваться внутрь и украсть деньги, но какая-то таинственная сила, глубоко укоренившаяся в его душе, снова и снова удерживала его. Долго колебавшись, он не захотел больше так кружиться по комнате, и, поддавшись порыву, быстрыми шагами вошел внутрь. Он ворвался туда со всей скоростью, с максимальной быстротой обыскал карманы пальто и вскоре обнаружил, что в них лежало шестьдесят юаней (одна купюра в пятьдесят и одна в десять).Пятьдесят юаней для Чу Шаоин — это было слишком много; если бы его поймали, родители наверняка бы его прибили.

Поэтому он схватил купюру в десять юаней, быстро засунул её в карман, тут же открыл дверь и выбежал наружу. В жизни Чу Шаоина это был его первый опыт воровства, причём воровства в собственном доме. Чу Шаоин тяжело дышал, словно только что пробежал 400 метров. Как только он сунул деньги в карман, он заметил записку с упоминанием учебника по китайскому языку. Он знал, что учебник лежит в его маленькой спальне — папа бросил его туда в тот день, когда впал в ярость. Он залез в свою спальню, перевернул все подушки и одеяла — нет. Потом он наклонился и залез под кровать — тоже нет. Затем он с трудом перерыл все картонные коробки в комнате — но и там ничего не нашел.

Чу Шаоин запаниковал: днём у него ещё был урок китайского, и если он не принесёт учебник, то, когда учительница по китайскому придёт в ярость, ему точно не поздоровится. Он бегал кругами в панике, в душе разгорался непонятный гнев, жгучий огонь, который наполнял его живот, но выпустить его было некуда, и ему оставалось только терпеть. Как раз когда он не знал, куда девать свою злость, вдруг раздался писк мыши. Чу Шаоин тут же посмотрел в ту сторону и увидел, как мышь забирается в нору, а у входа в нору лежал учебник по китайскому языку. Чу Шаоин просиял от радости, поспешил подбежать и поднять учебник по китайскому языку, словно обрёл бесценное сокровище. Взяв книгу в руки, он заметил, что несколько страниц были помяты, и поспешил их разгладить. У книги отсутствовал уголок, и, глядя на неровный срез, Чу Шаоин сразу понял, что это дело рук мыши. Но, к счастью, текст остался в целости и сохранности, и это не повлияет на его учебу. Решив эту проблему, Чу Шаоин почувствовал себя гораздо лучше, поспешил на кухню, подогрел немного еды и, не обращая внимания на то, вкусно ли она или нет, наскоро съел всё. Пообедав, он засунул десять юаней между страниц книги, а затем большими шагами направился в школу.

Солнце светило ярко, и в весенней деревушке, окружённой фруктовыми садами, повсюду летали цветы; приятный аромат цветов наполнял каждый уголок гор и полей, придавая этой земле особую прелесть.

Чу Шаоин знал, что времени мало: если он задержится хоть на минуту, учитель китайского заставит его стоять в углу. Ветер дул слабо, колыхая верхушки камыша, и Чу Шаоину показалось, что они нежно подталкивают его поспешить. Чу Шаоин быстро дошёл до котельной. Когда он повернул за угол здания, Лю Юнган с тем мальчиком перегородили ему дорогу и спросили: «Деньги принёс?» Чу Шаоин раскрыл учебник и протянул им десятиюаневую купюру.

Но Лю Юнган и мальчик не взяли её, сказав: «Нам нужно 50, а этого далеко не хватает».» Чу Шаоин резко сунул им деньги и сказал: «Берете или нет — решать вам, у меня больше нет». Лю Юнган взял деньги, схватил Чу Шаоина за воротник и с силой дал ему четыре пощечины, сказав: «Одна пощечина — десять юаней, четыре пощечины — сорок юаней». Чу Шаоин не мог сдержать гнева, глубоко вдохнул, и злоба, разгоревшаяся в его животе, превратилась в сдавливающий поток жара, от которого живот как будто раздулся на целый размер. Чу Шаоин сжал кулак и, поддавшись порыву ярости, ударил Лю Юнгана кулаком в подбородок. Лю Юнган всегда считал этого парня трусом и был уверен, что тот не осмелится ответить, но не ожидал, что у него хватит на это мужества. Удар пронзил его до костей, голова закружилась, перед глазами заплясали звездочки. Когда он пришёл в себя, ярость закипела в нём: он сжал кулаки, в глазах мелькнул зловещий блеск, он криво улыбнулся, обнажив зубы, и уже собирался наброситься на Чу Шаоин. Но тот, не теряя ни секунды, пробежал уже более двадцати шагов, пробираясь сквозь заросли ив, и устремился прямо к классу. Лю Юнган, задыхаясь от ярости и с искажённым от злобы лицом, набрал горсть камешков и со всей силы швырнул их, но ни один камешек не попал в Чу Шаоин. Мальчик, стоявший рядом с ним, сказал: «Подождём до конца уроков, тогда с ним разберёмся».

Чу Шаоин, прижимая к груди учебник по китайскому языку, помчался в класс. В классе царил шум: кто-то разговаривал, кто-то передавал записки, кто-то спал, кто-то резвился — и так далее. По сравнению с ровным и единообразным чтением во время утренних занятий всё это вызывало у Чу Шаоина ощущение лени и угасания, тягостной безжизненности. Чу Шаоин вошёл в класс, вернулся на своё место, высокомерно положил учебник по китайскому языку в правый верхний угол стола, прикрыл пенал отсутствующий уголок, а затем с чистой совестью приступил к подготовке к уроку математики. Вскоре прозвенел звонок на урок.

Чу Шаоин бросил взгляд в окно и увидел, как учитель китайского языка, обнимая план урока, бежит к классу и тремя-четырьмя шагами входит в класс. Чу Шаоин поспешно отвёл взгляд и уткнулся в книгу, в душе испытывая страх, что учитель литературы раскроет его постыдный поступок. Только сейчас он понял, что не извиниться за ошибку — это очень неприятно, а извиниться за ошибку и не получить прощения — ещё неприятнее. Учитель литературы раскрыл план урока и сказал: «Откройте учебник на 34-й странице, давайте все вместе прочитаем стихотворение „Весенний рассвет“». Староста по литературе прочитал вслух два иероглифа «Весенний рассвет», и весь класс громко и медленно прочитал стихотворение.

После чтения учитель литературы спросил: «Кто из вас подготовился к этому стихотворению?» Чжэн Сюй и Вэнь Тао тут же высоко подняли руки, а вслед за ними подняли руки и несколько учеников из передних рядов. У Чу Шаоин было особое отношение к стихам, они оказывали на него сильное, таинственное притяжение, поэтому с того самого момента, как ему раздали учебник по китайскому языку, он специально искал в нём стихи и мог их читать и цитировать наизусть. Это стихотворение «Весенний рассвет» он перечитывал много раз и мог процитировать его без единой ошибки. Чу Шаоин, упершись локтями в парту, поднял руку.

Он очень нервничал, чувствовал, как рука непроизвольно дрожит, а мышцы на руке напряглись до боли. Учительница не вызвала ни Чжэн Сю, ни Вэньтао, а вызвала одну девочку.

Та медленно встала и без спешки и суеты прочитала стихотворение наизусть, не сбившись ни на одно слово. Учительница тут же улыбнулась с пониманием и махнула рукой, приглашая её сесть. Чу Шаоин зря поднял руку — в душе он почувствовал лёгкое разочарование. Как же он надеялся, что та девочка ошибётся, — тогда учительница, возможно, вызвала бы его. Он бы дорого оценил этот шанс, прочитал стихотворение без единой ошибки и получил бы одобрение учительницы.

Учительница написала стихотворение на доске, готовясь объяснить его слово за словом и строку за строкой. Но прежде чем приступить к объяснению, она спросила: «Кто-нибудь может объяснить смысл этого стихотворения?» В классе воцарилась полная тишина, никто не поднял руку. Это были ученики второго класса, только что преодолевшие барьер пиньиня; они знали не более двухсот иероглифов, причём все они были им еще не до конца понятны, не говоря уже о том, что многие иероглифы имеют несколько значений. Просить их объяснить смысл этого стихотворения — все равно что учить слепого находить дорогу. Чу Шаоин прочитал это стихотворение не менее 50 раз. Глядя на прекрасные иллюстрации к нему, он много раз изо всех сил пытался перевести его, но этот порыв в его сердце то становился сильным, словно удар током, то угасал, как огонек на поле. Этот то сильный, то слабый порыв мучил его до глубины души, не давая успокоиться, но это не имело отношения к морали или нравственности — это был просто нерв творчества, дремлющий в самой глубине его существа, который начинал пробуждаться, однако этот порыв по-прежнему оставался размытым облаком, не обретшим очертаний. Как же сильно Чу Шаоин хотел поднять руку и поделиться с одноклассниками своим еще не до конца сформировавшимся пониманием! Но он всё же испытывал страх, поэтому приложил огромные усилия, чтобы подавить этот порыв, выпрямился и устремил взгляд на доску, слушая объяснения учителя. Сначала учитель показал всем, как делить предложение на фразы, а затем объяснял слово за словом. Чу Шаоин слушал очень внимательно, записывая карандашом в тетрадь значение каждого слова, о котором говорил учитель. Только когда учитель закончил объяснение, Чу Шаоин про себя пробормотал: «Так вот в чём дело. Это отличается от того, как я понимал раньше. Хорошо, что я не поднял руку, а то бы опозорился». Закончив объяснение, учитель вызвал нескольких учеников из первых рядов, чтобы они перевели стихотворение. Хотя их перевод был не совсем точным, основной смысл они передали. Затем учитель вызвал ещё нескольких учеников из задних рядов. Они обычно ленились слушать уроки, но, опасаясь авторитета учителя китайского языка, с трудом навострили уши и в общих чертах прослушали объяснение. На вопросы учителя они немного помялись, ответили для вида и, сбив с толку учителя, считали дело сделано. Учитель ничего не мог с ними поделать: учиться им или нет — это их личное дело, и посторонние не могут в это вмешиваться. Затем учитель собирался перейти к обсуждению основной идеи стихотворения, как в этот момент за дверью раздались несколько громких звуков из громкоговорителя. Чу Шаоин посмотрел в окно и увидела, что на спортивной площадке остановился микроавтобус, из которого сразу же вышли несколько человек. Они несли ящик и направлялись к классу. Учитель китайского языка, увидев, что это руководитель отдела образования из городка, поздоровался: «Здравствуйте, руководитель!» Руководитель поднялся на кафедру, поставил ящик на столик и с доброжелательным выражением лица сказал: «Ребята, сегодня мы раздадим вам красные галстуки, и с этого момента вы станете членами организации «Юные пионеры». Услышав это, все поспешно убрали учебники и с нетерпением устремили взоры на ящик. Руководитель открыл ящик: внутри лежали яркие красные галстуки. Затем он раздал их ученикам — по одному на каждого — и показал, как их завязывать. Ученики были в восторге: они внимательно следили за его движениями, и вскоре на шее каждого из них засиял красный отблеск. Руководитель сам завязал галстук и спросил: «Красные галстуки красивые?» Ученики в один голос ответили: «Красивые!» Руководитель добавил: «Ребята, красный галстук — это уголок государственного флага, надеюсь, вы будете бережно к нему относиться». Ученики непрерывно кивали головами. Руководитель

ещё что-то прошептал на ухо учителю китайского языка, и тот обратился ко всем: «Урок окончен». Едва он закончил говорить, в классе поднялся радостный шум: на лицах детей расцвели счастливые улыбки, и они поспешили убрать книги со столов в рюкзаки. Учительница китайского языка уже собиралась выйти вслед за руководителем, но вдруг о чем-то вспомнила и сказала: «Запомните: на выходных, помимо выполнения домашнего задания из учебника, нужно помыть голову и принять душ. Кто не выполнит это, тому не разрешат войти в класс». Ученики громко ответили: «Поняли!»

Как только учительница по китайскому языку скрылась из виду, ученики больше не смогли сдерживать накопившиеся эмоции, взвалили рюкзаки и устремились к выходу; Чжэн Сюй, Вэнь Тао и их компания мчались с наибольшим азартом. Чу Шаоин взял рюкзак и несколько раз посмотрел на свой красный галстук-поясок. Хотя он и не знал, что означает этот галстук, в его душе зародилось сильное чувство уважения, а также оттенок радости и счастья, исходящий из самой глубины сердца. Он взвалил рюкзак на плечи и пошел один вдоль стены. Поскольку во второй половине дня было только одно занятие, у одноклассников было полно времени для игр.

Чу Шаоин взглянул на спортивную площадку: одноклассники группами играли в разные игры, а он, лишившись Лян Цзюньвэня, словно остался совсем без друзей. Чу Шаоин тоже хотел присоединиться к играющим. Он бегло оглядел спортивную площадку: одни играли в «Тайпинское восстание», другие — в «прыжки по квадратам», третьи — в скакалку, а Чжэн Сюй, Вэньтао и их компания играли в «больших и маленьких чиновников». Глядя на то, как эти двое там разгулялись, Чу Шаоин почувствовал сильное раздражение. Чу Шаоин нашел группу, в которой играли учителя и одноклассники, подошёл к ним и сказал: «Я тоже хочу поиграть». Остальные попросили его встать в конец очереди. Долго пришлось ждать, пока до него дошла очередь, но, не успев даже получить повышение, он уже выбыл из игры. Чу Шаоин сразу потерял интерес и бросил взгляд в сторону котельной, где стояли Лю Юнган и тот незнакомый мальчик. Чу Шаоин знал, что они ждут, чтобы отомстить ему, а неподалеку Дэн Шэн, Лю Сянь и Юй Цай, прихватив рюкзаки, уже собирались бежать домой. Чу Шаоин поспешно взвалил рюкзак и бросился за ними; вскоре он их догнал. Лю Юнган, увидев издалека их четверку, понял, что противников больше, чем нас, и решил не рисковать.

Ребята шли по дороге и вскоре миновали тот железно-деревянный мост. Ю Цай достал из рюкзака большой кусок мяса и спросил Чу Шаоин: «Смотри, что это?» Чу Шаоин ответил: «Ты что, собираешься жарить мясо?» Лю Сянь загадочно сказал: «Мы собираемся в одно интересное место. Ты пойдёшь с нами или нет?»

«Интересное место?» — Чу Шаоин заинтересовалась и спросил: «Насколько там может быть интересно?»

Дэн Шэндао: «Пойдешь — сам поймешь, поверь, ты не пожалеешь». Чу Шаоин проявила большой интерес и кивнул. Ю Цай шёл впереди; путь туда лежал налево, а обратно — направо. Они шли по грунтовой дороге, усыпанной терниями: каждый раз, когда кто-то наступал ногой, на земле оставался след, поднимая облако пыли, а высокие, растущие в беспорядке камыши по обеим сторонам дороги касались их тел, пачкая и смяв одежду. Неизвестно, сколько раз их задевали камыши, но все четверо были в пыли и грязи, выглядя как настоящие деревенщины. Спустя долгое время постепенно до них донесся лай собак, и перед глазами появилась прямоугольная ограда из колючих кустарников.

Эти кусты были высокими и запущенными, усыпанными острыми шипами, и даже воробьям вряд ли удалось бы свободно пробраться сквозь них. Чу Шаоин сказал: «Разве это не теплица дяди Цая? Что вы собираетесь делать?» В этот момент Ю Цай снова достал тот комок мяса, и Чу Шаоин наконец разглядел, что внутри него лежал кинжал с заостренными концами, а в центре кинжала было маленькое отверстие, через которое продета тонкая нить. Чу Шаоин начал немного понимать их замысел. Он не хотел совершать такое беззаконное деяние, ему

было очень страшно: он слышал, что у всех живых существ есть душа, и после смерти они превращаются в призраков, чтобы отомстить.

Поэтому он сказал: «Давайте лучше вернёмся. Если об этом кто-нибудь узнает, нам конец». Ю Цай ответил: «Чего ты боишься? Мы же с тобой. Если боишься, прячься за нами». Чу Шаоин действительно пошёл последним. Спустя всего минуту в поле зрения появился тепличный павильон; пластик крыши отражал солнечные лучи, слегка ослепляя глаза. Сторожевая собака, похоже, заметила их и не переставала лаять в их сторону. Ю Цай побежал туда один, спрятался в кустах и бросил туда кусок мяса. С первого раза он не попал в цель: собака дернула цепь головой, но так и не смогла дотянуться до мяса. Тогда Ю Цай подтянул кусок мяса к себе и бросил снова — на этот раз так, чтобы собака могла до него дотянуться.

Собака была чрезвычайно прожорливой: увидев мясо, она тут же вцепилась в него зубами. Но, успев откусить всего несколько кусочков, она вдруг издала несколько звуков: «У-у-у-у-у». Лю Сянь радостно воскликнул: «Собака попалась!» Ю Цай поспешно дернул за поводок — горло собаки было пронзено кинжалом, её пасть была полна крови, она не переставала дергаться на земле. Поборовшись некоторое время, она ещё раз издала несколько глухих звуков «у-у-у-у-у» и замерла. Чу Шаоин, глядя на ужасное состояние собаки, почувствовал, будто нож застрял у него в горле, и эта боль пронзила всё его тело. Ю Цай, видя, что дело сделано, поспешно поманил остальных подойти.

Все они поспешили туда, открыли ворота теплицы и, заглянув внутрь, остолбенели: там было полно фруктов и овощей. Ю Цай, Дэн Шэн и Лю Сянь были вне себя от радости: они срывали то, что можно было есть сырым, откусывали пару кусочков, выбрасывали, а потом брали новое. Вскоре теплица была завалена половинами фруктов и овощей — повсюду царил беспорядок. Чу Шаоин смотрел на это с нетерпением, долго не решаясь приступить, но, увидев, как они беззаботно веселятся, она перестала заботиться о последствиях, в порыве азарта бросилась туда и стала беспорядочно набрасываться на еду. К этому моменту Ю Цай и его друзья уже наелись и сложили всё, что не успели съесть, в рюкзаки.

Чу Шаоин последовала их примеру и тоже запихнул в рюкзак всё вкусное, что ещё не успела съесть. Ребята почти полностью опустошили теплицу, вернулись с полным уловом и только тогда, полные восторга, отправились обратно по той же дороге. Они бежали трусцой, поднимая облака пыли, а придорожный камыш, касаясь их тел, доставлял неприятные ощущения. Дойдя до перекрёстка, они встретили едущего на велосипеде мужчину средних лет; как только ребята его увидели, улыбки на их лицах мгновенно застыли. Чу Шаоин почувствовал тревогу, её дыхание заметно участилось; она спряталась за спинами троих и опустила взгляд на пыль на земле.

Ю Цай, который был немного старше остальных, вынудил себя улыбнуться, но всё же с недоумением спросил: «Дядя Цай, разве ты не ездишь каждую пятницу в городок продавать овощи и не возвращаешься до воскресенья?» Дядя Цай ответил: «Сегодня я и собирался поехать, но у трактора случилась небольшая поломка, так что не получилось. А сейчас, пока ещё рано, я пойду загляну в огород». Ю Цай сказал: «Тогда, дядя Цай, иди один, а мы пойдём домой». Дядя Цай ответил: «Посмотрите-ка, как вы испачкались, быстрее идите домой, чтобы родители не волновались.» Все в один голос сказали: «До свидания, дядя Цай!»

Ребята быстрыми шагами ушли, и только когда дядя Цай скрылся из виду, Лю Сянь сказал: «На этот раз нам конец. Дядя Цай наверняка догадается, что это мы сделали. Если он нас сдаст и родители об этом узнают, нам не избежать порки ремнем.» Дэн Шэн прикоснулся языком к губам и сказал: «Он же не видел собственными глазами, как мы крали его овощи. Если мы будем упорно отрицать, что бы он с нами ни сделал?» Ю Цай открыл рюкзак, выбросил все украденные овощи и фрукты в канаву и поддержал его: «Если мы будем упорно отрицать, а у него нет доказательств, что он с нами сделает?» Остальные поспешили последовать примеру Ю Цая и выбросили все овощи и фрукты в канаву.

Ю Цай сказал: «Если дядя Цай нас сдаст и деревенские руководители будут нас допрашивать, мы скажем, что бегали за диким кроликом, поэтому и стали такими грязными и растрепанными». Лю Сянь тоже сказал: «Верно, так и скажем». Чу Шаоин чувствовал страх, словно бездонную яму, в которую он падал, не находя опоры. Ю Цай, глядя на испуганное лицо Чу Шаоина, сказал: «Чу Шаоин, слушай внимательно: если кто-то будет нас обвинять, мы будем твёрдо утверждать, что к теплице дяди Цая мы не имеем никакого отношения.» Чу Шаоин по неосторожности оказалась в ловушке и безмерно сожалел об этом; теперь, когда они втянули её в одну лодку, ей оставалось только кивнуть и сказать: «Не скажем — значит, не скажем!» Договорившись, ребята поспешили домой; когда они пришли, уже смеркалось, и люди, работавшие в поле, постепенно возвращались домой. По дороге домой Чу Шаоин специально заглянул к семье Лян Цзюньвэня. У входа громоздились две огромные кучи мусора, пол был залит грязной водой, и уже издалека доносился тошнотворный запах. Увидев эту картину, Чу Шаоин без всякой причины почувствовал приступ тоски. Ему хотелось понять, почему люди так поступают: семья Лян Цзюньвэня — добрые и честные люди, они никому не причинили зла, так чего же люди добиваются?

Чу Шаоин вздохнул и вошёл в дом. Папа как раз шлифовал лопату на угловой шлифовальной машине, а мама в комнате шила одежду. Увидев, что Чу Шаоин вернулся, они не обратили на него внимания, продолжая заниматься своими делами. Чу Шаоин спросил: «Вы уже поужинали?» «В кастрюле осталось немного сельдерея, подогрей себе и поешь», — без особого энтузиазма ответила мама. Чу Шаоин больше всего на свете не любил сельдерей, в нём есть какой-то неприятный запах, который можно почувствовать, только если закрыть рот и дышать носом. Он немного рассердился и сказал: «Это так невкусно, лучше уж умереть с голоду».

Мама тут же ответила: «Лучше уж умереть с голоду, всё равно с тобой больше не станет, а без тебя меньше не станет». Чу Шаоин в ярости несколько раз глубоко вздохнул, ему очень хотелось поспорить с мамой, но, увидев отца рядом, он решил, что лучше не стоит. Несмотря на то что отец играл в жизни Чу Шаоин роль любящего отца, он не стеснялся ни в чем, когда дело доходило до побоев и ругани, поэтому Чу Шаоин испытывал к нему одновременно и уважение, и страх. Не желая навлекать на себя неприятности, Чу Шаоин пошёл на кухню, наложил себе миску риса, смешал его с острым соусом и с трудом съел. Пообедав, Чу Шаоин поспешил в спальню, чтобы сделать домашнюю работу.

Он раздумывал, с чего начать: с математики или с китайского языка. Поразмыслив немного, он решил сначала заняться китайским, потому что в основном это было переписывание, не требующее никаких умственных усилий, и лишь в нескольких заданиях нужно было немного подумать, а Чу Шаоин не силен в китайском. Если бы он сначала взялся за математику, то закончил бы с чувством поражения. Переписывая пиньинь и иероглифы, глядя на несколько страниц, которые предстояло переписать, Чу Шаоин мечтал закончить всё за один присест. Чем дальше, тем сильнее становилось это желание.

Он сжимал ручку всё сильнее, переписывая до тех пор, пока руки не заныли, но, не закончив, сжимал ручку ещё сильнее, напрягался изо всех сил, нервничал до такой степени, что голова закипала, а всё тело было в движении. Наконец-то он закончил, он поспешно отложил ручку, сделал несколько глубоких вдохов, и все его тело наполнилось облегчением и неописуемой радостью. У Чу Шаоин было особое отношение к математике, хотя это отношение сформировалось благодаря его отличным оценкам. Он достал домашнее задание по математике и погрузился в царство чисел; решение многих задач ему было понятно с первого взгляда.

И каждый раз, решая сложную математическую задачу, его уверенность в себе резко возрастала, а эта уверенность подталкивала его к решению всё новых задач. Поэтому, какими бы сложными ни были задачи, Чу Шаоин всегда брался за их решение. Когда его ответ совпадал с тем, что учитель объяснял на следующий день, а остальные одноклассники не могли справиться с задачей, он, сидя на своем месте, краснел от гордости и чувствовал себя полным

уверенности. По правде говоря, его интерес к китайскому языку в значительной степени обусловлен чувством удовлетворения от успехов в математике. Он также не поступает так, как другие одноклассники: если ему не нравится какой-то учитель, он не отказывается от изучения этого предмета. Отец однажды сказал, что таким образом он вредит только себе, и Чу Шаоин глубоко верит в это.

Закончив домашнюю работу, Чу Шаоин почувствовал облегчение: завтра и послезавтра он сможет беззаботно играть. Он встал, потянулся, посмотрел на часы — было ещё рано. Увидев, что его спальня грязная и беспорядочная, что вызывало неприятные ощущения, он принёс веник и лопатку. Он сложил все старые книги в картонную коробку и заклеил её. Папа говорил, что книги для ученика — это как оружие для солдата, даже если это уже изучённые старые книги. Затем он сложил картонные коробки в стопку, взял метлу и начал подметать пол. Он подметал очень тщательно, один взмах за другим, но очень медленно: на уборку крошечной спальни у него ушло десять минут.

Он смел мусор к дверному порогу, а затем перегреб его на лопатку. Один клочок бумаги упал у порога, и он случайно занес его ногой в гостиную. Не желая поступать так, чтобы нанести вред другим ради собственной выгоды, он наклонился, поднял клочок и положил его в лопатку. На улице было темно, и он не решился вынести мусор к мусорному контейнеру, поэтому высыпал его в клумбу. На небе мерцали звёздочки, словно ночные эльфы. Чу Шаоин поспешил войти в комнату, чтобы подготовиться к урокам. Почитав немного, он почувствовал сонливость, разложил книги на столе, снял туфли и лег спать. Он заметил, что простыня новая, ярко-красная, с большим иероглифом «Счастье» посередине. Чу Шаоин подумал, что родители к нему очень добры, раз даже поменяли ему простыню на новую. Чу Шаоин с радостью заснул. Он спал очень крепко и проснулся только на следующее утро.

Солнце ещё не успело подняться над восточным горизонтом, когда с равнины подул свежий, бодрящий ветер, и в нос ударил насыщенный, но не приторный аромат цветов. В такой атмосфере глаза были ясными, нос — свободным, а душа — радостной. Чу Шаоин не удержался и сделал несколько глубоких вдохов прохладного воздуха, наполнив им живот; гнилостные и загрязнённые газы вышли из тела, и он почувствовал себя словно возрождённым из пепла. Окружающий пейзаж казался таким новым и прекрасным, что хотелось смотреть на него снова и снова.

Чу Шаоин огляделся и вдруг почувствовал, что ему нужно в туалет, но он слышал от взрослых, что призраки исчезают только с восходом солнца, поэтому сейчас он не осмеливался пойти в туалет. Он заметил, что в конце огородной грядки справа от него растёт большой заросли тростника, густой, словно ширма. Он поспешно развернулся и помчался по огородной грядке, но из-за слишком быстрой ходьбы поскользнулся и чуть не упал в грядку. Но ему очень хотелось в туалет, и он всё же промчался туда, спустил штаны и пописал. Чувство переполнения в животе быстро ослабло, и это облегчение было неописуемым — словно натянутая резинка, которая вот-вот должна была порваться, внезапно расслабилась, и он пережил путь от смерти к спасению.

Закончив, он даже немного заскучал по тому ощущению перехода от напряжения к расслаблению. Ему было ясно, что такая мысль совершенно нелепа, но он всё же несколько раз прокрутил это ощущение в голове. Только после этого он медленно направился домой. Не пройдя и нескольких шагов, он заметил симпатичную девочку, идущую по бордюру; она шла прямо в его сторону. Чу Шаоин показалось, что эта девочка ему совершенно незнакома: он никогда не видел её ни в деревне, ни в школе. Откуда она взялась? Чу Шаоин вспомнил слухи, которые ходили среди взрослых о женских демонах. Разве бывает, чтобы маленькая девочка так рано утром бродила без дела?

Чу Шаоин начал подозревать, что она — привидение. Он ускорил шаг, желая поскорее уйти, и направился к девочке. Сначала его шаги были очень длинными, естественными и

непринуждёнными. Но чем ближе он подходил к девочке, тем больше ноги у него как будто отказывали; он ясно чувствовал, как они слегка дрожат, словно после восхождения на вершину, когда ноги подкашиваются при спуске. Опустив голову и глядя на узкую огороду, он, съежившись, как вор, прошел мимо девочки. Но неожиданно нежная, но сильная рука схватила его за руку, сжав очень крепко. Чу Шаоин, испытывающий чувство вины и страха, словно сдувшийся шарик, лишился всех сил; он несколько раз пытался вырвать руку из её захвата, но не смог.

Чу Шаоин бросил на неё косой взгляд — она была действительно красива, и он невольно покраснел, с трудом выдав: «Ч-что... такое?»«Я хочу попасть на Каменный мост, но не знаю, где он находится». Голос девушки звучал очень мило, но эта мягкость напоминала сладость яблок и груш, а не белого или коричневого сахара — она была такой, что не вызывала приторности. Чу Шаоин, указывая пальцем, объяснил: «Иди по этой дороге до конца, там ты увидишь тройную развилку. Иди по средней дорожке, и вскоре увидишь мост, весь усыпанный камнями — это и есть Каменный мост». Сказав это, Чу Шаоин уже собирался уходить, но девушка крепко схватила его за руку и сказала: «Одноклассник, мне так страшно, ты не мог бы проводить меня?» «Нет!»

Услышав эти слова, Чу Шаоин подумал: «Как это похоже на то, что говорила женская демоница, соблазнявшая Тан Сэн!» Не зная, откуда у него взялась смелость, он категорично ответил этими двумя словами. Сказав это, Чу Шаоин быстрыми шагами побежал прочь. Пробегая мимо бордюра огорода, он споткнулся о ветку и упал, при этом ладонью зацепился за землю. Кожа на ладони сразу же порвалась, но, к счастью, рана была не очень серьёзной — из раны просочились лишь едва заметные кровавые капельки. По всему телу распространилась густая волна боли, которая не утихала. Он встал, отряхнул с себя пыль и скрыл рану — иначе, если бы об этом узнали родители, ему не избежать бы сурового выговора.

Вернувшись домой, он застал маму за приготовлением еды, а папу — за приведением в порядок сельскохозяйственных орудий, с которых он только что вернулся с поля. Увидев Чу Шаоин, они лишь бросили на него несколько косых взглядов из уголка глаза, да и то не удостоили его даже этого. Чу Шаоин почувствовал легкое разочарование и пустоту в душе, но, проявив силу духа, решил не обращать на это внимания. Войдя в свою слабо освещённую спальню, он достал учебники по математике и китайскому языку, чтобы подготовиться к урокам. На этот раз он решил сначала повторить математику, а потом — китайский, чтобы посмотреть, принесёт ли изменение порядка изучения предметов какие-то новые результаты.

Он достал учебник по математике и прочитал материал, который учитель собирался пройти в следующем уроке. Он был очень сообразительным и быстро уловил суть. Затем он попробовал решить задачи из раздела «Для самостоятельной работы». Сначала он чувствовал себя довольно неуверенно, но, шаг за шагом обдумывая каждый ход, он решал задачи всё быстрее и с всё большей лёгкостью. Вскоре он дошёл до последней задачи, отмеченной звёздочкой — самой сложной в этой главе. Чу Шаоин внимательно прочитал задачу, но сначала не понял её смысла. Поэтому он прочитал её пять раз, прежде чем немного разобрался в сути, и только тогда приступил к решению.

Он долго думал, но не мог найти отправную точку, и в панике засунул пальцы в волосы, сжимая пряди и выдергивая их, но у него был такой настрой: он не сдастся, пока не решит задачу. Чем дольше он не мог найти решение, тем упорнее пытался. Если в прямом направлении не получалось, он пробовал в обратном. Он делал множество попыток на черновике; из-за нетерпения решить задачу он с силой давил на карандаш, и даже не знал, сколько раз сломал грифель. Спустя долгое время, наконец, усердие вознаградилось: он сопоставил все свои вычисления, и вдохновение пришло к нему, словно сверкнувшая в ночном небе звезда.

Он был вне себя от радости, поспешно заточил карандаш и, руководствуясь этой идеей, преодолел все препятствия, поставленные в задаче, и наконец-то вышел из тумана к свету. Что может быть более волнующим и радостным, чем эта радость? В приливе восторга он с радостью

швырнул карандаш, но тот, к несчастью, пробил дыру в листе математического учебника. Чу Шаоин был очень огорчён, поспешил заклеить дырку прозрачным скотчем, а затем аккуратно пригладил лист между страницами книги. Чу Шаоин был так счастлив, что забылся, и только встав, почувствовал, что у него сильно болит задница, а тело затекло. Он потянулся и почувствовал, что немного проголодался. Чу Шаоин отложил книгу, вышел из спальни во двор, но родителей уже не было видно — наверное, они ушли работать в поле. Он радостно зашёл на кухню: в рисоварке было одна-две миски риса, а в кастрюле — всего поллопатки грибов. Чу Шаоин, не обращая внимания на то, горячий рис или холодный, наложил себе ложку риса, а затем накрыл его грибами. Ему показалось, что сегодняшний обед особенно вкусный и ароматный; он ел большими кусками и очень быстро всё съел.

Пообедав, он захотел выйти на свежий воздух, запер дверь и вышел. По небу пролетали несколько диких гусей, оставляя после себя беспорядочный, глухой гул. А вокруг деревни стройные фруктовые деревья, словно прилежные стражи, придавали деревне немного жизни и энергии. Чу Шаоин так и бродил без цели, и, не заметив этого, свернул за угол дома и оказался у порога дома дяди Ван Эр. Дядя Ван Эр сидел в кресле-качалке и неторопливо курил трубку, а рядом с ним стоял низкий квадратный столик, на котором лежали чашка чая, несколько пожелтевших книг и толстый словарь. В это время года крестьяне обычно выходят в поле для посева, но дядя Ван рано закончил работу — очевидно, он не был настроен на сельские дела.

Впрочем, у дяди Вана не было ни родственников, ни детей, и ему было легко прокормить себя в одиночку: нескольких му в картофеля и кукурузы хватало на год, а всё, что оставалось сверх этого, уходило на корм мышам. Дядя Ван заметил Чу Шаоин ещё издалека, помахал ей рукой, приглашая подойти, и Чу Шаоин послушно подошёл. Дядя Ван посмотрел на детское личико Чу Шаоин, и на его лице мелькнуло какое-то непонятное выражение — словно он выражал недовольство, а может, и беспомощность. Дядя Ван отложил трубку и с улыбкой сказал: «Я слышал, что ты хорошо учишься математику, но я в это не верю. Давай я тебя проверю, как тебе?»

Чу Шаоин, услышав, что дядя Ван не верит в его успехи по математике, сразу же возмутился. А когда тот предложил проверить его, как он мог упустить такой шанс доказать свои способности? Поэтому он решительно ответил: «Хорошо, тогда задавай вопрос!» Дядя Ван достал лист белой бумаги, взял ручку, написал задачу и протянул её Чу Шаоин. Чу Шаоин взял ручку, почти не задумываясь, решил задачу, а потом вернул бумагу дяде Вану и сказал: «Эта задача слишком простая, я её уже решал».» Дядя Ван задал ещё несколько задач, и Чу Шаоин решал их, почти не задумываясь. Ему стало любопытно, почему дядя Ван всё время задаёт задачи, которые он уже решал, и он не удержался от вопроса: «Дядя Ван, почему ты не можешь задать мне задачу, которую я ещё не решал?» Дядя Ван сделал пару затяжек из трубки и многозначительно спросил: «Ты заметил что-нибудь за пределами самой задачи?» «Что-то за пределами задачи?» — тихо пробормотал Чу Шаоин. Задача есть задача, а что может быть за её пределами? Чу Шаоин не мог понять, в чём дело, поэтому решительно покачал головой и сказал: «Дядя Ван, о чём вы говорите?

Я совершенно не понимаю. Не могли бы вы объяснить пояснее?» Дядя Ван снова взял трубку, на его лице отразилось легкое бессилие и глубокое замешательство. Он сделал несколько затяжек, выпустил дым и спросил: «Сколько тебе лет?» «Девять!» — без раздумий выпалила Чу Шаоин. Дядя Ван снова торжественно произнес: «Ребёнок девяти лет уже должен что-то понимать, не так ли?» Чу Шаоин не любил такие слова. Ему нравилось, когда его хвалили, например, что он очень симпатичный мальчик, или что он отлично учится и, когда вырастет, обязательно добьётся успеха. Слова дяди Ван прозвучали так, будто он насмехался над его незрелостью. Чу Шаоин сразу же рассердился, его лицо стало немного скованным, а выражение — гораздо мрачнее. Дядя Ван заметил его реакцию и сказал: «Впрочем, ты гораздо более взрослый, чем я в твоём возрасте.

Именно потому, что я тогда не был достаточно взрослым, сейчас у меня всё так плохо. Поэтому тебе нужно учиться взрослеть и становиться мудрее — только так ты сможешь добиться большего, чем я, и достигнешь успеха». Чу Шаоин немного засомневался: родители и учителя говорили, что только хорошо учиться — залог прекрасного будущего. Кто же из них прав? Чу Шаоин сдержал свои сомнения и спросил: «Тогда, дядя Ван Эр, как же стать взрослым и мудрым?» Дядя Ван Эр улыбнулся, в его взгляде появилась искра энергии, а в глазах заиграл блеск уверенности — в полном контрасте с его обычным унылым состоянием. Он произнес каждое слово с убедительной убедительностью: «Хороший вопрос!

Тогда я тебе скажу: сомнение — это лучший способ для человека расти!» Чу Шаоин не понял его слов. Учитель когда-то говорил, что нужно верить другим, а дядя Ван почему-то говорит совсем иначе. Он был полон недоумения и про себя подумал: «Этот дядя Ван — действительно странный человек. Почему же из его уст звучат слова, столь противоположные тому, что говорят учителя и родители?» Чу Шаоин всё же больше доверял родителям и учителю, поэтому он отнёс дядю Вань Эр к категории плохих людей. Сказав эту фразу, дядя Вань Эр снова поник, посмотрел на этого милого в своей простоте ребёнка и, действительно не зная, что ещё сказать, спросил: «Я слышал, что ты любишь стихи. Как раз я когда-то написал одно стихотворение. Хочешь посмотреть?» «Стихи?» Чу Шаоин, питавший особую любовь к поэзии, сразу же обрадовался и сказал: «Я хочу посмотреть!» Дядя Ван протянул ему написанное стихотворение. Чу Шаоин взглянул на него и увидел, что там было написано:

Небо потемнело!

Даже самые зоркие глаза ничего не увидят.

Тем более, что ты — слепой.

Даже если ты превратишься в солнечный свет,

тебе всё равно придётся оказаться на резаке мирской суеты, где тебя будут резать, как захотят.

«Это тоже стихи? Разве стихи не должны состоять из строк по пять или семь иероглифов?» Чу Шаоин, никогда не видя современной поэзии, был сильно разочарован и даже заявил, что это не стихи. Дядя Ван не стал с ним спорить, а напутствовал: «Я хочу, чтобы ты выучил это стихотворение наизусть и вник в его смысл. Кроме того, тебе следует внимательно обдумать то, что я тебе сегодня сказал».» Чу Шаоин был недоволен: твои слова и стихи — это же не знания из книг, какая польза их заучивать? Он только хотел спросить, почему, как дядя Ван уже откинулся в кресле-качалке и, обняв книгу, стал ее листать. Чу Шаоин знал, что так дядя Ван прощается с гостями. Не знал почему, но, хотя дядя Ван, казалось, переворачивал его мировоззрение с ног на голову, Чу Шаоин всё же считал его дружелюбным и приветливым человеком, от которого исходило какое-то неописуемое тепло.

Чу Шаоин шёл домой и, не заметив, подошёл к дому Лян Цзюньвэня. Зрелище, открывшееся перед его глазами, до крайности опечалило его: дом семьи Лян Цзюньвэня был снесен жителями деревни, фруктовые деревья перед домом срубили, и теперь это место превратилось в пустошь. Люди использовали пустырь перед домом Лян Цзюньвэня как свалку и безжалостно сваливали туда мусор. Всё это резко контрастировало с прежним ухоженным и чистым двором. Погрузившись на мгновение в печаль, Чу Шаоин всё же вернулся домой и увидел, что запертая дверь была широко распахнута. Родители не могли вернуться так рано, так кто же это мог быть?

Он поспешил войти в дом и обнаружил, что дверь его спальни тоже была широко открыта. Чу Шаоин заглянул внутрь и увидел, что на его кровати лежала красивая девочка, даже красивее той, которую он видел утром; на ней была только тонкая кружевная блузка, сквозь которую едва просвечивали бретельки. Чу Шаоин бросил лишь один взгляд и так покраснел от стыда, что не осмелился посмотреть во второй раз. Опустив голову, он подошёл к ней и спросил: «Кто ты такая? Как ты могла просто так войти в чужой дом?» Девочка ответила: «Одноклассник,

взрослые хвалят тебя за то, что ты хорошо учишься по математике, а я не очень хорошо с ней справляюсь. Не мог бы ты меня немного подкорректировать?»

Чу Шаоин перебил её: «Какую задачу ты не можешь решить?» Девочка достала тетрадь, в которой действительно было несколько сложных задач. Чу Шаоин долго над ними бился, но в конце концов решил их и объяснил девочке, как к ним подходить. Неизвестно, поняла ли она на самом деле или только притворилась, но она протянула руку, похлопала Чу Шаоина по плечу и сказала: «Одноклассник, ты такой умный, ты просто мой самый большой кумир».» Чу Шаоин был приятно удивлён; решение этих задач действительно придало ему огромную уверенность, и он ответил: «В будущем, если у тебя будут сложные задачи, можешь обращаться ко мне». Девочка убрала тетрадь, взяла Чу Шаоина за руку и кокетливо проговорила: «Братик, пойдем со мной прогуляемся, мне так скучно!» Чу Шаоин решительно вырвал руку и сказал: «Иди уже, иди».» Говоря это, он вытолкнул девочку за дверь. Чу Шаоин действительно боялся, что родители увидят, как он болтается дома с девочкой, и начнут говорить о нём плохо — это разрушило бы тот оазис чистоты, который он хранил в своём сердце. После того как девочка ушла, Чу Шаоин поспешил помыть рисоварку — ему нужно было приготовить еду, иначе родители, вернувшись, скажут, что он только и умеет, что лениться и развлекаться, и даже рис приготовить не может. Приготовление еды для Чу Шаоин было делом простым: помыть рисоварку, вытереть её насухо, промыть рис, засыпать его в кастрюлю, подключить к розетке и нажать кнопку — и всё готово. У Чу Шаоина был опыт, как приготовить вкусный рис: во-первых, рис нужно промыть несколько раз, пока вода не станет прозрачной; во-вторых, воды для варки должно быть чуть меньше, тогда рис получится сухим и ароматным. Приготовив рис, Чу Шаоин взглянул на капусту в пластиковом пакете. Поскольку он не умел готовить, он просто помыл капусту, положил её в миску и оставил ждать, пока родители вернутся и приготовят её. Закончив с этим, Чу Шаоин почувствовал себя прекрасно и, напевая себе под нос, отправился в свою спальню готовиться к уроку китайского языка. Если не брать во внимание влияние математики на китайский язык, то в его глазах этот предмет казался одновременно загадочным и увлекательным. Ему очень нравились стихи, а также он находил эти небольшие рассказы чрезвычайно интересными — они значительно расширяли его кругозор. Однако он не любил зазубривать материал наизусть; ему хотелось лишь бегло пробежаться по интересным сюжетам, воспринимая это как развлечение, а не зарываясь в изучение, из которого не было выхода. Но задания по китайскому языку были не так интересны, как сам учебник: в них речь шла о понимании иероглифов, слов, предложений, абзацев и текстов, о базовых знаниях; одни и те же вопросы задавались снова и снова, только форма менялась, а суть оставалась прежней. Еще хуже было то, что за ошибки учитель заставлял учеников переписывать правильный ответ от нескольких до двадцати с лишним раз. К счастью, у учителя есть хитрость, а у ученика — способ обойти ее: ученик берет две-три ручки, и при написании одного иероглифа в тетради появляется два-три иероглифа. Еще более изобретательные ученики подкладывали в середину тетради три-четыре листа копирки, и каждый раз, когда они писали один иероглиф, получалось три-четыре. Однако Чу Шаоин так не поступал: он считал, что все ученики, идущие на уловки, — плохие ученики. Он слушался учителя и послушно исправлял ошибки десять-двадцать раз, несмотря на то, что у него болела рука и ломила шея.

Закончив подготовку по китайскому, он даже не заметил, когда родители вошли в комнату: они уже бесшумно приготовили обед и успели пообедать. Чу Шаоин вышел во двор и не слишком громко, но и не слишком тихо окликнул: «Папа». Но отец как раз заделывал прокол в велосипедной шине и вовсе не обратил на него внимания. Он прошел несколько шагов и, увидев, что мама моет посуду, снова окликнул: «Мама». Но мама была поглощена мытьем посуды в тазу и даже не взглянула на него. Ему было очень грустно; он не понимал, чем он провинился, что они так игнорируют его. Ему было невыносимо тяжело: если бы он что-то накосячил, пусть даже они бы его отругали, а то и отшлепали — это хотя бы подтвердило бы его существование.

А что это за поведение? Разве они считают его воздухом? У Чу Шаоин в душе защемило, и в глазах закружились слёзы. Эта «холодная война» ранила его маленькое самолюбие; если бы не та стойкость, заложенная в его характере, слёзы почти вырвались бы из глаз. С этой стойкостью он вошёл в кухню, наложил себе еду и, хотя она и не была особенно вкусной, с довольно большим удовлетворением съел две миски. Наевшись, он почувствовал сонливость и пошёл спать в спальню. Его маленькое тело лежало на кровати, как раз на том самом иероглифе «си». Неизвестно, сколько он проспал, но когда проснулся, солнце уже садилось за западным окном.

Он в полусонном состоянии встал с постели и прогулялся по деревне. Не знаю, как так получилось, но на углу он снова встретил девушку, и она чуть не заставила его вздрогнуть. Хотя эта девушка и не была такой красивой, как две предыдущие, которых он видел сегодня, Чу Шаоин заметил, что она очень похожа на Лю Яньжань; если бы не присмотреться внимательнее, он почти принял бы её за неё. «Ты испугался, да?» — как только девушка заговорила, на её лице появились две ямочки, и она стала еще прекраснее. Чу Шаоин и без того чувствовал себя неловко из-за того, что его напугали, и когда она так сказала, в нём вспыхнул лёгкий гнев, но, увидев, что она бессильна, а он — мужчина, и, как гласит пословица, «настоящий мужчина не ссорится с женщиной», Чу Шаоин всё же подавил свой гнев и лишь сухо ответил: «Ничего страшного.» С этими словами он уже собирался уходить, но девушка стала кричать ему вслед: «Чу Шаоин, подожди меня, давай вместе…» Чу Шаоин был очень удивлён, услышав, как она назвала его по имени. Он же её не знал, откуда она могла знать его имя? Но ему было лень в этом разбираться, и он, как кролик, быстро убежал. Он долго бродил в одиночестве, и уже почти стемнело.

На западном горизонте густые тучи, чёрные как чернила, быстро охватили всё небо, а ветер начал бушевать на земле. Чу Шаоин понял, что скоро пойдёт дождь, и поспешил домой. После ужина на улице разразился проливной дождь, а ветер завывал и бушевал. Такая ночь как нельзя лучше подходит для сна: слушая, как капли дождя падают на землю, казалось, будто тонкие щупальца похлопывают его по спине — это было очень приятно. Чу Шаоин наслаждался этим моментом, поэтому, не закрывая глаз, заснул очень поздно.

На следующий день, проснувшись, он увидел, что ветер утих, дождь прекратился, а небо над головой было безоблачным. На земле повсюду лежали остатки красных цветов, создавая пестрый узор, словно на картине, а повсюду раздавались бесчисленные звуки стрекотания насекомых — судя по всему, сегодня будет ясный день.

Чу Шаоин смотрел на всё это, глубоко вздохнул, словно вчерашний ветер и дождь вовсе не существовали.

Или, может быть, без вчерашнего ветра и дождя не было бы сегодняшнего безоблачного неба.

Глава 3

Ветер дул всю ночь, дождь лил всю ночь, и утренний воздух был свежим, словно опрысканным духами. Вскоре солнце взошло над горизонтом, и тёплые лучи беззастенчиво озарили землю, словно бурный поток, устремлённый на восток, который уже невозможно остановить.

Из кухни доносился шум кастрюль, мисок и посуды — не нужно было даже думать, это, конечно же, мама готовила завтрак. Вскоре мама закончила готовить. Хотя это и называется завтраком, в семье Чу Шаоин завтрак ничем не отличался от обеда и ужина — везде рис с жареными овощами. Мама отличалась от Чу Шаоин и отца: она никогда не жаловалась, что еда невкусная. Возможно, потому что она сама готовила, а как можно жаловаться на то, что сама сделала? Папа попробовал блюдо, тут же отбросил палочки и сплюнул: «Что это за дерьмовая жаркая? Даже свиному корму хуже». Мама осталась невозмутимой и холодно ответила: «Не хочешь есть — никто тебя не заставляет». В воспоминаниях Чу Шаоин между отцом и матерью, казалось, не было никакой любви. Неизвестно, как они тогда поженились — может, просто

решили пожить вместе? Отсутствие любви между родителями привело к тому, что в этой семье тоже не было любви, а в семье без любви не может быть счастья. Чу Шаоин уже понял это. Это косвенно привело к тому, что они не умели выражать любовь, а если и выражали, то она была холодной, лишенной тепла. Что может быть печальнее для семьи?

Папа выбросил блюдо, приготовленное мамой, в мусорное ведро и сам взялся за дело, приготовив новое блюдо. Почувствовав аппетитный запах, Чу Шаоин подошел. «Поесть», — сказал папа двумя словами. Хотя папа сам взял миску и палочки, наложил себе еду и стал есть в одиночестве, Чу Шаоин услышал слова «поесть». Он был безмерно взволнован — это укрепило его чувство значимости: папа всё-таки заботится о нём. Блюдо, приготовленное папой, действительно оказалось вкусным. Умение превратить простые ингредиенты в нечто необыкновенное — вот что действительно впечатляет, и папа как раз такой человек. Чу Шаоин всегда так считал.

Поскольку вчера вечером шел дождь, сегодня, похоже, работать в поле не получится. Чу Шаоин вернулся в комнату, достал домашнее задание и приступил к его выполнению с полной сосредоточенностью. Неизвестно, было ли это из-за того, что задание было слишком простым, но Чу Шаоин справился с ним без малейших затруднений, как по маслу. А это, несомненно, укрепило его уверенность в себе и побудило его решать все более сложные задачи. Никто не мог его остановить. Закончив задания, Чу Шаоин приступил к подготовке к новым урокам. Он понимал из них лишь шесть-семь десятых, а остальное, пожалуй, станет ясно только после объяснений учителя. Помочь ученику разобраться в том, чего он не понимает, — вот в чём заключается заслуга учителя.

Во дворе папа пригласил нескольких любителей маджонга. Эти люди были малообразованными, и когда играли в маджонг, их голоса звучали так громко, словно ржали лошади. Они перебивали друг друга, и их разговоры напоминали ржание стада лошадей, превращая атмосферу во дворе в полный хаос.

Чу Шаоин крайне не одобрял такое поведение. Ему не нравились эти вульгарные выражения, а ещё больше — такое безделье, к тому же с оттенком азартных игр. Как и курение, это было развлечением для людей низкого уровня.

Чу Шаоин закрыл окно, пытаясь не пропускать их крики внутрь, но ничего не вышло: эти звуки, словно обзаведясь щупальцами, проникали во все уголки его комнаты, и как ни старался, он не мог от них избавиться.

Это очень раздражало Чу Шаоин: он хотел тишины, но эти звуки, словно враг, упорно противились ему. Чем больше он раздражался, тем громче они шумели, что приводило его в ярость.

Разве отец раньше не говорил, что нужно быть примерным учеником? Зачем же он пригласил этих людей домой играть в маджонг? Разве он не понимает, что это мешает мне учиться?

Чу Шаоин хотел выплеснуть свой гнев, но у него хватало только желания, а не смелости, и ему оставалось лишь затаить эту злость в глубине души, подавляя, прикрывая и зарывая её под слоем разума.

Вскоре зазвучала деревенская радиопередача, в которой огласили несколько имен, среди которых были и слова «Чу Фэнъюань с сыном». Папа был вынужден убрать стол для маджанга и сказать всем: «Простите, меня вызывают по радио, в следующий раз продолжим игру».

Игроки постепенно разошлись, а отец позвал Шаоин и они вместе направились к кабинету деревенского руководителя.

Что же это за дело, что пойти одному нельзя, а нужно тащить с собой и отца, и сына? Чу Шаоин смутно чувствовал, что дело неладно, и его настроение изменилось с прежнего раздражения на страх. Но он был вынужден пойти — словно перед ним возвышалась вершина горы, уходящая в обрыв: он ясно понимал, что, шагнув вперёд, разбится вдребезги, но, глядя

на отца, стремительно уходящего вперёд, он не мог найти причины, чтобы не пойти, даже если это означало разбиться вдребезги.

От дома Чу Шаоин до кабинета сельского руководителя было всего триста-четыреста метров, но эти короткие триста-четыреста метров показались Чу Шаоину целым «Длинным походом».

Войдя в кабинет сельского руководителя, Чу Шаоин сразу же заметил троих: Дэн Шэна, Лю Сяня и Ю Цая. Увидев это, Чу Шаоин сразу понял, в чем дело. И без того робкий, он почувствовал, как в душе внезапно стало пусто, а тело стало легким, словно призрачный дымок, запертый в клетке, тяжелой как гора.

Если бы это было возможно, Чу Шаоин действительно хотел бы превратиться в муравья — может быть, тогда они проявили бы хоть каплю милосердия и пощадили бы его маленькую жизнь?

Но затуманенный взгляд Чу Шаоин, слегка сгорбленные плечи и шаткая походка уже сделали его похожим на муравья.

— Я слышал от вашего дяди Цая, что вы украли овощи из его огорода? Это правда? — спросил деревенский староста.

— Дядя Цай, вы же не можете так безосновательно обвинять людей. Мы не крали овощи из вашего огорода, — категорически отрицал Дэн Шэн.

— Но в тот день я видел вас по дороге к моему огороду: вы были в пыли, спешили… Как вы смеете утверждать, что не были в моем огороде? — переспросил дядя Цай.

«Мы действительно не были там, мы гнались за диким зайцем, дядя Цай, вы не можете так несправедливо обвинять нас», — добавил Ю Цай.

«Чу Шаоин, ты тоже так думаешь?» — спросил дядя Цай, посмотрев на Чу Шаоина.

Чу Шаоин не умел лгать и никогда ни в чём не лгал, поэтому он на мгновение растерялся. Ему показалось, что это, возможно, психологическая уловка дяди Цая, призванная заставить его признаться без принуждения.

«Мы не крали овощи из вашего огорода», — сказал Чу Шаоин голосом, который был слышен только ему одному.

«Эх», — дядя Цай покачал головой. — «Я думал, что если вы просто признаете свою вину, я поступлю с вами пощадливо, но не ожидал, что вы будете так упорно сопротивляться».

Как раз когда Дэн Шэн хотел возразить, дядя Цай достал книгу — учебник по нравственности, на обложке которой крупно были напечатаны три иероглифа: «Чу Шаоин».

«С этим у вас уже не получится увиливаться», — сказал дядя Цай.

В этот момент лицо Чу Фэнъюаня стало мрачным до крайности; если бы его выражение лица в этот момент поместили в храм, оно безусловно стало бы изображением настоящего злобного божества.

Дэн Шэн и его товарищи опустили головы и переглянулись с Лю Сянем и Ю Цаем. По их выражению лица было видно, что они намерены отрицать всё до конца, но, к сожалению, дядя Цай поймал их с поличным, и сопротивляться дальше было уже невозможно.

«Дядя Цай, мы ошиблись. Что вы хотите?» — неуверенно спросил Дэн Шэн.

— Компенсацию.

— Как мы должны возместить ущерб? — спросил Ю Цай.

— Всего 1600 юаней, разделите между собой, — сказал дядя Цай.

— 1600 юаней? Вы, похоже, нас обманываете, — заметил отец Ю Цая.

Дядя Цай тут же возразил: «Овощи, наверное, стоят всего несколько сотен, но эта собака — настоящая редкость, она стоит не меньше тысячи с небольшим».

«Какая собака, раз она такая дорогая?» — спросил Ю Цай.

«Эта собака прошла специальную дрессировку, она специально предназначена для охраны дома», — ответил дядя Цай.

«Распределите сумму между собой, по четыреста юаней с каждой семьи!» — сказал управляющий.

Едва он закончил, как Чу Фэнъюань вскочил, резко толкнул Шао Ин к дяде Цаю и в ярости заявил: «Эти продукты украл этот негодяй, делайте с ним что хотите — убивайте, режьте, как вам угодно. А денег у нас нет».

С этими словами Чу Фэнъюань широким шагом вышел из комнаты, оставив Чу Шаоин одну, глотающую горькую пилюлю.

Чу Шаоин почувствовал, будто его тело зависло в воздухе, и во всем мире не осталось ни одного места, где можно было бы приземлиться; он просто парил в этой комнате, полной терний, и, несмотря на все свои усилия, никак не мог выбраться наружу.

В ушах Чу Шаоин раздавались множество странных звуков, а в голове царила полная путаница. А вокруг его тела была кипящая вода температурой сто градусов по Цельсию. Хотя он чувствовал сильный ожог, он не смел пошевелиться, боясь, что в приступе ярости кто-то начнет мучить его ещё более горячей водой.

Чу Шаоин блуждал в своих галлюцинациях; хотя он с трудом сдерживал слёзы, его сердце кровоточило, капля за каплей кровь скапливалась в его внутренних органах, наполняя его живот до краев. Это ощущение длилось очень долго, и только когда администратор сказал: «Раз все согласны выплатить компенсацию, так и сделайте», Чу Шаоин наконец вышел из своего эмоционального состояния. Он, словно вор, на цыпочках следовал за людьми, ведя себя хуже, чем лайка.

«Чу Шаоин, забери книгу», — сказал администратор, когда Чу Шаоин прошел всего несколько шагов.

В обычной ситуации такое поведение администратора наверняка заставило бы Чу Шаоин почувствовать всю красоту человеческой души. Но в этот момент все его чувства были заглушены собственными эмоциями, и у него не было ни капли настроения, чтобы воспринимать что-либо подобное.

Чу Шаоин взял книгу, разгладил загнутый уголок и прижал её к груди, словно это была семейная реликвия. Хорошо, что книга не пропала, иначе на уроке нравственности ему бы снова не поздоровилось.

Выйдя из кабинета, он увидел, что до своего дома оставалось всего несколько сотен метров. Из дома доносились голоса — там царила атмосфера настоящего ада, где хватало места для множества призраков, но не для него самого.

Чу Шаоин посмотрел вдаль и в одиночестве направился на склон холма, к большому вишневому дереву. Он вспомнил, как раньше часто приходил сюда играть с Лян Цзюньвэнем и другими деревенскими детьми, а сейчас, казалось, кроме этого большого вишневого дерева здесь больше ничего не осталось.

Чу Шаоин почувствовал некоторую одиночество, ему показалось, что людей в этом мире по непонятной причине стало гораздо меньше. Но мы чувствуем себя одинокими не потому, что в мире стало меньше людей, а потому, что рядом с нами стало меньше тех, кто нас сопровождает.

Чу Шаоин, подложив голову на руку, одиноко смотрел на небо. Облака на небе, словно комки нерастаявшего снега, были того цвета, который он так любил и к которому стремился.

Несколько белоснежных больших птиц пролетели по небосводу, и можно было по ошибке принять их за облака, движимые ветром, — в этом было какое-то живое, реалистичное ощущение.

Ветер, словно осязаемый, обдувал её лицо, напоминая нежное прикосновение матери, о котором она мечтала.

Чу Шаоин всё смотрел и смотрел, и все неприятности на время улетучились. В этом и заключается волшебная сила природы: она способна заставить человека забыть о временных неприятностях и жить с радостью.

Если призрачная сила природы велика, то сила реальности ещё больше: она способна заставить даже самое сильное сердце не ускользнуть из её когтей.

Солнце приближалось к западным вершинам, и Чу Шаоин понимал, что ему пора возвращаться домой — не только потому, что он проголодался, но и потому, что ему предстоит стать настоящим мужчиной. Настоящий мужчина должен смело брать на себя ответственность за свои ошибки и отважно смотреть в глаза своей жизни, а не прятаться в безлюдном углу, как крыса, трусливая до того, что ее сердце меньше ногтя.

Чу Шаоин сглотнул слюну и медленно направился домой. Ему казалось, что каждый шаг даётся с трудом, словно он — заключённый в телевизоре, скованный наручниками и кандалами, которому каждый шаг отнимает все силы.

Чу Шаоин взглянул на свой дом, стоявший неподалеку. В нём не было любви, а любовь и ненависть рождаются друг в ответ на друга, поэтому там не было и ненависти. Было лишь прожигание жизни, как-нибудь, как получится, как-то. Именно это Чу Шаоин ощущал на протяжении всех этих лет.

Чу Шаоин снова глубоко вдохнул, наполняя грудь нагретым солнцем воздухом. Ему вдруг показалось, что его грудная клетка обладает безграничной широтой, способной вместить и горячий, и холодный, и свежий, и гнилой воздух.

Чу Шаоин надеялся, что грудь его отца тоже обладает такой вместительностью. Но его надежды не оправдались: душа отца была меньше, чем у муравья.

Как только Чу Шаоин переступил порог дома, отец властным тоном приказал: «На колени!» Увидев во дворе стиральную доску, Чу Шаоин сразу понял, что она предназначена для него. Он не сказал ни слова, согнул ноги и опустился на колени на стиральную доску. Его глаза были похожи на два озера, наполненных до краев водой, которая в любой момент могла вылиться наружу.

Сразу же отец достал ремень, который хранил много лет, и жестоко хлестнул им по спине Чу Шаоин.

«Тебе не хватает еды или питья?» Отец нанёс ему три удара ремнем подряд, и каждый следующий удар был сильнее предыдущего. Боль от этих трёх ударов, сложившаяся воедино, казалась ему, будто его распиливают на тысячи кусков и расчленяют на восемь частей.

Руки Чу Шаоин всё время защищали учебник по нравственности, боясь, что он тоже подвергнется наказанию. Ему самому было всё равно, что он страдает, но книга не должна была быть повреждена — для Чу Шаоина она была тем, что утешало его душу.

Чу Шаоин не плакал, потому что знал: плакать бесполезно. К тому же, зная характер отца, он понимал: чем больше он будет плакать, тем сильнее отец будет его бить. В то же время он не злился на отца, потому что на этот раз он действительно поступил неправильно, и порка была вполне оправданной — отец просто воспитывал его. По мнению Чу Шаоина, если бы отец не побил его, это было бы странно: воспитание детей — обязанность родителей, и, очевидно, отец выполнил эту обязанность. В душе Чу Шаоин очень уважал отца — он был хорошим отцом, ответственным отцом.

Наказав Чу Шаоин достаточно, отец убрал ремень, наложил себе миску риса и ушёл в соседнюю комнату поужинать. Чу Шаоин тоже проголодался, но не осмелился сказать об этом, потому что отец был в ярости, и такие слова, без сомнения, означали бы объявление войны. В ответ он получил бы либо несколько чрезмерно оскорбительных слов, либо ещё несколько ударов ремнем.

Время летело очень быстро, а ночь казалась днём, закрывшим глаза.

Только звёзды мигали, словно насмехаясь над тем, что его заставили стоять на коленях. Всё под небом казалось спокойным, только он один не вписывался в общую картину, словно отрезанный от всего мира, терпя невыносимое наказание.

В комнате зажгся тусклый желтый свет, и время от времени доносился едва уловимый смех из телевизора. Стиральная доска под его ногами находилась всего в десяти шагах от телевизора, но казалась такой далекой, словно до неё было несколько световых лет.

Боль в коленях сначала была острой, потом стала тупой, распространилась от коленных чашечек по всему телу и в конце концов перешла в онемение. Папа был полностью поглощён просмотром телевизора. Боль в коленях была просто невыносимой. Чу Шаоин попытался на мгновение встать, чтобы немного облегчить боль. К счастью, папа его не заметил. Сквозь давно выцветшие узоры на стекле Чу Шаоин смутно видел, как отец увлечённо смотрит телевизор, совершенно не обращая на него внимания; возможно, отец уже забыл, что сын стоит на коленях в наказание. Внезапно отец встал и направился к выходу. Чу Шаоин тут же снова опустился на колени; колени и так болели, а при опускании появилась новая боль, в результате чего старая и новая боль сложились, усилив страдания, и боль стала ещё сильнее.

Отец бросил на него взгляд, в котором не было ни капли сострадания, ведь Чу Шаоин совершил не обычную ошибку — он заставил семью понести лишние расходы. Это был настоящий растратчик. В конце концов, из всех возможных ошибок нет ничего хуже, чем заставлять семью тратить деньги зря, тем более что в семье Чу Шаоина деньги всегда были в дефиците.

Возможно, отец вышел в туалет; вскоре он вернулся. Вернувшись во двор, он снова бросил взгляд на Чу Шаоин, и в свете лампы из комнаты Чу Шаоин увидел не отцовскую любовь, а чистую ярость. Деньги и любовь — отец, как и многие другие, выбрал деньги.

Войдя в комнату, отец выключил свет. Шаоин услышал, как закрылась дверь — наверное, отец ушёл спать. Чу Шаоин остался один в ночной тьме; прохладный ночной ветер обдавал его, словно он только что принял холодный душ.

Папа, наверное, уже не выйдет, подумал Чу Шаоин и снова попытался встать — стоять было гораздо удобнее, чем стоять на коленях. Но в душе у Чу Шаоина жило чувство справедливости, и он считал, что поступает нечестно, не исправляя свою ошибку. По сути, это ничем не отличалось от того, как он, не успев сделать домашнюю работу, наспех вычеркивал ответы. Те герои, которых показывают по телевизору, — если их наказывают стоять на коленях, они послушно стоят так несколько дней подряд. Какие они честные и справедливые! А он-то, напротив, идет по кривым путям, обманывает родителей и не раскаивается.

Однако Чу Шаоин не ела почти целый день, да и столько времени простояла на коленях, что её тело уже давно не выдерживало. К тому же её охватила сонливость — такая же сильная, как и ночь, способная унести человека в совершенно иной мир. Никто не мог противостоять этой перемене, оставалось только подчиниться, только сдаться.

Говорят, что еда и секс — это сущность человека, но на самом деле это еда и сон.

Сначала Чу Шаоин просто сел на пол: боль быстро улетучилась, но сон снова овладел его телом. Его голова то опускалась, то поднималась, а через мгновение снова опускалась. Вскоре тело перестало слушаться его воли, и он не чувствовал ничего, кроме желания спать. Да какая разница, что его бьют и ругают — мир велик, но сон величественнее всего; перед сном всё остальное — пустая суета. Чу Шаоин, набравшись смелости, на цыпочках пробрался в спальню, скинул туфли и с головой нырнул под одеяло, где сладко заснул. Сон был таким глубоким и безмятежным, что ему даже не снились сны.

На следующий день родители встали рано: солнце только-только взошло, а они уже отправились работать в поле.

К счастью, отец не стал придираться и не упрекнул её за то, что она легла спать без его разрешения.

Чу Шаоин поднялся с кровати и, едва открыв глаза, почувствовал, что верхние и нижние веки слиплись, что было очень неприятно. Чу Шаоин поспешно протянул руку и стёрла со век корок.

Чу Шаоин слез с кровати, выпрямился, и боль в спине, словно паутина, быстро распространилась по всему телу.

Чу Шаоин вспомнил о специальном задании, которое дал учитель: принять душ и помыть голову. Поэтому он наполнил чайник холодной водой и поставил его на печь. Затем он набрал немного тонких сухих поленьев, забросил их в топку и подложил под них лист бумаги. Он снова зажег спичку, пытаясь поджечь бумагу, но после того, как на листе мелькнула искра, огонь погас. Ему пришлось снова зажечь спичку, но попытка вновь закончилась неудачей. Чу Шаоин немного расстроился: почему же разжечь огонь так сложно? В Чу Шаоинге снова проявился его врождённый упрямство: сегодня он обязательно разжёг огонь. И вот он зажёг третью спичку. Небо не обделяет тех, кто стремится к цели: ему наконец удалось зажечь листок бумаги, а тот, в свою очередь, зажёг тонкие сухие поленья. Видя, как огонь постепенно разгорается, Чу Шаоин добавил несколько более толстых поленьев, и вскоре в топке разгорелся яркий огонь, потрескивающий и потрескивающий. Чу Шаоин успешно вскипятил чайник с водой — это дало ему огромное чувство удовлетворения, словно он решил сложную задачу. Это заставило Чу Шаоина поверить, что в этом мире нет ничего невозможного — всё зависит только от того, хочешь ли ты это сделать.

Чу Шаоин принёс таз и дешёвый шампунь. Он налил в таз немного горячей воды, а затем добавил немного холодной. Опираясь на свой опыт, он быстро довел температуру воды до комфортной. Чу Шаоин наклонился над тазом, намочил волосы водой, выдавил немного шампуня и нанёс его на голову. Голова Чу Шаоин изначально сильно чесался, но после нанесения шампуня зуд перестал быть сплошным — теперь он появлялся то здесь, то там. Чу Шаоин начал играть с этими зудящими ощущениями в «охоту на кротов»: как только одно место переставало чесаться, тут же появлялось другое. Только после двух-трёх мытий зуд полностью исчез. Чу Шаоин почувствовал себя полным победителем — это ощущение было просто чудесным, словно сбылось какое-то прекрасное желание.

Далее предстояло принять ванну. Чу Шаоин, собрав все свои силы, перетащил в спальню большую пластиковую ванну, налил в неё немного горячей и холодной воды, отрегулировал температуру, а только потом снял рубашку и брюки и сел в ванну. Чу Шаоин попытался облить себя водой, но когда вода коснулась шрамов на спине, он почувствовал невыносимую боль — словно нож прорезал в теле огромную рану, а затем туда насыпали перец и соль, а потом зашили рану. Это заставляло его бесконечно страдать и мучиться. Чу Шаоин не мог вынести такой боли, но, к счастью, раны, нанесенные отцом, ограничивались спиной, а остальные части тела были в порядке. Чу Шаоин смог помыть только живот и нижнюю часть тела, что можно было считать выполнением дополнительного задания, поставленного учителем.

Приняв душ, Чу Шаоин, надевая обувь, обнаружил, что на её тканевых туфлях большим пальцем ноги пробиты две большие дырки, а когда вода, оставшаяся на подошве ноги, коснулась подошвы туфель, сразу же возникло ощущение, будто на них нанесли слой жидкой грязи — это было очень неприятно. К тому же оттуда доносился слабый неприятный запах — запах пота.

В классе, если бы пришлось перечислить, кто одет в самую рваную и потрепанную одежду, Чу Шаоин сказал бы, что он второй, и никто бы не осмелился назвать себя первым. Одноклассники все ходили в чистой и опрятной одежде, а он — годами в одной и той же паре рваных тканевых туфель, а одежда его была грязной, как тряпка. Говорят, бедность помогает рано повзрослеть, но бедность Чу Шаоин принесла ему только чувство неполноценности. В классе он не смел говорить громко и не мог быть таким же беззаботным, как другие дети. Бедность не сделала его настоящим мужчиной, а, напротив, сделала его ещё более женственным.

Ему казалось, что он ни в чём не уступает другим, и только учёба — это единственное, чем он мог похвастаться. Учёба была для него как покровочное полотно, специально предназначенное для того, чтобы скрыть бедность его семьи и его чувство неполноценности.

Мечта Чу Шаоин — подружиться со всеми, но, кроме бывшего друга Лян Цзюньвэня, у него, похоже, нет ни одного душевного друга: кто из детей этого класса захочет общаться с неряшливым мальчиком?

На самом деле Чу Шаоин очень симпатичный, но его внешний вид выглядит неряшливо; он говорит и ведет себя по-девчачьи, что приводит к неловкости в его характере. Когда он говорит, он хочет выразить одно, но в ушах других это звучит совсем по-другому, а он никогда ничего не объясняет, поэтому окружающие постоянно его неправильно понимают.

После душа Чу Шаоин не смог поднять пластиковое ведро, наполненное водой, поэтому он перелил воду из ведра в таз для ног, а затем вылил её из таза. Так он повторил эту операцию два-три раза, прежде чем полностью вылил воду из ванны.

После душа он почувствовал себя так комфортно, словно прекрасно выспался, — это придало ему бодрости.

Чу Шаоин сначала хотел подготовиться к урокам, но утреннее небо и поле так ему понравились, что он не смог удержаться: яркие лучи солнца были румяными, как яблоки. Горы вдали, словно одухотворенные, стояли стражами, охраняя эту землю.

Чу Шаоин вышел на улицу и посмотрел на солнце, похожее на глаз. В его лучах вся земля казалась полной жизни и энергии.

Чу Шаоин прогулялся по деревне и вдруг оказался у дома дяди Ван Эр. Дом дяди Ван Эр остался таким же, как и раньше: у входа стоял стул, рядом — небольшой столик, на котором лежали чашка чая, словарь и несколько книг.

Дядя Ван, держа в руках метлу, как раз подметал двор. Чу Шаоин всегда испытывал к дяде Вану чувство близости, такое же, как когда-то к отцу.

«Дядя Ван Эр, я помогу тебе подмести», — дружелюбно сказал Чу Шаоин.

Дядя Ван посмотрел на него, сначала на мгновение замер, а потом слегка улыбнулся и ответил одним словом: «Хорошо».

Чу Шаоин взял вторую метлу и принялся за работу с полной серьезностью. Сначала у него всё шло гладко, словно по течению — без малейших усилий. Но на полпути он наткнулся на несколько ямок на земле, которые не удавалось очистить одним-двумя взмахами метлы. Чу Шаоину пришлось приложить немало усилий и сделать много взмахов подряд, прежде чем он смог вымести мусор из этих ямок. Закончив уборку двора, Чу Шаоин был очень доволен. Ему казалось, что подметание пола чем-то похоже на решение задач: большинство задач не представляют особой сложности, а лишь немногие требуют размышлений. Но если не сдаваться, то сложные задачи обязательно удастся решить.

Вскоре они вдвоём привели двор в порядок. Дядя Ван налил ему чашку чая и вдруг спросил: «Ты любишь читать книги?»

«Книги?» В представлении Чу Шаоин книги были чем-то одновременно загадочным и возвышенным: в них были тысячи воинов и полчища, были благородные люди и идеалисты, а также много всего прекрасного. Но там точно не было того, о чём обычно говорят обычные люди — «дома из золота» и «лица, прекрасного как нефрит». Это не было тем, чего хотел Чу Шаоин; это были лишь стремления мирских людей.

«Конечно!» В Чу Шаоин зародилось сильное стремление к знаниям — это стремление было подобно голоду, требующему еды, и являлось проявлением его врождённой природы.

Дядя Ван Вэй привёл его во внутреннюю комнату. Там было довольно темно, но можно было разглядеть несколько книжных полок, заставленных книгами. В этой комнате было не меньше ста-двухсот книг — словно сокровищница книг, храм знаний.

«Выбери себе книгу сам», — сказал дядя Ван Эр.

Глядя на такое изобилие книг, Чу Шаоин не знал, какую выбрать. Он раньше почти не читал и не понимал, какая из них хороша. Он перебирал их взглядом, но так и не мог определиться. Чу Шаоин мог только сказать: «Дядя Ван, какую книгу ты считаешь хорошей? Порекомендуй мне что-нибудь».

Дядя Ван улыбнулся, взял с полки книгу «Звёзды и весенняя вода» и протянул её Чу Шаоин: «Эта книга тебе подойдёт, возьми и почитай».

Дядя Ван принес ещё одну маленькую скамейку и поставил её у двери — он хотел, чтобы Чу Шаоин читал вместе с ним, чтобы тот мог спросить у него, если что-то не поймёт.

Чу Шаоин взял книгу в руки и погрузился в чтение с таким увлечением, что его жажда знаний была настолько сильна, что он забыл о голоде и жажде, погрузившись в строки текста так глубоко, что уже не мог оторваться.

Каждый раз, когда он сталкивался с незнакомым иероглифом, он спрашивал дядю Ван Эр. Дядя Ван Эр не говорил ему сразу, как читается этот иероглиф и что он означает. Он учил его искать в словаре и выбирать из нескольких значений того, которое подходит к контексту.

Честно говоря, Чу Шаоин не всё понимал, но ему нравилось всё это. Чем меньше он понимал, тем сильнее рос его интерес к книгам. Именно непонимание пробуждало интерес — если бы он всё понимал, в чём тогда был бы смысл?

Дядя Ван давно разгадал психологию Чу Шаоин. Он улыбнулся: редко встретишь человека, настолько увлечённого книгами, тем более что это всего лишь второклассник. Судя по его интересу к книгам, в будущем он обязательно станет великим учёным.

«У древних есть поговорка: „Люби чтение, не стремясь к глубокому пониманию“, — не задумываясь, сказал дядя Ван.

«Что это значит?»

«Это значит, что, читая книги, не обязательно во всем разбираться до конца; иногда и поверхностное понимание — это уже хорошо».

Чу Шаоин посмотрел на пасущихся вдали коров и овец, которых хлестали кнутом. Ему вдруг вспомнилось, как вчера отец отшлёпал его ремнем, и он даже почувствовал сочувствие к этим животным. Но коров и овец, казалось, не беспокоила боль — они по-прежнему неторопливо паслись.

Чу Шаоин вздохнул: «Дядя Ван Эр, посмотри на тех коров и овец — они неторопливо пасутся, без забот и беспокойств, как же им хорошо».

Увидев эту сцену, дядя Ван Эр тоже вздохнул; в его глазах появилось отрешённое выражение, словно он вспоминал прошлые события, и его лицо приняло странный вид.

Будучи животным, можно жить беззаботно. Но будучи человеком, приходится проходить через испытания жизни, сталкиваться с самыми разными трудностями.

Дядя Ван посмотрел на небо: позавчера оно было затянуто тучами, а сегодня — безоблачно. Будет ли дождь или солнце — даже само небо не может выбрать, какой жизнью ему жить, не говоря уже о человеке.

Внезапно несколько деревенских детей под руководством взрослых прошли мимо, легкой походкой и с радостными улыбками на лицах. Чу Шаоин вдруг вспомнил, как Дэн Шэн и другие говорили: «У дяди Ван Эр нет собственных детей, и он с тоской смотрит на них».

Чу Шаоин не знал, стоит ли спрашивать. Если спросить, не подумает ли дядя Ван, что она над ним смеется? Если не спросить, то в душе будет не по себе, и она не сможет успокоиться. Поборовшись с собой некоторое время, Чу Шаоин решил всё-таки спросить.

«Дядя Ван Эр, почему ты не найдешь себе пару, чтобы у тебя была такая же семья, как у всех?» Глаза Чу Шаоин были чисты, как родниковая вода, прозрачные и полные детской невинности.

Дядя Ван посмотрел на него, явно удивлённый: как такой простодушный ребёнок мог задать вопрос, который обычно задают взрослые?

Дядя Ван улыбнулся: «Потому что я ищу настоящую любовь. К сожалению, я её не нашёл, поэтому мне придётся оставаться холостяком до конца жизни».

«Настоящей любви нет?» Чу Шаоин ещё не понимал, что такое любовь, но ему всегда казалось, что о ней часто говорят в телевизоре и рассказывают взрослые — о том, что любовь вечна, как море и камни, и что две души остаются верными друг другу до конца дней. Как же её может не быть?

Дядя Ван Эр пристально посмотрел на него, а затем с ноткой жизненной мудрости в голосе сказал: «Я не отрицаю, что в этом мире существует настоящая любовь, но в этом обществе, где царит материализм, настоящая любовь и настоящие деньги неразрывно связаны. Даже самая настоящая любовь вынуждена иметь дело с повседневными заботами; без настоящих денег даже самая настоящая любовь, естественно, исчезнет без следа. Посмотри на этот мир: настоящая любовь — это настоящая редкость. Большинство людей просто живут вместе, копируя чужие эмоциональные переживания, вступают в брак, рожают детей, чтобы отчитаться перед своими предками и не дать повода людям сказать: «Тебя никто не хочет», или не быть обвиненными в неблагочестии. Брак у большинства людей — это лишь видимость: снаружи он блестит, как золото, а внутри — полная пустота».

«О-о», — Чу Шаоин опустила голову; слова дяди Вань Эра были для неё сложнее, чем задача, выходящая за рамки учебной программы.

«Ладно, ты наверное проголодался», — медленно произнес дядя Ван.

«Можно у тебя одолжить книгу?» — дрожащим голосом спросил Чу Шаоин, ведь он почти ни у кого ничего не одалживал, да и папа говорил, что одолжить у кого-то деньги — это так же сложно, как отнять у человека жизнь. Книги так важны для дяди Вана, одолжит ли он мне одну?

«Зайди и выбери себе одну», — медленно сказал дядя Ван.

Чу Шаоин бегло пролистал книги и увидел «Грозовой перевал». Это название звучало таинственно и очень заинтересовало Чу Шаоина.

Хорошо, вот эту.

Чу Шаоин прижал книгу к груди, как будто это была императорская печать, — осторожно, боясь потерять её.

Перед тем как выйти, дядя Ван напутствовал: «Лучше не говори об этой книге своему отцу. Такие люди, как он, очень негативно относятся к подобным вещам».

«О-о».

Вернувшись во двор своего дома, Чу Шаоин спрятал книгу в стопку дров — он очень боялся, что её обнаружат, ведь тогда его книге, скорее всего, пришёл бы конец.

Чу Шаоин вошёл в внутреннюю комнату и услышал, как мама ругалась: «Ты, чертов вор, каждый день крадёшь у меня деньги, чтобы покупать сигареты».

Чу Шаоин знал, что деньги у мамы крал именно он, но в подсознании мамы это наверняка был папа, который взял их на сигареты.

«Всего же несколько юаней, зачем так кричать? В этой семье все дела, большие и малые, — это же я на себе держу. Без меня этой семьи давно бы уже не было. За то, что я взял у тебя несколько юаней, ты ещё и смеешь открывать рот», — ответил отец.

К счастью, мама не догадалась, что деньги взял он сам, и это значительно успокоило Чу Шаоин. А отец… он на себя взял всю вину.

В то же время в глубине души Чу Шаоин чувствовал себя неблагодарной дочерью: она не только не признала свою ошибку, но и спровоцировала внутреннюю ссору в семье. Она была просто отвратительна.

Мама приготовила ужин, но никого не позвала, а сама, взяв миску, села есть в одиночестве. Папа пошёл в туалет. Чу Шаоин, воспользовавшись моментом, достал книгу из стога дров и незаметно унес её в спальню.

Чу Шаоин действительно проголодался, он взял миску, наложил себе немного еды и стал есть в одиночестве. Независимо от того, вкусно ли было блюдо или нет, разве семья не должна собираться за одним столом и с удовольствием наслаждаться едой? Но его семья была далека от такой атмосферы на целые десять тысяч восемьсот ли.

Дом для Чу Шаоин был всего лишь зданием — ветхим, готовым развалиться в любой момент. Чу Шаоин даже не знал, какая таинственная сила удерживала это здание от обрушения, и позволяла ему по-прежнему стойко возвышаться над миром.

Увидев, что папа вернулся, Чу Шаоин всё же проявила желание заискивать перед ним: «Папа, будешь обедать?»

«Поем!» — лаконично ответил отец одним словом.

«Тогда я тебе наложу», — Чу Шаоин отставил свою миску, достал из шкафа чистую миску и пару палочек, наложил полную миску еды и почтительно подал её отцу.

Папа улыбнулся ей и приступил к еде.

Эта улыбка для Чу Шаоин была дороже золота и серебра — возможно, это и есть тот самый вкус отцовской любви, о котором ходят легенды.

Если бы любовь была качелями, то в семье Чу Шаоин, с его точки зрения, сторона материнской любви была бы пустой и высоко поднятой. А отцовская любовь, хотя и не была особенно тяжелой, из-за того, что сторона материнской любви была пустой, с лёгкостью занимала верхнюю позицию, твёрдо стоя на земле.

В доме Чу Шаоин еда была не особо хорошей, но он уже привык к этому и обладал отличным аппетитом: даже простое блюдо могло принести ему удовлетворение.

Пообедав, Чу Шаоин запер дверь спальни и принялся читать свою заветную книгу «Грозовой перевал». Сначала он думал, что это книга об архитектуре, но, прочитав некоторое время, обнаружил, что название книги — всего лишь оболочка, а внутри скрывается история мести одного человека. Книга была наполнена ненавистью, интригами и тёмной стороной человеческой натуры. Он был глубоко потрясён, но в то же время считал, что это всё-таки сюжет книги, а в реальной жизни не бывает таких коварных людей, как в ней.

Прочитав довольно долго, отец, увидев, что Чу Шаоин так и не выходит из спальни, постучал в дверь: «Шаоин, чем ты занимаешься?»

Чу Шаоин в панике закрыл книгу, сунул её в ящик стола и ответил из-за двери: «Делаю домашнюю работу, на выходные учитель задал немного много».

Чу Шаоин знал, что отец всегда уважает учителей, да и его собственное уважение к учителям во многом было сформировано благодаря примеру отца. Поэтому ссылка на учителя в ответ отцу была более эффективным способом заставить его замолчать, чем любые деликатесы.

Чу Шаоин думал, что отец будет стучать в дверь, чтобы он открыл. Но вместо этого она услышала шаги, которые становились всё дальше и тише — отец, оказывается, ушёл, не обратив на неё никакого внимания.

Чу Шаоин снова начал читать, и вскоре день был поглощён гигантским чудовищем по имени «ночь»; в мгновение ока всё под небом постепенно стало туманным и расплывчатым, то появляясь, то исчезая.

Прочитав книгу в течение полудня, Чу Шаоин почувствовал радость от полученных знаний. Он открыл свои живые глаза, поднял взгляд к небу — казалось, что все звёзды на небе приветствуют его и улыбаются ему. Если у тебя хорошее настроение, всё вокруг будет относиться к тебе с добротой. А если настроение плохое, даже самые прекрасные вещи станут для тебя лишь фоном.

В маленькой деревушке Голинь многие считали, что дядя Ван Эр — бездельник, который целыми днями ничего не делает, а только любит читать всякие странные книги. И Чу Шаоин, увлечённый чтением, естественно, тоже попадал под эту же наклейку. Но и Чу Шаоин, и дядя Ван Эр понимали: это вовсе не безделье. Вот те крестьяне, которые, как только у них появля-

ется свободное время, играют в маджонг и карты — вот это и есть безделье. Развлечения — вот что такое настоящее безделье.

Ночью Чу Шаоин не мог заснуть — его голова была полна сюжетов из романа. Ему так нравились эти слова! Он гадал, как будет развиваться история дальше, и смутно догадывался, что это, скорее всего, трагедия. Не выдержав, он включил свет, перелистнул книгу до последней главы и решил узнать, чем закончится история. Прочитав финал, он был потрясён: человек, жаждущий мести, может пойти на такие средства, не выбирая средств.

Это был первый роман, который прочитал Чу Шаоин, и впервые книга так тронула его. Он почувствовал, что его душа прошла через очищение, а дух возвысился; он заглянул в жизнь других людей. Внезапно он вспомнил слова дяди Ван Эр: «Читать книги — значит за кратчайшее время насладиться чужой жизнью». Да, это верно: в книгах описывается чужая жизнь, а чтобы прочитать о ней, нужно всего несколько дней. Что может быть выгоднее?

Эта книга открыла для Шаоин на жизненном пути ещё один путь. Хотя этот путь очень узкий, и неизвестно, куда он ведёт и ровен ли он, но на нём есть те пейзажи, которые он хочет увидеть. Даже если в конце концов это окажется тупик, но ради пейзажей по пути он с радостью согласится на это.

Эта книга открыла ему двери к знаниям, обогатила его духовный мир, и даже если реальность была какой бы бедной и скромной ни была, в душе он был счастлив.

Чу Шаоин снова выключил свет и заставил себя заснуть, но сон — это такая штука: чем больше ты его принуждаешь, тем больше он сопротивляется. Чу Шаоин чувствовал, будто в его голове есть дамба, к которой стекается бесчисленное количество воды, поднимаясь всё выше и выше, а давление становится всё сильнее. Но эта вода никак не могла прорвать дамбу, словно это были двери, которые невозможно открыть, а сила удара, с которой она обрушивалась на его голову, не давала Чу Шаоину уснуть.

Чу Шаоин думал о завтрашних уроках; он был полон надежд на завтрашний день: он будет усваивать новые знания, открывать для себя новые способы обучения, решать все больше сложных задач — и всё это было овеяно ореолом тайны. Эта таинственность напоминала вопрос о том, живут ли в далёких горах боги.

Погрузившись в раздумья, Чу Шаоин перевернулся на живот и, находясь в полусонном состоянии, неожиданно заснул. Чу Шаоин увидел сон: в нём он чувствовал, что обладает сознанием, которое могло определять ход небольшой части сна, но большая часть сновидения протекала совершенно непредсказуемо и без всякой логики.

На следующий день Чу Шаоин проснулся рано утром. Мама сварила кастрюлю лапши, без каких-либо гарниров. Мама с удовольствием ела, и Чу Шаоин тоже наложил себе миску лапши. Хотя бульон был жидким, без соли и без вкуса, Чу Шаоин уже привык к этому — его жизнь и так была такой же пресной и безвкусной. Он никогда не пробовал ни рыбы, ни мяса, ни деликатесов с гор и моря, и не знал, что может быть вкуснее пресной лапши, поэтому с удовлетворением наложил себе миску и проглотил лапшу целиком.

Насытившись и придя в себя, Чу Шаоин взвалил рюкзак на плечи и в одиночку направился в школу. Прямые тополя по обеим сторонам дороги словно поднятые руки, сильные и мощные. Вдали, на песчаном островке, камыши с неистовой силой украшали его, делая его пышным и зелёным, словно он надел чистую зелёную одежду.

Небо было безоблачным, солнечный свет, падая на воду, преломлялся, создавая радужные блики — прозрачные, сверкающие и пестрые.

Неспешно добравшись до школы, Чу Шаоин увидел, что одноклассник, у которого были ключи, ещё не пришёл. Он стоял у стены и наблюдал, как одноклассники группами играют. Взглянув в сторону класса Лю Яньрань, он внезапно заметил саму Лю Яньрань. Его и без того пустое сердце от этого взгляда стало ещё более бездонно пустым.

Если бы в этом мире нашёлся человек, который по-настоящему понимал Чу Шаоин, то он обнаружил бы, что характер Чу Шаоина очень похож на женский, что и обусловливает его мягкий и нерешительный стиль поведения: он не смеет ненавидеть тех, кого следовало бы ненавидеть, а тех, кого следовало бы любить, любит неискренне и не до конца.

Если присмотреться к Чу Шаоин, то можно заметить, что характер и судьба — эти две вещи, казалось бы, не имеющие ничего общего, на самом деле в тайне судьбы тесно связаны.

Вы, возможно, скажете: «Чу Шаоин добр, и добро вознаграждается». Но доброта Чу Шаоина переходит все границы, а чрезмерная доброта равносильна глупости.

Солнечный свет, пробивающийся издалека, ласково целует его лицо — мягко, нежно, очень приятно, словно губка.

Внезапно мимо него прошли несколько девушек, и Чу Шаоин по непонятной причине почувствовал приступ напряжения — это не было ни влюблённостью, ни тайной симпатией, а скорее следствием влияния семьи. В эмоциональном мире Чу Шаоина только образ отца был реальным, а образ матери оставался чистым листом. Поэтому каждая девушка казалась ему загадочной, и чем красивее она была, тем загадочнее.

Чу Шаоин повернул голову в сторону, делая вид, что не смотрит на них, но краем глаза невольно следил за ними. Только когда девушки отошли достаточно далеко, он снова выпрямил голову и вздохнул с облегчением — как будто наконец-то выпустил мочу, которую долго сдерживал: легко и комфортно.

Чу Шаоин окинул взглядом спортивную площадку: ученики, словно стадо свободно пасущихся овец, выглядели очень беззаботными и расслабленными.

Чу Шаоин нашел ступеньку, сел, открыл старый рюкзак, достал учебник по математике и приступил к подготовке к уроку. Он был очень умным: большую часть материала, который учитель ещё не прошел, он уже выучил.

Солнечный свет падал на его хрупкое тело, окружающие звуки словно исчезли, а люди на спортивной площадке стали призраками — во всём мире только он один существовал по-настоящему.

Муравей заполз ему на руку и слегка укусил; он почувствовал тонкий, едва уловимый боль, словно песок, подувший ему в лицо. Чу Шаоин сначала очень рассердился, но у него от природы было милосердное сердце: если бы он раздавил муравья ладонью, тому наверняка было бы очень больно. Он представил себе, как бы ему самому было тяжело, если бы та боль, которую испытывает раздавленный муравей, пришлась на его долю. Поэтому Чу Шаоин дунул на муравья и сдул его на землю.

Доброта — это не то, что ты что-то даришь другим. Это то, что, сталкиваясь с слабыми существами, даже с мухами и комарами, ты испытываешь к ним сострадание — вот что такое настоящая доброта.

На всей спортивной площадке все играли, только Чу Шаоин один сидел с книгой в руках, впитывая знания из неё. На самом деле, в некотором смысле, Чу Шаоин не то чтобы не хотел, как они, беззаботно играть, просто обстоятельства ему этого не позволяли. На ногах у него были потрепанные тканевые туфли, носки, изношенные до состояния детских подгузников и источающие мутный зловоние, а его брюки рвались в шаге, стоит только сделать шаг чуть шире. К тому же он не носил нижнего белья — это ставило бы его в неловкое положение и лишало бы его достоинства. Ему приходилось заставлять себя играть самому с собой, становясь своим собственным духовным товарищем по играм, прикрываясь книгами, чтобы скрыть свою наготу и найти оправдание своей бедности.

Глядя на своих одноклассников, одетых аккуратно и нарядно, Чу Шаоин испытывал чувство зависти, невольно бросая на них несколько дополнительных взглядов, а потом думал про себя: «Как было бы хорошо, если бы я тоже мог носить такую одежду, как у них».

Вскоре пришёл ученик с ключом, открыл замок на двери класса, и одноклассники начали постепенно входить в класс. Прежде пустой класс сразу же наполнился оживлённым гомоном.

Все сдавали домашнее задание старостам групп, и Чу Шаоин тоже с чистой совестью и полной уверенностью сдал свою работу. Когда все собрались в классе, староста по китайскому языку предложил всем прочитать вслух старинные стихи. Чу Шаоин испытывал к стихам какую-то неописуемую любовь — они были для него как любимая игрушка, любовь, укоренившаяся в глубине его души: он любил их в детстве и обязательно будет любить, когда вырастет, и как бы ни играл с ними, ему никогда не надоест. Чу Шаоин думал: «Как было бы хорошо, если бы я когда-нибудь смог написать такое стихотворение!» Но это были лишь мечты: он даже тех нескольких простых стихотворений из второго класса до конца не понял, так как же ему удастся сочинить что-то достойное?

Утренний ветерок, неся с собой лёгкое тепло солнечных лучей, врывался в класс через окно — ни холодно, ни жарко, словно шедевр самой природы, заботящийся об этой группе детей и дарящий им самую подходящую и приятную температуру на свете.

Сначала чтение звучало очень слаженно, но по мере чтения ритм сбился, и оно превратилось в дуэт: одни читали слишком быстро, другие — слишком медленно, и только Чу Шаоин, стремясь сгладить «классовые противоречия» между этими двумя группами, вклинился между ними. К сожалению, его одиночных усилий было слишком мало, и его голос давно был разорван на куски этим дуэтом, так что от него не осталось и следа.

«Стоп, стоп!» — голос старосты по китайскому языку звучал как громкоговоритель, обладая силой львиного рыка из телевизора.

Но этот дуэт ещё некоторое время продолжался, не желая подчиняться командам старосты. Только когда староста снова зарычал, те, кто читал очень быстро, постепенно понизили голос. Увидев, что быстрочитающие понизили голос, те, кто читал очень медленно, тоже стали читать тише.

Эта сцена напоминала цепь пуков: сначала шум был просто бурным, с непрерывными взлетами и спадами, но затем звуки и движения становились всё тише и тише, пока не исчезли совсем, оставив в конце концов ощущение, будто отголосок всё ещё витает в воздухе.

Когда все перестали читать, староста по литературе взял на себя инициативу и попросил всех читать более синхронно. Но класс по-прежнему не мог собраться: те, кто читал быстро, продолжали читать быстро, а те, кто читал медленно, — по-прежнему медленно. Эта картина была ещё более хаотичной, чем предыдущая, и превратилась в многоголосие.

Увидев это, староста по литературе повысил голос, и его голос в одиночку оказался таким же громким, как голоса всех одноклассников вместе взятых. Он хотел, чтобы одноклассники читали в его ритме, более синхронно, и это действительно сработало: под руководством старосты по литературе голоса всех действительно стали гораздо более синхронными и постепенно слились в один.

Прочитали примерно десять минут, как раздался звонок на урок. Первый урок был по китайскому языку. Одежда учительницы китайского, как и она сама, была официальной и сдержанной. Войдя в класс, она не спешила приступать к уроку, а спустилась с кафедры и поочередно погладила учеников по волосам. Ей достаточно было лишь потереть ладонью волосы ученика, чтобы понять, у кого волосы немытые, а у кого — вымытые. Ей достаточно было лишь понюхать запах от ученика, чтобы понять, кто принял душ, а кто — нет.

Учительница китайского языка начала проверку с последнего ряда, а Чу Шаоин сидел в первом ряду, так что к моменту, когда до него дошла очередь, проверка, возможно, уже подходила к концу. Учительница проверяла учеников одного за другим. Чу Шаоин выполнил только половину задания, которое она задала, и в душе у него зародилось легкое чувство вины. Как описать его настроение в этот момент? Оно было похоже на то, будто его разделили на две части: одна половина была настолько голодна, что готова была есть даже траву — это было

чувство вины за то, что он не помылся; а другая половина была настолько сыта, что живот казался беременным, наполненным до предела, настолько переполненным, что ни одного рисового зерна не могло бы в него поместиться — это была уверенность в себе от того, что он помыл голову. А то, что Чу Шаоин испытывал в этот момент, было похоже на состояние, возникающее, когда эти две половины насильно соединяются воедино.

Чу Шаоин сидел, выпрямив спину, и насторожив уши, прислушивался к шагам учительницы. Ее шаги были ни быстрыми, ни медленными; она не обнаружила ни одного ученика, не выполнившего ее дополнительное задание.

Сердца детей чисты, и все они хотят хорошо себя проявить, чтобы произвести хорошее впечатление на одноклассников. Поэтому обвинение в нечистоплотности для детей тяжелее, чем казнь через распятие.

По шагам учительницы Чу Шаоин судил, что ещё пять человек — и дойдёт очередь до него. Но после того как учительница проверила ещё двоих, она обнаружила, что одна девочка не мыла голову и не принимала душ. Эту девочку звали Сяо Ибай. Хотя она обычно не носила роскошных нарядов, всегда была опрятно одета и вела себя очень прилично. Как же так получилось, что она не помыла голову и не приняла душ?

«Убирайся отсюда!» — приказала учительница китайского языка властным тоном, и весь класс услышал её громкий голос.

Сяо Ибай почувствовала себя ужасно униженной, опустила голову, не имея смелости смотреть в глаза окружающим; в её глазах блестели слёзы, и она провела рукой по глазам, видимо, вытирая их.

Сяо Ибай вышла из класса и, присев в углу, тихо плакала, и плакала она так горько.

Вскоре учительница китайского подошла к Чу Шаоин, сначала погладила её по волосам пальцами, а затем понюхала воздух рядом с ней. Возможно, у учительницы просто устал нос от постоянных запахов, но она, судя по всему, решила, что Чу Шаоин уже приняла душ и помыла голову, и, шагая дальше, отправилась проверять других учеников.

Увидев это, Чу Шаоин почувствовал, что его сердце, висевшее на волоске, наконец-то успокоилось. Но это ощущение уверенности продлилось не более тридцати секунд: учительница китайского языка снова вернулась к Чу Шаоину и еще раз понюхала воздух: «Чу Шаоин, ты что, не принимал душ?»

Чу Шаоин был от природы честным, и, услышав эти слова, все клетки его тела, отвечающие за ложь, разбежались в разные стороны. Чу Шаоин прикусил губу языком, опустил голову очень низко, а вся его храбрость, словно моча, была полностью вытеснена из тела.

Чу Шаоин решил промолчать — он считал, что это его лучший козырь.

Но во многих случаях отсутствие ответа — лучший ответ.

Учитель с первого взгляда определил, что Чу Шаоин не принимал душ.

«Убирайся отсюда!» — так прокричал учитель китайского языка в адрес Чу Шаоин.

Чу Шаоин почувствовал, как дрожат его руки, а лицо обжигает, словно его обжигает палящее солнце. Его живот был наполнен водой — горячей водой, и испаряющийся пар растягивал его, как резиновый мяч; стоило бы учителю добавить еще чуть-чуть унижения, и его живот, скорее всего, взорвался бы. В его голове словно была бездонная бездна, и он находился в этой бездне, бесконечно падая, падая, падая до самых краев земли, падая в бесконечность.

Когда Чу Шаоин встал, всё неприятное ощущение сосредоточилось в ногах: они не слушались его, словно сито, дрожали, дрожали, дрожали, а тело полностью отказалось подчиняться. Он хотел натянуть на лицо хотя бы тень улыбки, чтобы показать, что ему всё равно, но мышцы лица совершенно не слушались его: чем больше он пытался улыбаться, тем печальнее и унылее выглядел.

Чу Шаоин, сдерживая слёзы, вышел из класса и увидел в углу Сяо Ибай. Они посмотрели друг на друга сквозь слёзы — оба оказались в одинаковом бедственном положении.

Чу Шаоин сжал веки, выдавливая слёзы — он не мог плакать, ведь настоящий мужчина не проливает слёзы зря, тем более перед девушками.

Чу Шаоин и Сяо Ибай не были особенно близки. По воспоминаниям Чу Шаоина, Сяо Ибай, как и он сам, отлично училась, но редко высказывалась и в классе оставалась незаметной личностью. Однако Сяо Ибай превосходила его тем, что была всегда чистой и опрятной: хотя её туфли и были куплены на уличной лотке, они выглядели солидно и просто, что часто создавало впечатление, будто эта девушка получила хорошее семейное воспитание.

Они обменялись взглядами, и на лице Чу Шаоин появился легкий румянец. Как раз когда они собирались что-то сказать, из класса вылетели два предмета. Приглядевшись, они увидели, что это их рюкзаки, вылетевшие через входную дверь. Рюкзаки описали в воздухе две дуги, а затем с грохотом упали на пол, и книги из них разлетелись по всему полу.

Чу Шаоин с болью в сердце смотрел на разбросанные книги. Он осторожно сложил их обратно в рюкзак, отряхнул с него пыль и надел рюкзак на спину. В этот момент в его голове было только одно — пойти домой и принять душ.

Чу Шаоин медленно шёл домой по гравийной дорожке, а за ним следовал Сяо Ибай. Чу Шаоин был замкнутым человеком и не любил лишних слов.

Сяо Ибай первым заговорила: «Ты не принимал душ?»

«А ты тоже не принимала душ?» По воспоминаниям Чу Шаоин, такое, чтобы не принять душ, с Сяо Ибай просто не могло случиться. К тому же, с мирской точки зрения, если девушка и парень совершают одну и ту же ошибку, девушке приходится гораздо больше стыдиться, чем парню. Поэтому встречный вопрос Чу Шаоина оказался гораздо более сильным ударом, чем вопрос Сяо Ибай.

Услышав это, Сяо Ибай снова разрыдалась; её глаза были словно два источника, из которых не иссякали слёзы. Чу Шаоин смягчился, подумав, что задел чужую болячку, и поспешил утешить: «Сяо, я просто так спросил, не грусти, я действительно не хотел над тобой смеяться».

Сяо Ибай присела на корточки, словно беспомощный котенок: «В прошлую субботу умерла моя мама». Говоря это, слёзы Сяо Ибай снова посыпались ручьём.

Сяо Ибай немного порыдала, а потом добавила: «По обычаям нашего родного края, пока умер близкий человек, нельзя принимать душ».

Чу Шаоин наконец понял, почему она не приняла душ: она плакала и проливала слёзы не только из-за наказания за то, что не помылась, но и из-за смерти близкого человека.

«О-о». Чу Шаоин не понимал материнской любви, естественно, он не мог осознать, насколько больно терять мать; он просто молча смотрел на Сяо Ибай, произнося слова утешения, не зная, верны они или нет.

«Хм, зачем я вообще тебе всё это говорю? Ты же мне ничем не связан. Предупреждаю: то, что я сказала, ты должен держать в секрете, иначе… хм-хм, я заставлю тебя…» Сяо Ибай запнулась, сама не понимая, почему её настроение так резко изменилось.

Чу Шаоин тут же подумал, что эта девушка меняет выражение лица быстрее, чем актёры сычуаньского оперного театра. Чу Шаоин приподнял бровь: «Это ты сама сказала, я тебя ведь не заставлял». Девушки — действительно самые непостижимые существа на свете.

Чу Шаоин застыл на месте, не зная, что делать дальше: утешить — но она не обязательно это оценит; язвить — но он не хотел добивать ее.

Поколебавшись некоторое время, Чу Шаоин решил уйти. Он встал, ничего не сказав, и направился к деревушке в фруктовом саду.

По дороге подул ветер, подняв облако пыли, похожее на туман в пасмурный день, которое никак не удавалось развеять.

По дороге Чу Шаоин оглянулся в сторону деревушки Голин. Ему хотелось узнать, дома ли родители. Если их не будет, всё будет в порядке. Если же они дома, то, вернувшись в таком виде, он наверняка столкнётся с вопросами и пристальными расспросами о том, почему он

вернулся с рюкзаком на спине в то время, когда должен был быть на уроках. Неужели он не сделал домашнее задание и его выгнали из школы?

Чу Шаоин колебался: вернуться ли ему сейчас, или подождать, пока все одноклассники закончат уроки. Если вернуться сейчас и успеть принять душ, то он не пропустит слишком много уроков. Если же вернуться после уроков, то он неизбежно пропустит материал, который учитель объяснит сегодня.

Чу Шаоин ходил туда-сюда по земле, покрытой пылью. На том участке были одни только следы Чу Шаоина — густые следы, которые почти утрамбовали пыль в плотную, твёрдую поверхность.

Чу Шаоин выдохнул глоток мутного воздуха, вдохнул глоток свежего, снова выдохнул, снова вдохнул — он повторял это движение много раз, пытаясь избавиться от тоски в душе.

Жаль было его пару тканевых туфель: и без того грязные, они после этой прогулки стали ещё грязнее. Часть пыли даже проникла через швы внутрь туфель, и его и без того липкие и вонючие ноги стали ещё более жирными, словно их обмазали жидкой грязью — это доставляло невыносимый дискомфорт.

Так, бродя туда-сюда, душевное беспокойство превратилось в гнев, и непонятный гнев охватил всё его тело. Ему так хотелось взорвать мир бомбой, разнести его в щепки, чтобы ничего не осталось — ни родителей, ни учителей, ни всего этого негатива. Как было бы хорошо!

Но чем больше он так думал, тем сильнее становилось его беспокойство — словно его поставили на печь, где он жарился, из него шипел жир, а кожа подгорала, а плоть разлагалась. Чу Шаоин сначала сжал левую руку в кулак, а правую сложил ладонью, и начал стучать левым кулаком по правой ладони. Затем сжал правую руку в кулак, а левую раскрыл ладонью и ударил правым кулаком по левой ладони. Незаметно для себя он почувствовал, как на лбу и по всему телу выступили капли пота — словно сок из фруктов попал на кожу, липкий и неприятный, вызывающий сильнейшее беспокойство. Даже муравей на раскаленной сковороде не испытывал бы такого беспокойства.

Что делать, что делать? Он наломал дров перед родителями, опозорился, и об этом знали всего два-три человека. А вот в школе об этом, возможно, знали многие. Чу Шаоин взвесил все «за» и «против» возвращения домой и, в конце концов, решился: «Ну и ладно, пусть будет, что будет». Итак, он принял решение: пойдёт домой и примет душ. Лучше пусть родители его отшлепают, чем опозориться перед одноклассниками.

Чу Шаоин, словно вор, добрался до деревни и поспешил домой. Увидев, что входная дверь на замке, он понял, что дома никого нет. Чу Шаоин зря испугался, и на смену пустоте в душе пришло ощущение надежной безопасности. Принять душ — вредно для здоровья, а получить выговор от учителя — больно для сердца. Выбирая между физической болью и душевной болью, Чу Шаоин выбрал физическую боль — в конце концов, нет ничего хуже душевной боли. Все мысли свелись к одному порыву — принять душ.

Чу Шаоин снял ключи, висевшие у него на шее, открыл дверь, принес большую пластиковую миску, а затем зашел в заднюю комнату и поднял чайник. Если в чайнике будет горячая вода, ему не придется снова кипятить воду. Если в чайнике не будет горячей воды, ему придется закипятить новый чайник. К счастью, небеса проявили милость к бедному Шаоин: чайник был полон горячей воды, что очень обрадовало Чу Шаоина. Он вылил горячую воду в пластиковую ванночку, добавил немного холодной, проверил температуру рукой, а затем снял рубашку и брюки и съежился в ванночке.

Чу Шаоин попробовал облить себя водой — боль была словно от прикосновения раскалённого железа. Хотя состояние было чуть лучше, чем вчера, это всё равно было невыносимо для обычного человека. Чу Шаоин невольно застонал, словно вновь переживая отцовское избиение.

Чу Шаоин не злился на отца. Он знал, что сам был неправ. Если сын совершает ошибку, а родители не вмешиваются, то это все равно что разводить свиней и овец. Родительский контроль — вот что является проявлением ответственности. В их семье жестокие побои отца были именно проявлением его ответственности: он заботился о нём. Чем сильнее бил, тем больше он о нём заботился. А вот мать, которая ни о чём не спрашивала и ни во что не вмешивалась, — вот кто на самом деле не считал его важным.

За время принятия душа Чу Шаоин испытал всевозможные пронзительные боли, которые то наступали, то утихали, то снова наступали, и в итоге он онемел от них, словно пережив нирвану и возродившись заново.

Когда Чу Шаоин оделся, он даже немного соскучился по этому ощущению боли — хотя оно и было мучительным, в то же время оставляло послевкусие, словно отзвук, долго витающий в воздухе. Возможно, даже самый ужасный опыт, когда он становится воспоминанием, может превратиться в нечто прекрасное.

Чу Шаоин почувствовал, что выполнил важную миссию. Он посмотрел на солнце над головой: судя по его опыту, до конца уроков оставалось примерно один урок. Он задумался: «Стоит ли мне возвращаться в школу? Если я вернусь сейчас, то, войдя в класс, на меня наверняка будут смотреть многие, и это, несомненно, поставит меня в неловкое положение. А если я не пойду, то неизбежно пропущу урок, и это вызовет чувство опустошения в моей жажде знаний». Эх, Чу Шаоин коротко вдохнул, а затем долго выдохнул — он снова оказался в том же затруднительном положении, что и раньше, когда решал, возвращаться ли домой. Эх, действительно, как сказано в книге: трусливые люди легко попадают в безвыходную ситуацию.

А в это время родители уже скоро должны были вернуться с поля.

Поэтому Чу Шаоин принял решение: он пошёл с рюкзаком к мосту Тэму и стал ждать там. Как только ученики выйдут из класса и разойдутся по домам, он неспешно направится домой.

Чу Шаоин быстро добрался до моста Тэму и поднялся на небольшой холм. Он достал учебник и прочитал материал, который учитель собирался пройти сегодня. Он был очень сообразительным и вскоре усвоил восемь-девять десятых этого материала, что очень его обрадовало. Улыбаясь, он посмотрел на текущую воду и почувствовал, будто рыбки в ней приветствуют его; затем он снова улыбнулся, глядя на далекие горы, где деревья, казалось, отдавали ему честь. Все это стало фоном для него самого, идеально подчеркивая его образ.

Такую радость никто другой не может подарить. Лучшая радость в мире — это та, которую человек дарит себе сам. Даже если подарки от других будут самыми лучшими, они не всегда могут принести настоящую радость.

Увидев мутную воду реки, Чу Шаоин вдруг вспомнил о Лян Цзюньвэне, своём лучшем друге. «Не знаю, как ты сейчас, — подумал он. — Почему ты даже не попрощался, а просто так, ни слова не сказав, уехал из деревушки Голинь?»

Чу Шаоин почувствовал необъяснимую тоску, словно он застрял над очень сложной математической задачей: как бы он ни старался, ему не удавалось найти выход.

Если не можешь решить задачу, всегда можно обратиться к учителю за разъяснением. Но когда друг внезапно уходит, кому же ещё можно поведать о такой боли?

Его круг общения был очень узким — настолько узким, что с самого рождения и до сих пор в нём был только один человек: Лян Цзюньвэнь.

Чу Шаоин посмотрел на бездонное небо. Если бы белые облака знали о его страданиях, смогли бы они передать Лян Цзюньвэню весточку, что он немного скучает по нему?

Он прекрасно понимал, что в этом возрасте не место сентиментальности, но не мог сдержаться и продолжал думать о всякой чепухе.

Жизнь доказала, что у Чу Шаоин слух острее зрения: он ещё не успел увидеть, как одноклассники выходят из школы, как услышал звонок, обозначающий конец уроков. Услышав

звонок, Чу Шаоин взобрался на не слишком высокое дерево и, выглянув с ветки, убедился, что в школе действительно закончились уроки. Одноклассники, собравшись группами по троепятеро, не спеша направлялись домой.

Чу Шаоин спустился с дерева, взвалил на плечи рюкзак и неспешно направился домой. Время тянулось так же медленно, как и его шаги; ветер проносился мимо. Его шаги не могли догнать даже легкий ветерок.

Чу Шаоин оглянулся: Лю Сянь и остальные уже были в поле его зрения. Тогда он ускорил шаг и поспешил домой.

Когда он вернулся домой, дверь уже была открыта — это означало, что родители вернулись с поля. Чу Шаоин переступил порог двора, и отец посмотрел на него с удивлением: «Разве ты не ходишь домой без рюкзака в обед?»

Чу Шаоин на мгновение озадачился — не ожидал, что отец так внимателен к мелочам. К счастью, он соображал неплохо и тут же придумал оправдание: «Утром я забыл взять книги для уроков, которые будут днём, поэтому пришлось вернуться в обед, чтобы их забрать».

«А, понятно», — отец больше ничего не подозревал; в его представлении интеллект Чу Шаоинга, когда тот лгал, не превышал интеллекта двухлетнего малыша.

Только тогда Чу Шаоин успокоился: если бы отец узнал, что он не принял душ, — ведь это было задание учителя, — Чу Шаоин, скорее всего, снова получил бы пощечину, а это было бы просто ужасно.

После обеда Чу Шаоин вернулся в школу. Он уже принял душ, и это успокоило его, хотя за эту душ ему пришлось заплатить дорогую цену.

Вернувшись в школу, Чу Шаоин даже улыбался с уверенностью: он не был нечистоплотным, просто у него были другие причины — он просто внезапно забыл об этом.

Полуденный воздух был немного жарким, даже ветер, дувший с улицы, был тёплым и очень приятно обдувал лицо.

Несколько человек играли в «ловля камешков». Чу Шаоин подошёл к ним, и один из одноклассников спросил: «Чу Шаоин, ты тоже хочешь поиграть?»

Игра — это детская природа. Чу Шаоин кивнул. У него не было опыта в игре с камешками. Когда настала его очередь, он легко подбросил один камешек, а затем с силой схватил лежащий на земле камешек. Поскольку он приложил слишком много силы, кончики пальцев ударились о землю. Боль была такой, словно ему отрубили палец, а на рану нанесли спирт: она пронизывала до костей, и рука казалась ему чужой. Узнав на собственном опыте, что к чему, Чу Шаоин больше не осмеливался прикладывать слишком много силы, когда хватал камушки: его движения стали легкими и медленными. Но из-за этого подброшенные камушки падали на землю, а лежащие на земле он так и не успевал подхватить, в результате чего его попытка закончилась провалом. Когда настала его очередь снова, он извлек урок из предыдущего провала: он подбрасывал камешек, а затем с максимальной скоростью подбирал лежащий на земле, и наконец ему удалось поднять камешек с земли, не повредив при этом руку. Чу Шаоин испытал огромное чувство удовлетворения, и это заставило его понять, что в любом деле, если ты добиваешься успеха, это укрепляет твою уверенность в себе и дарит чувство удовлетворения. Постепенно Чу Шаоин стал играть наравне с этими мастерами по ловле камешков. Это принесло ему радость, укрепило уверенность в себе и подарило дружбу.

«Учитель идет», — прошептал один из одноклассников.

Чу Шаоин повернул голову — учительница китайского действительно подошла. Он поспешил смешаться с толпой, вошёл в класс, достал учебник по китайскому и стала повторять пиньинь и стихи династии Тан. Хотя эти слова и стихи она знала наизусть, Чу Шаоин всё же внимательно повторила их несколько раз — даже если это было лишь для вида, нужно было делать всё как положено.

Вскоре учительница китайского языка вошла в класс. Чу Шаоин уверенно бросил на неё несколько взглядов, надеясь получить от неё хоть каплю поддержки. Но Чу Шаоин был всего лишь одним из множества учеников — кто же обратил бы на него особое внимание? Чу Шаоин почувствовал необъяснимое разочарование: он так старался, но не получил никакого отклика. Эх, наверное, в глазах учительницы только такие дети, как Чжэн Сюй и Вэнь Тао, достойны внимания. А таких, как Чу Шаоин, даже если они и стараются изо всех сил, всё равно не замечают.

Чу Шаоин ждал очень долго и наконец дождался взгляда учителя: учительница китайского языка бегло бросила на него косой взгляд. Чу Шаоин тут же выпрямился, желая показать учительнице, что он хороший ученик и уже выполнил задание. Но через мгновение, когда Чу Шаоин снова посмотрел на учительницу, её взгляд уже давно не был устремлён на него. Чу Шаоин почувствовал одиночество, ему стало смешно над самим собой — учительнице он был совершенно безразличен, и его душевное наполнение, которое только что наступило, вновь сменилось пустотой. Как же больно, когда тебя игнорируют.

Чу Шаоин окинул взглядом весь класс и вдруг заметил, что Сяо Ибай не пришла. Неужели она ещё не приняла душ? Не должно быть, ведь она такая чистоплотная девушка.

После урока Чу Шаоин зашел в туалет. Поскольку у него не было ремня, его брюки были завязаны тонкой белой нитью. Чу Шаоину было очень стыдно, и, боясь, что кто-то заметит его неловкое положение, он стоял в углу у писсуара и мочился очень осторожно, опасаясь, что его интимные места увидят другие и он опозорится. Покончив с делом, Чу Шаоин, стоя лицом к стене, завязал нитку и на цыпочках вышел наружу.

Как только Чу Шаоин вышел на улицу, один из одноклассников схватил его за штанину и в мгновение ока стянул с него брюки. Поскольку на нём не было трусов, все присутствующие смогли без препятствий рассмотреть, что у него между ног.

Первой реакцией Чу Шаоин было чувство позора, затем — гнев, а в конце концов — желание ответить тем же. Поэтому он решил схватить этого парня и тоже стянуть с него штаны.

Чу Шаоин ускорил шаг и бросился за ним со всех ног. Но штаны Чу Шаоина — в частности, промежность — были зашиты им самим и не отличались прочностью: при каждом большом шаге разрыв в промежности становился всё больше. Он знал, что это очень постыдно, но в этот момент он хотел только одного — поймать того человека и отомстить, ведь в глазах Чу Шаоин это было страшным унижением: он скорее согласился бы, чтобы его избили до синяков на лице и носу, чем терпеть такое унижение. Это просто разбивало ему сердце. Чу Шаоин бежал в погоню, тихо плача. Он вытер слёзы рукой и ещё больше ускорил шаг — он должен был поймать этого злодея во что бы то ни стало. Он злился всё сильнее и бежал так быстро, что совсем не чувствовал усталости. Гнев в душе заставил этого трусливого мальчика вдруг проявить смелость.

К несчастью, на повороте у угла он столкнулся с чем-то твёрдым. Это было твёрдо, как железо, и он мгновенно упал на землю. Чу Шаоин почувствовал, как в голове загудело, перед глазами замигали звездочки. Сквозь затуманенное зрение он разглядел, что наткнулся на лоб девочки. Эта девочка, как и он, тоже упала на землю, обхватив голову руками, и непрерывно стонала.

Боль была словно взрыв бомбы в голове, от которой кружилась голова — сильнее, чем расчленение на части. Помимо боли, казалось, больше не осталось никаких других ощущений.

Судя по всему, девушке, возможно, было еще больнее. Стоит ли подойти к ней и утешить? Ведь он — настоящий мужчина, он должен признать свою ошибку перед учителем. Но он не знает эту девушку, и она, наверное, тоже его не знает. Если он сбежит, как она сможет его найти? Желание сбежать у Чу Шаоин поднималось, как маленький пузырь, медленно всплывающий со дна, и становилось все больше и больше. Он хотел уйти от ответственности, но это заставляло его чувствовать себя не мужчиной. При этой мысли сердце Чу Шаоин снова затре-

петало, словно висящее в воздухе вниз головой: не может взлететь вверх и не может упасть вниз — это было крайне мучительно.

Чу Шаоин поднялся с земли, погладил лоб и, чувствуя себя неловко, ушел. Он снова наделал беду и не осмеливался открыто играть на спортивной площадке. Он спрятался в классе, сжавшись, как еж, согнув спину, достал учебники и притворился, что учится. Ему казалось, что его грудная клетка превратилась в бездонную яму, а из горла выпал огромный камень, который, скользя по груди, стремительно падал вниз, и это падение продолжалось бесконечно, набирая всё большую скорость. У него в ушах словно зашумел ледяной ветер, а тело погрузилось в безграничный холод. Тот огромный камень падал и падал, падал и падал, пока не прозвенел звонок на урок, и наконец достиг дна, но это не принесло ему облегчения, а, напротив, погрузило в иное страдание. Этот огромный камень с силой ударил по глубине его души, и боль была такой, словно его плотское тело упало с высоты десяти тысяч метров на железный лист, оставаясь без единой целой части. А брызги воды, словно бесчисленные иголки, впивались в его кожу, причиняя мелкую, но плотную боль, настолько реальную, что он чувствовал её до мозга костей.

Не найдёт ли она его и не придёт ли к нему с претензиями? Если её найдут, все наверняка скажут, что он издевался над девочкой, и это будет ужасно постыдно.

На уроке он всё время был в оцепенении, слушал объяснения учителя, то ли понимая, то ли нет, и совершенно не был в себе. Спустя половину урока несчастье всё-таки настигло Чу Шаоин: та девочка в сопровождении своего учителя вошла в класс Чу Шаоина.

Увидев это, Чу Шаоин, и без того опустивший голову, теперь склонился ещё ниже — словно черепаха, спрятавшая голову в панцирь, — трусливо и подло.

Девочка огляделась по классу и наконец остановила взгляд на Чу Шаоин. Она подошла к нему и указала на него: «Учитель, это он».

В этот момент взгляды всех одноклассников сосредоточились на Чу Шаоин. Эти взгляды были словно острые шипы, пронзавшие его тело насквозь и вызывавшие мучительную боль во всех нервах.

«Убирайся отсюда!» — учительница китайского языка была в ярости до предела. По-видимому, она считала, что Чу Шаоин опозорил её. Как классный руководитель Чу Шаоина, она, естественно, должна была строго наказать его за такое поведение.

Чу Шаоин, опустив голову, с ногами, словно наполненными свинцом, медленно направился к выходу из класса. Гневный взгляд учительницы по китайскому языку был подобен ножу, пронзавшему его тело; безграничная боль заставляла его с каждым шагом тратить последние силы. В этот момент хрупкий Чу Шаоин мог бы сломаться даже под весом одного листочка.

Слёзы уже давно не поддавались контролю и с неистовой силой хлынули из глаз, но это были не только слёзы боли, но и слёзы человеческого достоинства и последней капли самоуважения.

Чу Шаоин, опустив голову, вышел из класса, и учительница той девочки отвела его в кабинет. Чу Шаоин думал, что учительница наверняка отругает его, и он уже был готов к этому. Но, увидев его жалкое состояние, учительница прониклась состраданием: «Судя по твоему одеянию, ты, похоже, не из богатой семьи. Если с той девочкой действительно что-то случится, сможешь ли ты за это заплатить?»

Чу Шаоин стоял как вкопанный, не произнося ни слова, только непрерывно проливая слёзы. Он был похож на робота, у которого кто-то нажал кнопку, отвечающую за слёзы. У этого маленького ребёнка не было ничего лишнего, но слёз у него было гораздо больше, чем у обычного человека.

Учитель оказался достаточно разумным человеком: посмотрев на Чу Шаоин несколько раз, он сказал: «В будущем будь осторожнее, пусть больше ничего подобного не повторяется».

Чу Шаоин непрерывно кивал головой. Он украдкой взглянул на других учителей и случайно заметил учителя математики. Это умножило страдания Чу Шаоина во много раз: учитель был для него авторитетом, и опозориться перед человеком, которого он уважает, означало, что это унижение будет бесконечно преувеличено.

«Ладно, иди на урок», — равнодушно сказал учитель.

Атмосфера здесь и без того была напряжённой и гнетущей, и Чу Шаоин с нетерпением ждал, когда же он сможет уйти. Услышав эти слова, он почувствовал себя так, как будто осуждённый преступник узнал, что его оправдали — эту радость просто невозможно описать словами.

Выйдя на улицу, Чу Шаоин почувствовал, как ветер обдул его лицо прохладным дуновением, и только тогда он осознал, что из-за сильного волнения на его лице выступил обильный пот.

Теперь Чу Шаоин должен был вернуться в свой класс. Вспомнив грозное лицо учителя китайского языка, он почувствовал слабость и страх, но дело с девочкой уже можно было считать закрытым — в худшем случае учитель отругает его, но физических наказаний ему не грозило.

Чу Шаоин набрался мужества, открыл дверь класса и крикнул: «Я пришел».

— «Куда тебя звали?» — спросила учительница китайского мягким голосом, но Чу Шаоин почувствовал, что она сначала вежливая, а потом уже строгая, поэтому он решил промолчать и пусть она сама догадывается.

Учительница китайского языка злобно посмотрела на него; судя по его решительному, но несколько глуповатому взгляду, от него, скорее всего, ничего не вытянешь.

«Залезай сюда!» — приказала учительница китайского, размахивая пальцем.

Услышав этот приказ, Чу Шаоин мог только опустить голову и, съежившись, войти в класс. Усевшись на место, Чу Шаоин был совершенно не в себе: в его голове словно поселилось несколько человек, которые что-то обсуждали — один говорил одно, другой — другое, и ни у кого не было единого мнения. Сердце Чу Шаоина было в полном беспорядке, в нем царила мрачная атмосфера и полная неразбериха. Те короткие десять с лишним минут Чу Шаоин пережил с таким трудом, как будто это был целый год. К счастью, спустя чуть больше десяти минут, когда прозвенел звонок на перемену и учитель китайского языка, похожий на грозного божества, вышел из класса, беспокойство в душе Чу Шаоина наконец-то улетучилось.

После урока одноклассники разбрелись по всей школе, а Чу Шаоин глубоко вздохнул. Ему казалось, что у одноклассников жизнь складывается лучше, чем у него: что бы они ни делали, у них всегда всё обходилось без проблем. А он сам постоянно оказывался на перепутье судьбы, и его ждали либо упреки, либо побои, либо унижения. Казалось, что в этом мире только он один не пользуется благосклонностью Бога.

В окно влетела пчела. Чу Шаоин был от природы труслив и очень боялся этого насекомого: оно могло ужалить своим острым жалом, и если его ужалить, боль начиналась с легкой и постепенно усиливалась, а затем длилась очень долго. Чу Шаоин осторожно прогнал пчелу книгой; она беспорядочно летала, несколько раз задевая Чу Шаоина, но, к счастью, ударялась только о одежду — если бы задела кожу, его, скорее всего, ужалила бы. Пчела оказалась достаточно разумной и вылетела через открытое окно. Чу Шаоин успокоился, почувствовав, что беда миновала, и у него возникло ощущение, будто он пережил катастрофу и возродился заново.

Чу Шаоин посмотрел в окно: солнце сияло ярко, как клубника, а одноклассники на спортивной площадке, казалось, весело играли. Урок ещё не начался, как вдруг на территорию школы подъехал микроавтобус и остановился у входа в учительскую. Вскоре из машины вышли несколько человек, они несли несколько ящиков и вошли в учительскую.

Глава 4

Вскоре эти люди вместе с учителем китайского языка вошли в класс и поставили ящики на кафедру.

«Ребята, сегодня мы раздадим вам школьную форму. Надев её, вы официально станете учениками нашей школы и будете представлять её везде, куда бы ни пошли, поэтому следите за своим внешним видом», — сказал тот, кто нес коробки.

Сразу после этого учитель и те люди раздали всем школьную форму. Чу Шаоин невольно взглянула на Сяо Ибай. Этот парень… Почему она отсутствовала в такой почетный момент? Скорее всего, из-за этого она не сможет официально стать ученицей нашей школы.

Учитель и те несколько человек помогли ученикам надеть школьную форму: «Ребята, школьная форма — это символ школы, берегите её и заботьтесь о ней».

Ученики, надев школьную форму, были очень рады: просторная форма, словно их лучшее украшение, дарила ощущение свежести, которое, казалось, никогда не поблекнет.

Чу Шаоин погладил школьную форму — она была гладкой, как стекло. Он принюхался — от неё исходил лёгкий аромат. Чу Шаоин почувствовал особую гордость, словно он получил сто баллов, и учитель специально вручил ему грамоту. В этот день он был очень взволнован. Ему казалось, что его настроение поднялось благодаря тому, что он был одет в школьную форму.

После уроков Чу Шаоин снял школьную форму, аккуратно сложил её и осторожно уложил в рюкзак, чтобы бережно сохранить — ведь это символ школы. Чу Шаоин любил школу, уважал её, и, конечно же, любил и уважал школьную форму.

Вернувшись домой, Чу Шаоин быстро закончил домашнюю работу и приготовился почитать. Но книга исчезла. Утром он явно засунул её в ящик стола, как же она могла пропасть? Может быть, папа её обнаружил? Он всегда с неприязнью относился к «бесполезным» книгам, и если эта книга попадёт в его руки, ему не поздоровится. А если её порвут, как он объяснится с дядей Вань Эр? В конце концов, книга принадлежит ему. Может, я просто положил её не туда? Чу Шаоин перерыл все ящики и шкафы в поисках следов той книги. Он перевернул постельное бельё, перебрал все книги, которые раньше использовали в школе, обыскал все уголки комнаты, но так и не обнаружил ни следа книги. Теперь можно было сделать окончательный вывод: книгу забрал папа. Но Чу Шаоин не осмеливался спросить об этом у отца, потому что тот не одобрял чтение «ненужных книг», и если он спросит его об этом, то, без сомнения, развяжет семейную войну. Чу Шаоин почувствовал, будто его тело обжигает пылающее пламя, которое нагревает воздух в его животе, заставляя его раздуваться, как шина; этот горячий воздух натягивал живот так, что он казался готовым взорваться, но вскоре живот словно проткнули, и воздух изнутри устремился наружу. После того как воздух полностью вышел, живот снова наполнился газом, раздувая его, как у женщины перед родами, а затем воздух снова выходил — и так тело снова и снова подвергалось этой мучительной боли.

Когда Чу Шаоин уже не мог терпеть больше, дверь спальни открылась — вошёл папа, а в руке у него была книга — именно «Грозовой перевал». Папа бросил книгу на стол и недовольно посмотрел на Чу Шаоина.

«Эту книгу тебе дал твой дядя Ван Эр, да?» — в голосе отца не было упрека.

«Да, да», — кивнул Чу Шаоин, думая, что отец сейчас его побьет.

«Скорее верни её ему», — тихо сказал отец.

Чу Шаоин был безмерно рад: папа велел ему вернуть книгу дяде Вань Эр, а это значило, что он не порвет её.

«Да-да», — тихо ответил Чу Шаоин, опустив голову.

«В будущем читай поменьше таких бесполезных книг. Посмотри на своего дядю Ван Эр — какой он запущенный. Именно из-за того, что он слишком много читает, он и стал таким». С этими словами папа вышел из спальни.

Чу Шаоин поспешил запереть дверь на засов, потому что ему очень понравилась эта книга «Грозовой перевал», и он хотел дочитать её до конца, прежде чем вернуть дяде Вань

Эр. Поэтому он включил свет и продолжил читать. Папа несколько раз просил его пойти спать, но Чу Шаоин придумывал отговорки, что у него слишком много домашней работы и он ещё немного подождёт, пока всё не закончит.

Ночь прошла, и Чу Шаоин больше не мог терпеть: сбросив туфли и не помыв ног, он уснул в одежде. На следующий день, проснувшись, Чу Шаоин всё ещё беспокоился о книге: пока он её не дочитает, он ни за что не отдаст её дяде Ван Эр. Он думал, как бы спрятать книгу, чтобы папа её не нашёл. Чу Шаоин долго ломал голову, но вдруг ему пришла в голову идея: он выкопал лопатой ямку во дворе, положил туда книгу и засыпал её землёй. Ха-ха, так папа наверняка не обнаружит её. Чу Шаоин почувствовал себя очень довольным, у него появилось ощущение реального достижения.

Наскоро позавтракав, Чу Шаоин отправился в школу один. Утренний ветерок был прохладным, а колышущиеся листья деревьев словно приветствовали его.

Чу Шаоин, полный радости, пришёл в школу. Окинув взглядом территорию, он неожиданно заметил Сяо Ибай, и тот, в свою очередь, тоже обратил на него внимание.

Чу Шаоин слегка помахал ему рукой, и Сяо Ибай тоже помахала ему в ответ. Чу Шаоин подошёл к ней: «Почему ты вчера не пришла?»

Этот вопрос вновь задел Сяо Ибай за живое, и на её лице, которое до этого было ясным, как безоблачное небо, тут же сгустились тучи. Сяо Ибай заплакала, плакала очень горько, и, плача, сказала: «Тело моей мамы ещё не остыло, а папа уже привёл домой другую женщину. Я очень рассердилась, поссорилась с папой и в гневе заявила, что больше не пойду в школу».

Чу Шаоин смотрел, как она плачет, но не знал, как утешить Сяо Ибай, и мог только дать ей возможность выплакаться до конца — возможно, после этого все проблемы разрешатся.

Сяо Ибай вытерла слёзы рукавом и продолжила: «Потом, наверное, папа почувствовал, что не прав, и наговорил мне кучу лестных слов, уговаривая пойти в школу, и только тогда я пришла сюда».

«Жаль», — без выражения сказал Чу Шаоин.

«Что жаль?»

«Вчера был день выдачи школьной формы. Ты не пришла, а значит, теперь ты уже не полноправная ученица нашей школы», — сожалел Чу Шаоин. В его глазах школьная форма была чем-то очень благородным, и каждый ученик должен был гордиться тем, что её имеет.

Но, к удивлению, Сяо Ибай не придала этому значения. С безразличным выражением лица она презрительно отмахнулась: «Фу, школьная форма? Мне она не нужна. Это всё обман, притворство».

«Притворство?»

Чу Шаоин вспомнил, как говорил дядя Ван: «Столкнувшись с различными проявлениями притворства в обществе, мы должны радоваться. Если даже руководители притворяются, это означает, что в этом мире ещё существует справедливость и сохраняется знамя справедливости. Как только они перестанут даже притворяться, тогда этот мир действительно придёт к концу».

Но хотя Чу Шаоин считал эту мысль вполне обоснованной, с его ограниченным кругозором он ещё не мог понять всей её глубины. Чу Шаоин снова погрузился в молчание: он никогда не утешал девушек и не знал, как их порадовать.

Наконец, неизвестно, иссякли ли слёзы Сяо Ибай или она просто наплакалась и не хотела больше плакать.

«Не грусти, всё будет хорошо», — Чу Шаоин, увидев, что настроение Сяо Ибай немного улучшилось, произнес эти слова утешения.

— Правда? — Сяо Ибай подняла голову, и её лицо, испещрённое слезами, обратилось к Чу Шаоин.

«Конечно, будет. Небеса, посылая человеку беду, всегда дарят ему и удачу», — выдумала Чу Шаоин на ходу.

Сяо Ибай встала и пошла к толпе. Некоторые одноклассники говорили: «В последнее время в нашей школе привидения. Кто-то даже встретил привидение в туалете — белое, с черепом, оскалившее зубы и даже пожирающее людей. К счастью, тот человек был одет во всё красное, и это отпугнуло привидение».

«Вранье», — возразили несколько одноклассников.

«Если ты осмелишься, так загляни-ка туда, этот призрак тебя точно съест», — сказали те одноклассники.

Все посмотрели в сторону туалета — он выглядел мрачно, а в крошечное окошко не проникал даже солнечный свет. Поразмыслив немного, они в конце концов не решились войти: в конце концов, героям никогда не суждено хорошо кончить.

Сяо Ибай тоже взглянула на туалет и, увидев его мрачный вид, задрожала. Она инстинктивно отвернула взгляд и больше не смотрела на туалет. Её реакция оказалась удивительно схожей с реакцией Чу Шаоин: обе они боялись привидений и были малодушными людьми.

— Ты любишь читать? — внезапно спросила Сяо Ибай у Чу Шаоин.

«Да, конечно, люблю», — честно ответил Чу Шаоин. Но Чу Шаоин, похоже, уловил, что та хочет что-то сказать, и спросил: «В чём дело?»

— Я тоже люблю читать. У тебя дома есть библиотека? — спросила Сяо Ибай.

«Нет!» — лаконично ответила Чу Шаоин.

«У меня дома есть несколько книг, которые оставила моя мама. После её смерти папа собирался сжечь их. Я упорно настаивала, приводила множество аргументов и убеждала его оставить эти книги. Папа не смог меня переубедить и согласился оставить их», — с гордостью сказала Сяо Ибай.

«А какие там книги?» — заинтересовался Чу Шаоин; его жажда знаний была сравнима с потребностью в еде и воде.

«Там есть „Лунь Юй“, „Чжуан-цзы“, „Хань Фэй-цзы“, „Дао-дэ-цзин“ и так далее», — быстро перечислил Сяо Ибай, говоря об этих книгах так, будто обсуждал повседневные дела.

«Что это за книги такие? Почему я о них даже не слышал?» Чу Шаоин читал очень мало, поэтому эти древние труды были ему, естественно, совершенно незнакомы.

«Можно только сказать, что ты мало что знаешь. Эти книги — наследие наших предков, но ты, как и те простые люди, никогда не прикасался к культуре». В голосе Сяо Ибай слышалось легкое разочарование. Ей нравились эти вещи, и, конечно, она хотела найти друга, разбирающегося в них, чтобы вместе обмениваться мнениями и взаимно обогащаться.

«А о чём там говорится в этих книгах?» — с любопытством спросил Чу Шаоин. Это пробудило в нём интерес: чем больше он не знал, тем сильнее его любопытство.

«В книгах есть всё что угодно. Если хочешь понять, о чём там на самом деле идёт речь, тебе стоит самому их прочитать. В конце концов, я сама заинтересовалась этими книгами совсем недавно и тоже не очень-то в них разбираюсь», — серьёзно ответила Сяо Ибай.

«О-о».

«О, кстати, я вдруг вспомнил один куплет. Я предложу верхнюю строку, а ты сможешь придумать нижнюю?» — Сяо Ибай почувствовала легкое самодовольство; в конце концов, знание — это источник гордости.

«Что?»

«В бамбуковой корзине есть дно, но воду из неё не набрать. Сможешь придумать нижнюю часть?» — с гордостью предложил Сяо Ибай.

Чу Шаоин немного подумал. Его литературные познания были так же поверхностны, как вода в умывальнике — до дна видно с первого взгляда. Поэтому он покачал головой: «Не знаю».

«Я и знала, что ты не сможешь!» — Сяо Ибай стала ещё более самодовольной, и её лицо расцвело улыбкой, яркой как солнечный цветок.

«А ты сама сможешь придумать нижнюю строку?» — Чу Шаоин усомнился в её эрудиции: не обманывает ли она его? Что касается сочинения куплетов, то дети их класса видели только весенние куплеты, наклеенные по обе стороны от входных дверей, и те были составлены весьма нелепо.

Сяо Ибай приподняла брови и стала хвастаться: «Слушай внимательно нижнюю строку: „Железное дерево без корней само цветет“».

«Я знаю, что сочинила его очень хорошо, тебе не нужно меня восхищаться», — Сяо Ибай сияла от радости, словно весенний цветок.

Чу Шаоин вдруг вспомнил о книгах в доме дяди Ван Эр — казалось, среди них не было тех, о которых рассказывал Сяо Ибай. Чу Шаоин смущённо спросил: «Можно мне одолжить одну из твоих книг, чтобы почитать?»

«Конечно, завтра я принесу тебе одну книгу — «Лунь Юй», — дружелюбно ответила Сяо Ибай.

«Хорошо, только не забудь», — напомнил ей Чу Шаоин.

В эти два дня, возвращаясь домой, Чу Шаоин доставал с поля «Грозовой перевал» и, не пощадив времени, наконец дочитал его до конца. Затем он незаметно вернул книгу дяде Ван Эр. Дядя Ван Эр спросил его, не хочет ли он взять ещё какую-нибудь книгу, и Чу Шаоин помахал перед ним «Луньюй», которую ему одолжила Сяо Ибай.

«Хм, это хорошая книга, но, судя по твоим нынешним литературным знаниям, ты не обязательно сможешь её понять», — сказал дядя Ван.

Чу Шаоин с невинным выражением лица посмотрел на дядю Ван: именно потому, что не понимает, он и хочет её прочитать; если бы всё было понятно, зачем тогда читать?

Чу Шаоин не оставил книгу в спальне, а положил её в рюкзак; как только заканчивались уроки, он доставал её и внимательно читал. К счастью, в этом издании «Луньюй» был не только оригинал, но и примечания с переводом, благодаря чему Чу Шаоин мог понять две-три десятых. Чу Шаоин смутно ощущал, что эта книга «Луньюй» подобна океану глубиной в десять тысяч метров, и пока он может погрузиться лишь на несколько метров, но он был уверен: по мере своего постоянного изучения он обязательно сможет погрузиться на дно, открыть для себя неожиданные вопросы и разобраться во всех своих сомнениях.

В полдень Чу Шаоин поспешил домой, быстро пообедал и снова поспешил обратно в школу. Войдя в класс, он хотел только одного — читать книгу. Ему так нравилось то, что он находил в книгах! Он никогда раньше не осознавал, что существуют такие изящные формулировки — оказывается, китайский язык можно выражать именно так. Чу Шаоин словно оказался в незнакомой обстановке: здесь были прекрасные пейзажи, свежий воздух, всё было чудесно, но это была совершенно иная красота, которую он никогда раньше не испытывал — необыкновенная и необычная красота.

Чу Шаоин читал так увлечённо, что забывал и о еде, и о сне. Он читал очень долго, и когда наконец поднялся со стула, почувствовал, что ягодицы затекли от сидения, а кожа слегка покалывала, словно её шлифовали наждачной бумагой, вызывая лёгкое неприятное ощущение. Едва ягодицы оторвались от стула, как газы в животе словно рекой хлынули вниз, и вот так образовался полупердеж. Чу Шаоин подержал его некоторое время, но всё же не смог сдержаться: глухой пук, словно спускающийся воздух из велосипедной камеры, медленно и протяжно вырвался наружу. Вонь была похожа на то, как будто в крошечном помещении, заполненном пылью, пронесся сильный порыв ветра, превратив его в беспорядочную, задымленную и зловонную кашу. Именно такая невыразимая вонь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.